

**Звезда
Востока**

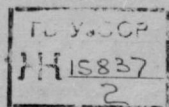
3

2
1961

Звезда Востока

*Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
УЗБЕКИСТАНА

2

ГОД ИЗДАНИЯ XXIX

ФЕВРАЛЬ

ОБЪЕДИНЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «КИЗИЛ УЗБЕКИСТОН»,
«ПРАВДА ВОСТОКА» И «УЗБЕКИСТОНИ СУРХ»

СОДЕРЖАНИЕ

Размаха шаги саженьи 3

ХАМЗА ХАКИМ-ЗАДЕ НИЯЗИ

К 70-летию юбилею

Камиль Яшен. Слово о Хамзе	7
Хамза Хаким-заде Ниязи. Красноармейцы. <i>Хоровая песня</i> . Эй, рабочий! <i>Песня</i> . Перевел с узбекского <i>Б. Лузовской</i> . На смерть Турсуной. <i>Стихи</i> . Перевела с узбекского <i>Б. Инбер</i> .	13
Лазиз Каюмов. Хамза в литературной критике	16
М. Рахманов. О ненайденных пьесах Хамзы	22

Шамиль Алядин. Если любишь... <i>Роман</i> . Авторизованный перевод с татарского <i>А. Одинцова</i> .	32
Зоя Туманова. Весна под снегами. <i>Рассказ</i>	78

НА СТРАЖЕ МИРА

Полковник А. Карбовский. Солдат мира	84
<i>Творчество воинов-туркестанцев</i>	
Полковник В. Карпов. Дерзость. <i>Рассказ</i>	89
Ефрейтор И. Ружанский. Часовой. <i>Стихи</i>	92
Младший сержант В. Дьяченко. Бессмертие. <i>Стихи</i>	93
Старший сержант Г. Япринцев. Молодому солдату. <i>Стихи</i>	95
Капитан В. Назаров. Небо зовет. <i>Стихи</i>	95
Майор Н. Борискин. Два слова. Великий калужанин. <i>Стихи</i>	96
Сержант запаса Дмитрий Теплов. Критическое положение. <i>Веселый рассказ</i>	97
Старший техник-лейтенант Д. Крятов. Медсестра. <i>Стихи</i>	100
Старший сержант запаса Е. Видонова. Туркестанцы. Твой ровесник. <i>Стихи</i>	100
Старшина запаса М. Ушаков. Рассказ командира. На марше. <i>Стихи</i>	102
Семен Гудзенко. Среднеазиатский дневник. «Вместо предисловия» Константина Симонова	104
А. Рахмат, И. Каськов. Дорогами побед. <i>Очерк</i>	124

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

В. Ларцев, Р. Шагинян. Коммунизма зримые черты	135
--	-----

САТИРА И ЮМОР

Мих. Мелкумов. Тщетная предосторожность. <i>Рассказ</i>	147
Мих. Пругер. Конь и язык. <i>Басня</i>	150
З. Рыбак. Творческая обстановка. Дайте мне квартиру. <i>Короткие рассказы</i>	151
Л. Шабшай. Баран и приказ. <i>Басня</i> . В стакане. Критикан. Тонкий подхалим. Тунейдец.	152
В. Дробин. Бывает и так	154
О. Юхнов. Точный диагноз. <i>Рассказ</i>	155

НАШ СОЛНЕЧНЫЙ КРАИ

Л. Перепелицына. Песни и обычаи узбекских чабанов	157
---	-----

Редактор А. А. УДАЛОВ.

Редколлегия: С. П. БОРОДИН, Г. П. ВЛАДИМИРОВ, А. М. ИВАНОВ,
В. А. КОСТЫРЯ, Р. ФАИЗИ, М. И. ШЕВЕРДИН.

Рукописи объемом менее печатного листа не возвращаются.

Адрес редакции «Звезда Востока»: Ташкент, Первомайская, 20. Телефон 32689.

Сдано в набор 13/І 1961 г. Подписано к печати 14/ІІ 1961 г.
Бумага 70×108¹/₁₆. Физич. печ. л. 10,0. Условных печ. л. 13,7. Уч. изд. л. 15,58.
Тираж 3200. Р 08213. Изд. № Б-2362. Заказ № 2249. Цена 50 коп.

Ташкент. Типография Объединенного издательства «Қизил Ўзбекистон»,
«Правда Востока» и «Ўзбекистони Сурх».

РАЗМАХА ШАГИ САЖЕНЫ

Есть события, которые оставляют неизгладимый след в человеческой истории. Такими выдающимися событиями, привлекающими внимание широких общественных кругов всего земного шара, являются съезды Коммунистической партии Советского Союза.

Созданная великим Лениным, наша партия прошла славный путь борьбы и побед. Представители коммунистических и рабочих партий в Заявлении, принятом на ноябрьском совещании в Москве, единодушно подчеркнули, что общепризнанным авангардом мирового коммунистического движения была и впредь остается Коммунистическая партия Советского Союза, что ее опыт, накопленный в борьбе за победу рабочего класса, в строительстве социализма и в осуществлении развернутого строительства коммунизма, имеет принципиальное значение.

К голосу нашей партии, указывающей ясный путь в будущее, уверенно ведущей народы Советского Союза к победе коммунизма, прислушиваются сотни миллионов людей на всей нашей планете.

И когда стало известно, что январский Пленум ЦК КПСС принял постановление о созыве очередного XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза, — эта весть с быстротой молнии облетела весь мир.

Двадцать второй съезд КПСС созывается 17 октября 1961 года. Утвержден следующий порядок дня съезда:

1. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС — докладчик Первый секретарь ЦК КПСС тов. Хрущев Н. С.

2. Отчетный доклад Центральной ревизионной комиссии КПСС — докладчик

председатель Ревизионной комиссии тов. Горкин А. Ф.

3. Проект Программы КПСС — докладчик тов. Хрущев Н. С.

4. Об изменениях в Уставе КПСС — докладчик секретарь ЦК КПСС тов. Козлов Ф. Р.

5. Выборы центральных органов партии.

XXII съезд КПСС соберется через пять лет после XX съезда и через два года и девять месяцев после внеочередного XXI съезда партии.

Известно, какую огромную, поистине историческую роль сыграл XX съезд КПСС в жизни партии и страны, в международном коммунистическом и рабочем движении, какой выдающийся вклад внес он в творческое развитие марксистско-ленинской теории.

«Исторические решения XX съезда КПСС, — говорится в Заявлении ноябрьского совещания представителей коммунистических и рабочих партий, — имеют не только великое значение для КПСС и коммунистического строительства в СССР, но и положили начало новому этапу в международном коммунистическом движении, способствовали его дальнейшему развитию на основе марксизма-ленинизма».

Идя ленинским курсом, намеченным XX и XXI съездами КПСС, наша партия добилась выдающихся успехов в осуществлении программы развернутого коммунистического строительства. Проведенные за этот период крупные мероприятия в области внутренней и внешней политики способствовали росту могущества и авторитета Советского государства, подъему народного благосостояния, дальнейшему

усилению мирового социалистического лагеря, упрочению дела мира. Огромное значение имели такие меры, осуществленные партией, как перестройка управления промышленностью и строительством, реорганизация машинно-тракторных станций и дальнейшее развитие колхозного строя, укрепление связи школы с жизнью и перестройка системы народного образования в стране.

Успешно выполняется величественный семилетний план развития народного хозяйства СССР, утвержденный внеочередным XXI съездом КПСС, ознаменовавшим вступление нашей страны в период развернутого строительства коммунизма.

Могучей поступью идет советский народ по пути, начертанному родной партией.

«Мы уверенно и твердо идем вперед по испытанному ленинскому пути, преодолевая все препятствия и преграды,— говорит товарищ Н. С. Хрущев.— Подобно тому, как передовой отряд альпинистов смело и мужественно штурмует новые, казалось бы, неприступные вершины и прокладывает путь людям, идущим за передовым отрядом, так и наша партия — боевой авангард рабочего класса, трудящихся Советского Союза — ведет советский народ к сияющим вершинам коммунизма».

Вспомним некоторые цифры. Плановыми заданиями предусматривалось, что промышленная продукция страны за первые два года семилетки должна вырасти на 17 процентов, а фактически она выросла на 22,1 процента.

Огромные успехи достигнуты советской наукой и техникой. всему миру известны замечательные победы наших ученых, инженеров, техников и рабочих в исследовании космического пространства, развитии ракетостроения, радиоэлектроники, в использовании атомной энергии в мирных целях, во многих других областях науки и техники. Стремительный шаг вперед сделало наше сельское хозяйство. За семь лет, прошедших после сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 года, производство зерна возросло более чем на 3 миллиарда пудов, а государственные закупки — почти на миллиард пудов, чему в решающей степени способствовало освоение целинных земель. Производство мяса возросло в полтора, а закупки — в два с лишним раза, производство молока — в 1,7 раза, а закупки его — почти в два с половиной

раза. Неуклонно растет благосостояние советского народа. Во втором году семилетки завершен перевод на сокращенный семи- и шестичасовой рабочий день всех рабочих и служащих. В нашей стране впервые в истории принят и осуществляется Закон об отмене налогов с рабочих и служащих. Ширится жилищное строительство, растет товарооборот.

Коммунистическая партия Советского Союза и ее Центральный Комитет, претворяя в жизнь ленинскую национальную политику, проявляют постоянную заботу о расцвете производительных сил всех союзных республик. Яркий пример тому — Советский Узбекистан. Быстрыми темпами развиваются промышленность и сельское хозяйство нашей республики, повышаются материальное благосостояние и культурный уровень трудящихся. Узбекистан превращается в крупнейший центр газовой промышленности страны. Через необозримые просторы — от Джаркака до Ташкента — пролегла нитка газопровода. Она протянется еще дальше и принесет узбекский газ промышленным центрам Урала и других районов Советского Союза. В прошлом году началось сооружение Ташкентской тепловой электростанции — одной из крупнейших в стране станций открытого типа, которая будет работать на природном газе. В республике воздвигаются десятки новых крупных предприятий цветной металлургии, строительной индустрии, химической и других отраслей промышленности.

Да, у нашей страны действительно «размах шага сажень!»

В творческом, созидательном труде советского народа, в его самоотверженной работе по созданию материально-технической базы коммунизма формируется новый человек — человек коммунистического завтра. Все больший размах приобретает движение за коммунистический труд. В нашей повседневной жизни мы на каждом шагу встречаем ростки нового, которые умножаются и крепнут.

Истекшие после XX съезда КПСС пять лет полностью подтвердили сделанный им вывод о том, что в настоящее время нет фатальной неизбежности войны, что войну можно предотвратить. Неуклонно осуществляя ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем, проводя активную миролюбивую внешнюю политику, Совет-

Красноармейцы

Хоровая песня

Эй, вставайте в ряды, друзья!
Эй, настала пора атак!..

Поднимите, несите вперед
Революции красный флаг!

Истребляйте всех кровопийц,
Богатеев крушите стан,

Утвердите свободу вы
Для рабочих и для дехкан.

Будьте утреннею звездой
Неба вольности и добра,

Встав пред недругами горой,
Раздавите их, как гора.

Львы могучие, барсы, — в бой!
Победить нам пришла пора.

1919

Эй, рабочий!

Песня

Эй, рабочий!
Сожми свой кулак!
Встань, джигит удалой,
Жирных баев долой:
Нашей воли мы подняли флаг!

В руки долю возьми,
Наше время теперь,

Мы недаром снесли
Столько бед и потерь!

Эй, рабочий!
Сожми свой кулак!
Встань, джигит удалой,
Жирных баев долой:
Нашей воли мы подняли флаг!

Будет счастлив батрак,
Горе мыкавший век,
Сбросит баев ярмо
Трудовой человек!

Эй, рабочий!
Сожми свой кулак!
Встань, джигит удалой,
Жирных баев долой:
Нашей воли мы подняли флаг!

Не хотим прозябать:
Дорог труд бедняка!
Хватит кровь проливать
Ради хлеба куска!

Эй, рабочий!
Сожми свой кулак!
Встань, джигит удалой,
Жирных баев долой:
Нашей воли мы подняли флаг!

Гнули спину века,
Знали тягостный гнет...
О, когда к нам, когда
Светоч воли придет?

Эй, рабочий!
Сожми свой кулак!
Встань, джигит удалой,
Жирных баев долой:
Нашей воли мы подняли флаг!

Избивала плетями нас
Байская власть,
Наша алая кровь
Непрестанно лилась!

Эй, рабочий!
Сожми свой кулак!
Встань, джигит удалой,
Жирных баев долой:
Нашей воли мы подняли флаг!

Жирных баев долой!
Их сметем навсегда —
Мы дорогу дадим
Честным людям труда!

Эй, рабочий!
Сожми свой кулак!
Встань, джигит удалой,
Жирных баев долой:
Нашей воли мы подняли флаг!

Землю с бою возьмем,
Эй, к оружию, батрак!
Вековечного рабства
Развееся мрак!

Эй, рабочий!
Сожми свой кулак!
Встань, джигит удалой,
Жирных баев долой:
Нашей воли мы подняли флаг!

1917

Перевел с узбекского В. Луговской.

На смерть Турсуной

Чистота была в каждом уголке,
Платье вымыто, сохло на шнурке.
А предатель-муж мне готовил нож,
Смерть моя была у него в руке.

Лепестками дней жизнь моя цвела,
Я порою спать от счастья не могла,
А убийца-муж, как ночной злодей,
Мне нанес удар в грудь из-за угла.

Бой неравный был. В четырех стенах
Никого друзей. Только смертный страх.
Только муж-палач. Только в сердце нож.
Только цвет надежд, превращенный в прах.

Пользу принести жаждала стране,
А взамен того стыд и горе мне —
Не могла свою волю защитить,
Жертвой стала я в мужней западне.

Нет, не надо слез! Траур ни к чему.
Распознать врага у себя в дому,
Продолжать борьбу, сестры, надо вам,
Гибель Турсуной учит вас тому.

Сверстницы мои! Вам вперед идти
С зоркостью в глазах, с мужеством в груди,
Чтобы никакой Ходжикул* не мог
Встать у молодой жизни на пути.

1928

Перевела с узбекского В. Инбер.

* Ходжикул — муж Турсуной, фанатик, зверски убивший свою жену.

ХАМЗА В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

Хамза Хаким-заде Ниязи — самая яркая фигура узбекской культуры первой половины XX века. Говорить о Хамзе — значит говорить о последнем этапе демократической литературы, об отношении прогрессивной узбекской интеллигенции к революции, о формировании, развитии и новаторском характере узбекской советской литературы, музыкального и театрального искусства, о становлении метода социалистического реализма в них. Обо всем этом и говорится в многочисленных научных работах узбекских литературоведов и искусствоведов, посвященных Хамзе Хаким-заде Ниязи.

О творческой и общественной деятельности Хамзы литературная общественность заговорила еще до революции. Однако настоящее, научное изучение творчества Хамзы начинается в советское время, причем в хамзаведении оставили свои следы все этапы идеологической борьбы в литературе.

Революционно-пропагандистская деятельность Хамзы была не по душе литераторам-националистам, скрытым врагам революции. Они яростно бросились на Хамзу, стали порочить его деятельность и творчество. Но Хамза встретил горячую поддержку политуправления Туркфронта, его руководителей Фрунзе и Куйбышева. Центральный орган Туркестанской Коммунистической партии газета «Иштрокиюн» («Коммунист») в своей статье от 3 апреля 1920 года одобрила работу передвижной драматической труппы Хамзы на фронтах. Эта же газета в нескольких своих номерах 1920 года рекламировала его постановки в Ташкенте, рецензировала пьесы «Отравленная жизнь», «Бай и батрак», «Трагедия тыловых рабочих», «Ферганские трагедии» и другие произ-

ведения Хамзы. Этими статьями партийной газеты и начинается подлинное хамзаведение. Выступления партийной печати положили конец прямым атакам на поэта-революционера, что отмечалось, например, в статье Абдуллы Кадыри «Почему?» («Иштрокиюн», 8 мая 1920 года).

Однако кривотолки и извращения идей произведений Хамзы, необъективная критика его творчества продолжались и потом. Ярким примером этого служит рецензия на драму Хамзы «Герой Огуз», напечатанная в газете «Кизил Байрок» 16 октября 1921 г., в которой некий горе-критик отрицает драматический талант Хамзы — автора «Бая и батрака».

Сравнительно объективная оценка творчества Хамзы дана в статье русского ученого Б. А. Пестовского об узбекском театре, написанной и изданной в 1922 году в журналах «Инкилоб» и «Наука и просвещение» на узбекском и русском языках. Здесь замечено, что критика к творчеству Ниязи относилась излишне сурово. Это — совершенно правильное резюме Б. А. Пестовского о раннем периоде хамзаведения.

Попытки принижать значение творчества Хамзы имели место и в 1925 году в статье поэта-националиста Чуллана «Великий индеец» (журнал «Маориф ва уқитувчи», 1925 г., № 7—8) и в анонимной статье «О кружках художественной самодеятельности» (газета «Фергана», 14 февраля 1925 г.).

Присвоение Хамзе почетного звания народного поэта в 1926 году было лучшей, совершенно правильной оценкой замечательного узбекского советского художника. Это событие дало хамзаведению новое, нужное направление. В связи с этим

событием в журнале «Маориф ва укитувчи» (1926 г., № 10—11) напечатана статья Ш. Сулейманова о творческой биографии Хамзы. Несмотря на спорность некоторых мыслей, наличие фактических ошибок, это была первая серьезная статья, где делалась попытка осветить творческий путь Хамзы и положительно оценивалось его творчество.

Трагическая гибель Хамзы на боевом посту потрясла всю республику, вызвала отклики в сердцах многотысячных его почитателей, стала в центре всеобщего внимания. Все газеты и журналы республики печатали сообщения и некрологи, сообщения с подробностями Шахимарданского события, писали о возмущении народа, о клятве трудящихся продолжать дело Хамзы, освещали в цикле статей суд над убийцами поэта и печатали приговор суда. Журнал «Аланга» намеревался регулярно публиковать воспоминания о поэте и поместил очень интересное воспоминание о деятельности Хамзы в 1916 году, в дни народных волнений. (К сожалению, это ценное начинание не было доведено до конца). Самое крупное литературное объединение того времени — «Кизил калам» второй сборник своих произведений посвятило памяти поэта, погибшего в борьбе за социалистический строй. Сборник, на первой странице которого был напечатан большой портрет Хамзы, открывался статьей Ш. Сулейманова «Жизнь поэта (краткая биография)» и стихотворением «Смерть поэта». В этой книге говорится о намерении литобъединения «Кизил калам» издать специальный сборник о Хамзе. Это намерение, по неизвестным нам причинам, осталось неосуществленным.

Произведения Хамзы по разным причинам печатались сравнительно редко. Все напечатанное наследие его составляет около двадцати стихотворений на страницах газет и журналов, сборник стихотворений «Атиргуль» (1919) и драма «Прежние выборы» (1926). Вот почему особую ценность приобрела книга русского музыковеда Н. Миринова «Песни Ферганы, Бухары и Хивы» (1931). В разделе ферганских песен автор приводит около двадцати песен Хамзы, услышанных в личном исполнении поэта.

В тридцатые годы появилось много статей о первых этапах узбекской советской литературы, в которых упоминается

и Хамза. Кроме одной неверной оценки дореволюционного творчества Хамзы как поэта-джаида, все остальные мысли этих статей — совершенно справедливые.

Большое значение для развития хамзаведения имело решение партии и правительством широко отметить десятилетие со дня гибели Хамзы. Начались поиски утраченных произведений поэта, составление его «Избранных произведений» и глубокое научное исследование творчества первого узбекского советского писателя. Последние попытки признать значение Хамзы получили отпор в передовой статье газеты «Кизил Узбекистон» от 16 июля 1939 года, где поверхностная оценка творчества Хамзы оценивалась как пренебрежение к узбекской советской литературе. Статья призывала к созданию серьезных научно-исследовательских работ о Хамзе. Вскоре появились содержательные статьи Юсуфа Султанова, Сатти Хусейна, Шакира Сулейманова, Шарифа Ризо и других хамзаведов. Появились брошюры о жизни и творчестве Хамзы Ю. Султанова (1940, 1949, 1955), Хамиля Якубова (1942), А. Бабаханова (1954). В послевоенные годы Ю. Султанов, А. Бабаханов, Р. Пулатов, Х. Назарова, З. Миргурсунов, У. Вазаров и М. Рахманов защитили диссертации о жизни и творчестве, драматургии, общественно-политических, философских взглядах, о театральной деятельности и языке произведений Хамзы. В докторских диссертациях академика Ибрагима Муминова «Из истории общественно-философской мысли в Узбекистане» и Иззата Султанова «Из истории становления метода социалистического реализма в узбекской литературе» отдельные главы посвящены Хамзе и являются большим вкладом в хамзаведение.

Однако и эти работы еще не охватывали всего многогранного творчества крупного узбекского художника. Многократно издававшиеся «Избранные произведения Хамзы» стали повторять друг друга, снизился темп исканий рукописей и утраченных произведений, мало разрабатывались теоретические проблемы хамзаведения, имелось много белых пятен в богатой биографии поэта, не собирались и не издавались воспоминания современников Хамзы, хотя их оставалось все меньше. Все это вызвало законную тревогу литературной общественности. Эта тревога слышалась в статьях А. Каюмова и К. Мунирова,

А. Рыбника и Т. Турсунова «Об изучении драматургического наследия Хамзы», доцентом САГУ Г. Каримова, Л. Каюмова, Х. Якубова, А. Шарифудинова «Глубоко изучать литературное наследие» и И. Каськова «Восстановить литературное наследие народного писателя Узбекистана». Эти вполне справедливые требования, поддержанные решением Центрального Комитета Компартии Узбекистана о проведении юбилей Хамзы в связи с 70-летием со дня его рождения, нацелили внимание исследователей на крупные проблемы хамзаведения.

Так появились в печати вновь найденные произведения Хамзы — в «Избранных произведениях», изданных в 1958 году на узбекском и русском языках. Сборники обогатились новыми произведениями и доброкачественными переводами. Большим достижением в области текстологии хамзаведения является двухтомник Хамзы на узбекском и русском языках (УзГНЛ, Ташкент, 1960 г.), подготовленный к печати группой научных сотрудников Института языка и литературы Академии наук Узбекской ССР и изданный под редакцией членов-корреспондентов АН УзССР Ю. Султанова и К. Яшена.

Появилось несколько содержательных научных работ о жизни и творчестве Хамзы, об основных проблемах хамзаведения. Они свидетельствуют о большом подъеме в этой области узбекского литературоведения.

Одной из больших работ последнего времени явилось весьма ценное исследование московского искусствоведа Г. А. Уваровой «Хамза Хаким-заде Ниязи», включенное в книгу «Писатели народов СССР», изданную в Москве в 1957 году издательством Академии наук СССР. В этом очерке, объем которого более 2,5 печатных листа, подробно излагается творческий путь поэта и драматурга. В этой работе впервые подвергается всестороннему анализу вновь найденная драма Хамзы «Победа». Автор очерка пользуется некоторыми материалами из воспоминаний современников Хамзы, с которыми автору довелось лично встречаться. Так, в беседе с автором Бигмат Нурматов, работающий ныне машинистом Бокандского паровозного депо, участник организованного Хамзой в 1927 году рабочего железнодорожного театра, напоминает, что Хамза ставил в этом театре свою пьесу о Навои. Участник другого драматического кружка Хамзы Таш-

ходжаев сообщает сведения о трех пьесах писателя: «Националисты», «Труд и золото», «Имена верности». Народный артист УзССР Вахаб Азимов рассказал о постановке самим Хамзой пьесы «Живые картины. Кашгал». В центре сцены находился высокий станок, к нему по бокам примыкали широкие лестницы, на которых стояли представители разных национальностей России. У подножья станка лежал артист, изображавший Николая II. Стоящий над ним рабочий опускал на него молот, а красноармейцы направляли штыки. Эта живая картина служила как бы иллюстрацией к стихотворению Хамзы «Пробудись, рабочий!», которое коллективно декламировали ее участники. Затем они пели песню Хамзы «Эй, эй, стреляем!»

По воспоминаниям участников Г. А. Уварова восстанавливает содержание и постановку одноактной комедии «Удочка», написанной в 1919 году. В ней показан «рыболов», который вытаскивал своей удочкой скрывшихся в «водоеме» различных представителей старого мира; они признавались в тайных мечтах о свержении Советской власти и возврате былых порядков, а «рыболов» давал остроумные сатирические комментарии к их признаниям.

В этих новых материалах, глубоких научных обобщениях — ценность работы Г. А. Уваровой.

Работа рассчитана на всесоюзного читателя. Поэтому она должна была бы полнее отражать творческий облик народного писателя Узбекистана. В ней, к сожалению, не нашло своего достойного места освещение педагогического и публицистического наследия Хамзы, без которого нельзя признать полным его творчество. Поэзия Хамзы, проблемы ее новаторства также исследованы еще недостаточно полно. Композиция очерка, особенно той части, где по жанрам характеризуется драматургия Хамзы, вызывает недоумение. Безусловно логичнее вести изложение этой части творчества в хроникальном порядке, проследив и эволюцию мастерства драматурга. Все эти пожелания могут быть учтены при дальнейшей доработке этого исследования, которое, однако, и в настоящем виде тоже весьма ценно.

Старейший исследователь Хамзы Ю. Султанов в последнее время издал две книги: «Хамза» (1959) на русском и «Народный

художник» (1958) на узбекском языках. Эти работы фактически — переиздания его предыдущих работ, дополненные многими новыми материалами о биографии Хамзы и его творчестве. Исследователь привлек много интересных фактов из личного архива поэта, среди которых имеются и письма Хамзы. Из груды материалов умело отобраны наиболее ценные. Стиль Ю. Султанова — короткими, но характерными фразами рисовать облик писателя. Особенно похвалы заслуживает анализ забытых произведений Хамзы, таких как «Отравленная жизнь». По сохранившимся в архиве поэта афишам, в которых излагалось и содержание пьесы, исследователь восстанавливает цепь событий в произведениях «Трагедия тыловых рабочих» и «Ферганские трагедии». После чтения книг Ю. Султанова отчетливо предстает перед нами гражданский облик писателя — активного работника народного просвещения, организатора колхозов, неутомимого пропагандиста ленинских идей, ярого врага феодальных пережитков.

Книги полны публицистического пафоса, язык исследователя выразителен и потому работы читаются с большим интересом.

Ю. Султанов старается определить этапы творчества Хамзы, показать эволюцию его творчества и мировоззрения. Эти этапы: годы молодости; по следам Мукими и Фурката, в поисках науки и света; старая жизнь — отравленная жизнь — логичны и соответствуют действительности. Не совсем удачна периодизация послереволюционного творчества Хамзы.

Рассмотренные книги не лишены недостатков. В некоторых местах имеются фактические ошибки. Так, утверждается, что Хамза в конце июня 1924 года возвратился из Хорезма в Боканд. А в справке, дающей с последнего места работы Хамзы, указывается, что он работал там до 8 августа 1924 года.

Самый существенный изъян этой работы, как совершенно справедливо отмечено в статье А. Вулиса об этой книге, напечатанной в журнале «Вопросы литературы», — недостаточное внимание к идейно-эстетическим проблемам. Анализ произведений ограничивается, как правило, идейно-тематическим их рассмотрением. Слишком скупы сведения о литературном окружении Хамзы. О литературных связях в очерке говорится весьма поверхно-

стно: лишь называются имена предшественников и преемников Хамзы, никаких иллюстраций, никаких ссылок на произведения.

Совершенно за пределами внимания исследователя остались, к сожалению, работы о Хамзе других авторов, в том числе предисловие Иззата Султанова к «Избранному» Хамзы (Москва, Гослитиздат, 1958). Иззат Султанов отмечает и недостатки драматургии Хамзы — такие как замедленность драматического действия, некоторая вялость диалога, элементы риторичности и мелодраматизма, натуралистический характер некоторых эпизодов. Автор очерка не нашел нужным высказать свою точку зрения по поводу этих критических замечаний. А жаль! Хамза достаточно много сделал для советской литературы и ни в каких скидках, конечно, он не нуждается.

Мы уверены, что Ю. Султанов, опытный исследователь, в своих дальнейших работах учтет критические замечания литературной общественности.

Наиболее ценной научной работой о Хамзе за последнее время представляется нам книга кандидата искусствоведческих наук Мамаджана Рахманова «Хамза Хаким-заде Ниязи и узбекский советский театр», изданная на узбекском языке в 1959 году. Этот капитальный труд объемом в 20 с лишним печатных листов охватывает много вопросов не только творчества Хамзы, но и истории узбекского театра. Так, во вступительной части вкратце излагается история узбекского театрального искусства с древнейших времен до Хамзы. Затем идет изложение драматургической и театральной деятельности Хамзы дореволюционного периода. Советский период творчества писателя делится на этапы его театральной деятельности по хронологии, а его произведения — по жанрам: драма, трагедия, комедия. Последнее, как и в книге Г. А. Уваровой, на наш взгляд, не совсем удачно. Органически не входят в ткань книги и разделы «Хамза и театр», «О театральной критике в начале 20-х годов».

Ценность исследования измеряется прежде всего тем, что нового дал исследователь в сравнении со своими предшественниками. В этом отношении книга М. Рахманова заслуживает самой высокой по-

хвалы. Он дал очень много. Дал подробный рассказ о зарождении, развитии и расцвете театрального таланта Хамзы, дал сведения о многих неизвестных произведениях его, таких как «Телефон» и другие, восстановил сюжеты некоторых произведений по воспоминаниям артистов, исполнивших ряд ролей в спектаклях Хамзы. Самое ценное то, что автор исследования на основании очень многих фактов показал нам гигантскую фигуру Хамзы — артиста, режиссера, драматурга. Такие книги имеют большое значение не только для хамзаведения, но и для воспитания чувств патриотизма, национальной гордости.

Единственным моментом, где автор, нам кажется, не последователен, является его отношение к джадидской драматургии и театру. Подробно излагая факты об этом периоде узбекского театра, автор книги не показал отчетливо своего отношения к нему.

Хочется верить, что готовящийся автором к изданию русский перевод этой книги будет композиционно компактным, мысли предельно ясными, теоретические обобщения станут более глубокими.

Книга Мамаджана Рахманова — большой вклад в хамзаведение, в историю узбекского театра, в историю узбекской культуры.

Монография Ф. Караматова, изданная в 1959 году на русском языке, называется «Хамза Хаким-заде Ниязи и узбекская советская музыка». Автор ставил целью охарактеризовать Хамзу как первого узбекского советского музыкального деятеля и проследить его роль в дальнейшем формировании музыкального искусства Узбекистана. Следует сказать, что автор с этой задачей вполне справился. В книге на конкретных примерах показана большая любовь Хамзы к музыке и его музыкальный талант. Ясное понимание им значения народных песен привело к тому, что он собрал и издал семь сборников народных песен еще до революции. О музыкальном и песенном творчестве Хамзы в советское время с тонким вкусом и большим знанием дела говорится в центральной главе книги. Для полного освещения музыкальной деятельности Хамзы автор книги пользуется материалами из воспоминаний близко знавших Хамзу композитора Т. Джалилова, певца Шерази Якубова, участника оркестра, руководимого Хамзой,

К. Давидбаева, земляка поэта И. Зияева, И. Джамаловой, артиста Таджи-заде. Многие из этих материалов собраны во время ферганской экспедиции Института искусствознания в 1955 году и, следовательно, впервые вводятся в научный обиход. Подобранный метод следует всячески приветствовать, ибо именно таким добыванием новых материалов можно двигать вперед науку, обогащать хамзаведение.

Еще одной отличительной чертой этой книги является то, что ее автор, в отличие от всех предыдущих исследователей, уделил большое внимание традициям Хамзы в узбекской советской музыке, в творчестве узбекских советских композиторов Т. Джалилова, И. Икрамова, Ф. Садыкова, К. Джаббарова, Н. Хасанова и других.

Наличие отдельных фактических неточностей не снижает значения этой нужной книги, перевод и издание которой на узбекском языке весьма желательны.

Анализу общественно-политических и философских взглядов Хамзы посвящена книга У. Базарова «Идейные основы творчества Хамзы Хаким-заде Ниязи» (Изд. АН УзССР, Ташкент, 1960). Работа состоит из трех больших глав. В первой главе автор характеризует Хамзу как просветителя-демократа, многочисленными фактами подкрепляет свою мысль. Во второй главе Хамза показан как пропагандист идей социализма. Эти главы имеют подразделы, содержание которых ясно изложено в заголовке: «Хамза — пропагандист идей союза рабочего класса и трудового крестьянства», «Идеи патриотизма и дружбы народов в произведениях Хамзы», «Борьба Хамзы за создание социалистической культуры в Узбекистане». В третьей главе рассматриваются атеизм Хамзы, его эстетические и этические взгляды. Последние разделы, особенно раздел об эстетических взглядах Хамзы, не отличаются глубиной содержания, хотя материалы этой части давали возможность более глубокого обобщения. Так, разве можно на 13 страницах рассказать об эстетических взглядах самого крупного узбекского советского художника, совершившего революцию в литературе и театральном искусстве? К недостаткам книги относятся также и вольный перевод некоторых отрывков из произведений Хамзы, неправильное утверждение, будто «Диван» его составлен в 1907—1914 гг. (31 стр.). Известную драму Хамзы «Отравленная жизнь» автор

книги почему-то называет «Жизнь — от-
рава».

Надеемся, что узбекский вариант книги,
готовящийся сейчас к изданию, будет бо-
лее содержательным.

А. Бабаханов в последнее время изуча-
ет педагогическое наследие поэта-просве-
тителя. Оно состоит из трех рукописных
учебников для начальных узбекских школ
нового типа. Свои выводы по этой части
А. Бабаханов изложил в московском жур-
нале «Советская педагогика» (1959, № 10)
на русском языке и в брошюре «Педагоги-
ческие идеи Хамзы» (Ташкент, 1960)
на узбекском языке. В этих работах под-
вергаются анализу педагогические произ-
ведения Хамзы, являющиеся хорошим об-
разцом дореволюционной детской литера-
туры. Характерно, что Хамза для детей
писал и прозаические произведения. Эти
произведения занимают особое место в до-
революционной узбекской литературе, ко-
торая до революции почти не знала худо-
жественной прозы. Автор брошюры совер-
шенно правильно квалифицирует мысли
Хамзы об изучении русского языка, об
освоении передовой культуры, об обучении
в русско-туземной школе как наиболее
прогрессивные педагогические идеи своего
времени.

Главный недостаток работы — поверх-
ностный анализ произведений — оправдан
в какой-то степени тем, что она рассчита-
на на массовую аудиторию как публичная
лекция, изданная Обществом по распро-
странению политических и научных зна-
ний. Популяризация творчества Хамзы —
одна из важнейших задач хамзаведения,
и в этом отношении брошюра А. Бабаха-
нова ценна.

Как видно из сказанного, в изучении
творчества Хамзы достигнуты определен-

ные успехи. Кончился период общего рас-
смотрения многогранного творчества Хам-
зы, наступил период изучения конкретных
проблем его творчества на основе привле-
чения и новых материалов. Отрадно то,
что появились новые имена молодых ис-
следователей. В основном из их работ со-
стоит изданный на узбекском языке в
1960 году сборник статей о Хамзе. В
этой книге, объемом около 15 печатных
листов, помещены статьи Б. Гулямова
«Мотивы эмансипации женщин в поэзии
Хамзы», Х. Умарова «Разоблачение реак-
ционной идеологии ислама в творчестве
Хамзы», Т. Расулева «Сатира Хамзы»,
Г. Мунинова «Хамза и фольклор»,
Ш. Турдыева «Дореволюционная узбек-
ская проза и Хамза», М. Алимова «О
драме Хамзы «Победа», Х. Мухтаровой
«О сборниках песен Хамзы», Р. Камало-
вой «О раннем поэтическом сборнике
Хамзы», М. Хашимовой «Раннее драмати-
ческое творчество Хамзы». Все эти ста-
тьи написаны на новом материале. Нуж-
но пожелать авторам более смелого теоре-
тического обобщения, которое заметно в
других статьях этого сборника — в таких,
как статьи В. Захидова «Хамза и Восток»,
Ф. Камалова «Роль Хамзы в становлении
и развитии современного узбекского ли-
тературного языка».

Много задач стоит перед исследователя-
ми. До сих пор нельзя считать полной би-
ографию Хамзы, не найдены еще многие
поэтические и драматические произведе-
ния, пора приступать к изданию полного
собрания сочинений писателя, давно на-
стало время должным образом оценить до-
революционное творчество Хамзы. Мы уве-
рены, что все эти задачи будут успешно
решены. Залог этого — весьма заметный
ныне подъем хамзаведения.

О НЕНАЙДЕННЫХ ПЬЕСАХ ХАМЗЫ

(„Ферганские трагедии“)

Выдающийся представитель советской многонациональной культуры, революционный поэт Хамза Хаким-заде Ниязи явился основоположником узбекской советской драматургии и театра. Хамза в первые же дни Советской власти все свое творчество, многогранный талант свой отдал созданию и развитию узбекского советского театра, узбекской советской драматургии, которые он стремился направить на служение социалистической революции.

Хамза еще до Октябрьской революции создал и поставил на сцене организованного им демократического театра такие драматические произведения, как «Отравленная жизнь», «Польза науки», «Грешная ошибка домуллы Нормухамеда», «Автономия» или «Мухторият» и др. В этих трагедиях, драмах и комедиях Хамза звал народ к просвещению, изображал тяжелую жизнь трудящихся, рисовал пагубные последствия царской колониальной политики, разоблачал представителей феодального мира, духовенство, показывал тяжелую жизнь узбекских женщин, находившихся на положении рабынь.

Хотя его герои тогда еще не стояли на позициях классовой борьбы, они, подобно Марьям-ханум, выступали на арену борьбы как активные представители подавленных слоев общества, возмущенные несправедливостью, бесправием, произволом феодально-колониального режима.

Проникнутые демократическими идеями, дореволюционные сценические произведения Хамзы сыграли большую роль в пробуждении классового самосознания и распространении освободительных идей.

Драматургическая и театральная деятельность Хамзы до революции проходила в тяжелой обстановке, наталкиваясь на упорное сопротивление сил реакции; его беспощадно преследовали и травили.

Мечты Хамзы о создании подлинно народного узбекского театра и узбекской драматургии сбылись лишь после Октябрьской революции.

Если русский театр пришел к Октябрю, имея на своем вооружении замечательное наследство классической драматургии, то в Узбекистане дело обстоит иначе. После революции нужно было для нового узбекского советского театра создать новую узбекскую оригинальную драматургию, так как далекая от народных интересов джадидская драматургия была сметена Октябрьской революцией.

Хамза считал, что вновь рожденный узбекский советский театр по своему направлению должен быть высокодейственным. Поэтому он был ярким противником безыдейности в искусстве. Тесно сплетая искусство с политической агитацией, он уделял большое внимание подбору пьес. По его мнению, репертуар театра должен быть идейно-актуальным, заостряющим внимание на новых проблемах, целеустремленно борющимся против старых пережитков и реакции, призывающим народ на борьбу за новую жизнь.

На долю Хамзы выпала именно эта историческая задача по созданию новой узбекской советской драматургии, проповедующей революционные и социалистические идеи.

После Октябрьской революции, почти одновременно с первым произведением русской советской драматургии — революционно-сатирической пьесой В. В. Маяковского «Мистерия-буфф», уже в 1918 году появляются на узбекской сцене революционно-героическая пьеса Хамзы «Бай и батрак», агитационные сатирические пьесы «Наказание клеветников», «Удочка» и первая пьеса на современную тему — тетралогия «Ферганские трагедии». Эти замечательные произведения, рожденные в первые годы Советской власти, в огне интервенции и гражданской войны, послужили той основой, на которой вырос узбекский советский театр.

Именно с этого времени социалистические идеи начинают проникать в узбекскую советскую драматургию, воспевающую революцию, зовущую на защиту завоеваний Октября и Советов, на борьбу с силами старого, за утверждение новой свободной жизни, за тесную связь с жизнью, выдвигаются новые социальные проблемы, изображаются народные герои.

К сожалению, многие пьесы Хамзы не дошли до нас: не найдена тетралогия «Ферганские трагедии», написанная в 1918—1919 гг., «Трагедия мобилизованных» (1916—20 гг.), «Герой Огуз» (1921 г.), «Хивинская революция» (1922 г.) и многие другие.

Настоящая статья посвящается анализу тетралогии «Ферганские трагедии» Хамзы — первой пьесы из современной жизни революционного Узбекистана, которая входила в основной репертуар Краевого политико-агитационного передвижного театра Хамзы.

Пьеса несколько позднее с успехом шла также на сценах Кокандского, Андижанского театров и в труппе М. Таджи-заде. Кроме того, 30 апреля 1921 года третья часть ее была показана комсомольско-молодежной труппой г. Ташкента, а вторая часть «Ишпат Курбони» — 22 сентября 1921 года «Узбекской краевой труппой» в постановке режиссера М. Уйгура.

Несмотря на то, что «Ферганские трагедии» ставились много раз в ряде театров в годы интервенции и гражданской войны, подлинники их не найдены, не уцелели и копии. Сохранилась, однако, неизгладимая память о волнующих спектаклях, которые видели десятки тысяч зрителей. Многие из актеров, которые играли в этих трагедиях, живы. Много цен-

ного сказано в рецензиях, статьях и афишах того времени.

Поэтому мы сделали попытку собрать все подпадающее изучению источники. Почерпнутые из них данные, сопоставленные друг с другом, позволили нам на основании газетных источников, архивных материалов и воспоминаний артистов восстановить содержание и частично текст всех четырех пьес тетралогии. Без такой реконструкции трудно было бы пересказать содержание пьесы, а тем более судить об ее идейно-художественных качествах.

Труппа Хамзы, завоевавшая большую популярность своим революционным репертуаром, привлекает к себе внимание Политотдела Туркестанского военного округа, который в октябре 1918 г. вызвал ее из Ферганы в Ташкент в свое распоряжение. Коллективу вменили в обязанность обслуживать воинские части по всему Туркестану.¹ Теперь название «Ферганский музыкально-драматический театр» уже не соответствовало новому назначению труппы, поэтому Политотдел решил ее переименовать, назвав «Краевым политико-агитационным передвижным театром». Это новое наименование фактически означало создание первого национального театра Туркестанской республики. Таким образом, честь быть организатором театра и его руководителем выпала на долю Хамзы.

В Ташкенте Краевой политико-агитационный передвижной театр вплоть до дня отправки на фронт регулярно ставил спектакли, устраивал концерты, привлекая много зрителей. После перехода коллектива в распоряжение Политотдела, выделившего средства на его содержание, у Хамзы появилась возможность ставить бесплатные спектакли, что обеспечивало большой охват зрителей.

¹ Открытие первого Узбекского советского театра, созданного Хамзой в г. Фергане, состоялось 1 мая 1918 г. Театр открылся концертной программой. Труппу сперва наименовали «Драматическая труппа мусульманской молодежи при Скобелевском городском отделе образования». Затем, после перехода труппы в распоряжение Политотдела Ферганского обленкомата, она именовалась «Ферганский музыкально-драматический театр». Первой драматической постановкой труппы была пьеса «Бай и батрак», премьера которой состоялась 20 июня 1918 г.

Тщательно готовясь к выезду на фронт, труппа стремилась пополнить свой репертуар злословными произведениями. В них надо было откликнуться на задачи, поставленные политической обстановкой.

А эта обстановка в Туркестане значительно осложнилась к концу 1918 года.

Перед партией тогда стояла задача — во что бы то ни стало сохранить завоевания Октября. С этой целью в Туркестан перебрасываются новые войска, из числа местного населения создаются красногвардейские части, среди населения проводится массовая агитационная кампания, разъясняющая народу значение Октябрьской революции. Эта огромная работа возглавлялась Политуправлением Туркфронта. Привлекая на свою сторону революционно настроенных представителей местной интеллигенции, Политуправление развернуло в больших масштабах пропаганду и агитацию через печать, выпуска газет, листовки. Широко были использованы все виды художественного воздействия: театр, кино, музыка, агитационные плакаты и разнообразные формы устной пропаганды, особенно важной среди населения в подавляющем большинстве неграмотного. Именно с этой целью Политуправление Туркфронта вызвало в помощь себе театр, руководимый Хамзой, превратив его в крайовой.

Хамза с энтузиазмом взялся за создание большого сценического произведения, состоящего из четырех частей (19 актов). В октябре 1918 г. он заканчивает первые две пьесы, а в декабре — третью.

Впервые в истории узбекской литературы были изображены представители широких народных масс, поднявшихся на защиту Советов, созданы образы большевиков, возглавивших народную борьбу. В числе других персонажей выведены были басмачи — враги Советской власти.

Чтобы показать глубокое значение созданных Хамзой произведений, уместным будет провести такую аналогию. В 1918 г. выступление с подобными спектаклями, проповедовавшими коммунистические идеи, было явлением новым не только для Узбекистана, но и для колыбели революции — Петрограда, а также Москвы. Стоит вспомнить, что «Красная Правда» А. Вершишева, «Захарова смерть», «Бабы» и «Гражданская война» А. Неверова, «Марьянка» А. Серафимовича и другие пьесы русских советских писателей, отразивших

революционные события, появились лишь в 1919—1920 годах. Поэтому вполне очевидно, какое историческое значение имел факт создания трех столь актуальных произведений, как пьесы из цикла «Ферганские трагедии». Постановка их на узбекской сцене в 1918 году, когда в Туркестане шла упорная борьба за упрочение Советской власти, определяет почетное место Хамзы в истории всего театра народов СССР.

Каждая часть тетралогии «Ферганских трагедий» — это совершенно законченное драматургическое произведение, выдвигающее особую тему, связанную, однако, с общей темой всего этого цикла пьес, посвященного борьбе против контрреволюционных сил.

В первой пьесе тетралогии, названной автором «Жертвы угнетения» («Мазлум курбонлар»), показано всенародное ликование, вызванное победой Октябрьской революции, принесшей народам свободу и радость. Молодая чета — Талат и Нафиса вместе со всем народом принимает участие в празднике. В годы, предшествовавшие революции, Талат активно участвовал в освободительной борьбе народа. Этот замечательный коммунист, выходец из среды трудящегося люда, после Октября ведет большую работу по упрочению Советской власти. Об этом и повествует начало этой четырехактной пьесы.

...Усталый Талат возвращается с работы, ложится отдохнуть и быстро засыпает крепким сном. Нафиса хочет разбудить его, но не решается. Обращаясь к сонному Талату, она говорит: «Милый мой, хочу разбудить тебя, но не осмеливаюсь. А не разбужу, ты обидешься, ведь у тебя дела. Ну ладно, поспи еще немного»...

Сквозь сон расслышав ее слова, он просыпается. Супруги обнимают друг друга, горячо целуются. Незаметно в разговоре они переходят к вопросам, глубоко их волнующим. Талат с горечью рассказывает о том, как растут силы басмаческих шаек, как грабят они народ. «И как было бы хорошо, если бы поскорее уничтожить этих проклятых бандитов, тогда бы началась новая хорошая жизнь». Он говорит ей, что несознательная часть населения, подавшись провокационной агитации, переходит на сторону банд. Партии необходимо вести терпеливую разъяснительную работу среди населения, разоблачая действительное лицо басмачей. С этой

целью в села направляются многие коммунисты. Талат сообщает Нафисе, что по заданию партии и его мобилизуют на борьбу с басмачеством. Нафиса, встревоженная, со слезами на глазах, прижимаясь к груди мужа, умоляет его быть осторожным. Первое действие заканчивается их расставанием и уходом Талата.

Второе действие пьесы проходит в кишлаке. Талат собирает в чайхане местных жителей, проводит с ними беседу, разоблачает басмачей как врагов Советской власти и трудящегося народа и призывает присутствующих с оружием в руках помогать Красной Армии в разгроме разбойничьих шаек. «Великий русский пролетариат, — говорит оратор, — принес узбекскому народу счастье, нашей борьбе помогает великий Ленин».

Агитационно-разъяснительная работа Талата в кишлаке становится известной врагам и вызывает у них злобное раздражение. Предводитель басмаческой банды Эргаш курбаши призывает «схватить живым этого большевика» и объявляет, что он желает «разделаться с ним» лично.

Тем временем Талат продолжает выступать то здесь, то там перед дехканами. Издали слышатся ружейные выстрелы, в село врываются басмачи. Несмотря на угрозу кровавой расправы, дехкане упорно молчат и не выдают скрывавшегося среди них агитатора; это приводит извергов в бешенство, и немало жертв падает в этот день.

Однако предатель нашелся: бесчестному шпиону, продажному эликбашу удается схватить Талата и доставить его басмачам. Но бандиты не намерены удовольствоваться одной лишь казнью смельчака. В «назидание» тем, кто сочувственно слушал его речи, а потом укрывал его, они замышляют гнусную расправу над его женой. Они хотят ее захватить и надругаться над ней в присутствии мужа.

Третье действие пьесы происходит снова в доме Талата. Нафиса одна. Тревожась за мужа, она не находит себе места. Развлекая себя песнями, она вспоминает: сколько же дней прошло после его отъезда? Много, а он все не возвращается. Успокаивая себя, она говорит: «Мой Талат герой, он даже из-под мельничного жернова выйдет невредимым».

Наступили вечерние сумерки. Неожиданно послышался громкий стук в дверь. Радуюсь возвращению мужа, Нафиса вы-

бегает открыть калитку, но... вместо долгожданного любимого во двор врываются басмачи. Начинается обыск. Нафису всячески оскорбляют. Она иронически спрашивает их: «Ведь вы называете себя представителями ислама, так какое отношение имеет мой сундук к вашей религии?». Озлобленный гневным сарказмом, прозвучавшим в словах Нафисы, атаман шайки говорит: «Не только муж этой негодяйки, но, похоже, и сама она той же породы...» Главарь приказывает связать Нафису и, уложив ее на арбу, вместе со скромным имуществом ее увозят.

О драматургическом мастерстве Хамзы свидетельствует весь изложенный ход событий, дающий ощущение нарастания напряжения от первого «камерно-лирического» акта ко второму, построенному на массовых сценах. Третье действие служит как бы «задержанием». Но это не отвлечение в сторону, а развитие сюжета. Тревога зрителей за судьбу героя усиливается беспокойством за жизнь его жены. Кульминация, как и надлежит ей быть в хорошей пьесе, отодвинута к финалу, заставляя публику с неослабевающим интересом следить за ходом событий до последнего мгновения спектакля.

Вот как выглядело последнее, четвертое действие трагедии в постановке Хамзы на сцене его Краевого политико-агитационного театра. Здесь напряжение достигало апогея, глубоко раскрывая основную идею автора: сталкиваются две, совершенно непримиримые социальные группы, борьба беспощадна и жертвы в ней неизбежны; но врагам не победить, народ обязательно встанет на сторону правды, на сторону большевиков.

Сцена разделена на две части: на одной половине — веранда, а напротив — эюнюшия. Открывается занавес. На веранде восседают басмачи, едят, пьют, веселятся. В эюнюшии лежит связанный Талат. В его глазах горит огонь ненависти к бандитам. Он наблюдает, как там, наверху, бывший военный министр «Кокандской автономии» Эргаш курбаши бражничает в кругу своих сподвижников.

М. Кары-Якубов — артист первой узбекской труппы, — исполнявший роль Эргаша курбаши, создал образ подлого, растленного человека. В сцене допроса артист удачно раскрывал характер басмаческого главаря.

Пьяный Эргаш поднимается с места и,

стоя на веранде, начинает разговор с пленником. Он предлагает ему перейти на сторону басмачей, стать на службу «нации» и «религии» и предупреждает Талата, что в случае отказа — он будет убит, а его жена обещена.

Но железного человека нельзя согнуть, герой стойко борется за народное счастье. Ни «слащавые» увещевания курбаши, ни его гнусные угрозы не могут действовать на стойкого коммуниста, роль которого обычно играл сам Хамза. В его исполнении на сцене выростала фигура бесстрашного бойца, обладающего покоряющей духовной силой. Талат (Хамза), обращаясь к басмачам, с большим подъемом поет в ответ гневную песню:

Да разве птица, вырвавшись из
клетки,
Пожелает вновь попасть туда же?
Вы, кровожадные тираны, думаете,
что
Угнетенный народ пойдет за вами?!

Разъяренный Эргаш бросает в лицо Талата опорожненные бутылки и приказывает по средневековому обычаю отрубить голову. Занавес закрывается под пламенные призывы героя и перед лицом смерти не изменяющего святому делу, которому он отдал жизнь: «Да здравствуют Советы!», «Да здравствует свобода!», «Долой угнетателей!».

Здесь следует отметить одно важное обстоятельство. Режиссерское искусство Хамзы было характерно тем, что он особое внимание уделял глубокому раскрытию основной идеи произведения. Так, например, для того, чтобы сделать доходчивой фразу Талата: «Разве угнетенные пойдут за вами?!» — артист обращался по существу к зрительному залу, выдерживая паузу. Он давал возможность зрителям, среди которых было немало сочувствующих, в прошлом тоже угнетенных бедняков, мысленно ответить на поставленный вопрос.

«Жертва на алтарь свободы» («Иппат Курбони») — вторая пьеса из цикла «Ферганские трагедии». Посвящается она разоблачению контрреволюционных действий дашнакской партии в Туркестане, где жило немало армян. В конце 1917, в начале 1918 года буржуазно-националистическая армянская партия дашнаков спровоцировала в Коканде и других городах кровавый мятеж, пролив кровь многих ни в чем неповинных людей. Вооруженные банды дашнаков разжигали национальную рознь,

организовывали политические провокации, пытаясь противопоставить местных, коренных жителей края молодым советским органам. Обвиняя мирное население в мнимом покровительстве басмачам, они под этим предлогом организовывали резню, расстреливали жителей, грабили их имущество, насильствовали женщин, резали детей. Эти контрреволюционно-провокационные действия совершались якобы в защиту Советов. В действительности же провокаторы, действовавшие по указке зарубежных империалистов, преследовали единственную цель — вызвать в народе недовольство Советской властью.

Хамза очень скоро разгадал контрреволюционный смысл этих выступлений. И он старается раскрыть перед народом истину, показав, что у буржуазных националистов, в данном случае дашнаков, «защита Советской власти» — это поцелуй Иуды, оплаченный тридцатью сребрениками в иностранной валюте.

...Сад в задней части дома Джамили. Рассветает. Распустившиеся весенние цветы. Вокруг тишина, лишь соловьиная трель нарушает это безмолвие. Сюда приходит возлюбленный Джамили Фатих. Издали слышится его песня. Джамили встречает его ответной песней. Влюбленные стихами выражают свою любовь, клянутся во взаимной верности.

Эта первая картина пьесы отражает явление новых взаимоотношений между людьми в завоеванном революцией освобожденном мире. Старый отец Джамили и ее мать беседуют о предстоящей свадьбе влюбленной пары. Но время беспокойное, вокруг бесчинствуют басмачи. Родители решают дожидаться того дня, когда банды будут ликвидированы и когда можно будет справить свадьбу. Фатих — советский учитель. Девушка тоже мечтает стать такой же, как ее любимый, она хочет учиться, служить обществу. Но ее сладкие мечты нарушают неожиданные выстрелы. Ее отец Хасан-ата вбегает с улицы, с волнением сообщая о нашествии басмачей, и тут же причет свою дочь.

Но то были не басмачи, а вооруженная дашнакская шайка. До того, как ворваться в дом, эти бандиты скрыто перебросили через забор оружие в сад отца Джамили. Войдя в жилище скромного труженика, они сразу же потребовали от Хасана-ата выдать будто бы укрывающихся у него басмачей. Недоумевающий старик говорит,

что он бедный ремесленник и не причастен к этим делам. Тем временем один из дашнаков находит в саду «запрятанное оружие», что дает основание считать «доказанным» обвинение, возведенное на Хасана-ата, в помощи басмачам. Ограбив дом, дашнаки уносят все пожитки бедняка, а вместе с ними и связанную Джамилю.

Третья картина происходит в помещении тюрьмы около Кокандского вокзала, где учиняются страшные расправы. Слышны стоны истерзанного Хасана-ата, который умирает на руках своей рыдающей дочери. Спустя некоторое время сюда же входит дашнакский главарь, который пытается овладеть пленницей. В страшном отчаянии, упорно сопротивляясь, Джамиля кусает руки палача. «Я готова умереть, но тебе подлому не отдамся». Видя, что силой ему с ней не справиться, бандит начинает ее уговаривать, попутно выпрашивая ее имя. «Меня зовут «Иппат Курбони» (то есть «жертва на алтарь свободы») — гордо отвечает несчастная девушка. Видя бесполезность дальнейших попыток, дашнак удаляется.

Бедная Джамиля оплакивает отца, поет грустную мелодию, вспоминая Фатиха. Но вот ей чудится в отдалении его голос. Это Фатих. Тайком пробравшись в тюрьму, он развязывает ей руки. Заметив распростертое тело Хасана-ата, Фатих бросается к нему, но убеждается в том, что тот уже мертв. Не в силах сдержать своего гнева, он обращается к народу — к зрительному залу со страстным монологом, разоблачая гнусную провокацию дашнаков и выражая уверенность в победе Советов.

В момент, когда молодые люди выбрались из каземата, дашнакский главарь убивает Фатиха и, захватив в свои руки Джамилю, овладевает ею.

В следующей картине зрители видели осиротевшую девушку в изорванной одежде, с растрепанными волосами у могилы своего отца и Фатиха. Она одна, без крова, без надежд... Джамиля произносит здесь взволнованный монолог и со слезами на глазах поет печальную песню. В это время появляется призрак ее любимого Фатиха в белом саване, который присоединяется к грустной мелодии своей невесты. Обращаясь к нему, Джамиля произносит: «Я не виновата, на мою честь, которую я берегла для тебя, покусились дашнаки, прости меня, дорогой». Призрак исчезает, а обезумевшая от горя несчастная девуш-

ка в отчаянии произносит: «Уведи меня с собой, не оставляй меня одну!» — и уда- реном ножа убивает себя.

Закрывается занавес. Но на этом драма не заканчивается.

Хамза показывает различие между армянским народом и дашнаками, которых он называет националистами. Это наглядно раскрывается в третьем действии пьесы. Против дашнакского главаря «хумбагета» выступает стражник тюрьмы армянин Сурен. До глубины души возмущенный гнусным насилием «хумбагета» он помогает влюбленным выйти из каземата, а под конец действия, узнав о его новом отвратительном преступлении, собственноручно убивает виновника. Так армянин отомстил дашнаку за гибель своих друзей-узбеков.

Националистической ограниченности в этом ярком примере противопоставлялась идея интернационализма, объединяющая трудящихся разных национальностей.

В то время, когда партия и правительство мобилизовывали все силы для решительного оппора силам контрреволюции, показ подобных пьес народу имел исключительно большое значение.

Первые две пересказанные нами пьесы тетралогии были поставлены Краевым театром под руководством автора, выступившего и режиссером и актером. Несмотря на сжатые сроки, которые были отведены на подготовку, Хамзе удалось проявить свое мастерство не только в создании отдельных характеров, но и в удачном построении сцен. Обе премьеры состоялись в Ташкенте. Отражающие современные события и проникнутые новыми идеями спектакли имели большой успех у зрителей.

Приближалась первая годовщина Октябрьской революции. Было объявлено решение театрального управления Народного комиссариата просвещения РСФСР, подписанное А. В. Луначарским, о посылке на фронт театральных и концертных трупп для культурного обслуживания в дни Октябрьской годовщины войсковых частей Красной Армии, а также населения прифронтных районов.¹ С этой целью при Политуправлении Туркфронта были организованы два агитпоезда. Один для Закаспийского фронта, другой — для Оренбургского. В самом конце октября 1918 г.

¹ «Известия ВЦИК» № 223, 25 октября, 1918 г.

группа Хамзы специальным поездом «Красный Восток» отправилась на Закаспийский фронт¹

Агитпоезд состоял из 13 вагонов, здесь, помимо специальной типографии, киноустановок, выставок, находились также русские и татарские труппы. В состав узбекской труппы входили Хамза, Кары-Якубов, Ходжа Сиддик Исламов, К. Эгамбердиев, Мария Кузнецова, Г. Мусаханов, М. Раджабов, С. Асамитдинов, Кушак Давидов и другие артисты.

По пути ставились концерты и спектакли в войсковых частях, клубах, на открытых станционных площадках, платформах и т. д. Первые дни Октябрьской годовщины труппа провела в Кизил-Арвате. На фронте были поставлены драма «Бай и батрак», первая и вторая пьесы из цикла «Ферганские трагедии» и комедия «Наказание клеветников».

В условиях напряженной гастрольной работы Хамза пишет третью пьесу из цикла «Ферганские трагедии» и тут же разучивает ее с труппой. В декабре 1918 года, во время гастрольных спектаклей на фронте, ставится новая драма, изображающая ту самую борьбу с басмачами, контрреволюционерами, в которой театр непосредственно участвовал.

Эта пьеса называлась «Безвинные жертвы». Состояла из четырех действий. В ней автор показывает баев и мулл как пособников и опору басмачей. Хамза, изображая их бесчинства и насилия, вызывает в народе гнев к этим преступникам. Дело в том, что басмачи не только грабили имущество. Из городов и сел, на которые нападали, они уводили с собой приглянувшихся им юношей и девушек.

В первом действии автор рисует в сатирических красках «увлечения» домоллы кокандского медресе развратника Абдулладжана Махсума. Хамза изображает отвратительные, гнусные дела учителей духовных школ, их маразм. Такое сатирическое изображение священнослужителей было продолжением линии, начало которой можно обнаружить в самых ранних произведениях писателя. В одном из них, написанном еще в 1913 году, перед первой империалистической войной, он предупреждает: «Мулла хитрит, мулла кова-

рен, не попадайся ему в плен».¹ Открыто призывая народ к недоверию святошам в полосатых халатах, Хамза всегда вел антиклерикальную борьбу, которая перерастает в антирелигиозную борьбу против «дурмана народа», развенчивает ореол, рассеивает густой «туман святости», застилалший глаза верующим.

Используя опыт классиков узбекской литературы, которые нередко перекладывали свои стихотворения на музыку, Хамза для того, чтобы увеличить доходчивость своей живой и действенной сатиры, чтобы довести каждое слово до широких слоев народа, не раз обращался к народным мелодиям, перекладывая на них свои стихотворения.

Успех и народное признание этих стихотворений-песен Хамзы вызвали волну ярости у реакционного лагеря.

Следовательно, высмеивание духовенства было не новым явлением в творчестве Хамзы. Но в данной пьесе основная цель заключалась не в этом. Автор показывает истинное назначение городского медресе и его учителей, которые выступали как враги Советской власти, являлись шпионами басмачей, оказывали им материальную поддержку, снабжали их оружием, приобретенным на средства имущих классов.

В медресе является представитель басмачей Рустам. Он вручает домолле «послание» курбаши, которое гласит: «Наши героические силы сражаются во имя ислама и шариата. Прошу вас оповестить на молебнах верующих, что мы боремся за дело религии; благословите наше победное шествие. Добродетельные баи обязаны снабжать нас оружием, средствами, питанием, вплоть до полного освобождения нашей отчины от иноверцев».

Кроме того, Рустам в устной форме передал домолле «деликатное» поручение курбаши—представить в его распоряжение несколько наиболее красивых учеников медресе для использования их официально в роли писарей. Ночью бандиты выкрадывают их и уводят в стан врага.

В следующем действии показывается, как партия ведет широкую разъяснительную работу среди населения, раскрывая глаза на истинную сущность басмачей. В городе создаются молодежные бригады,

¹ На Оренбургский фронт была послана труппа имени Карла Маркса.

¹ Хамза Хаким-заде Ниязи. Избранное. Узгосиздат. 1949., стр. 18.

которые ведут борьбу за освобождение захваченных юношей и девушек. Поднявшихся на борьбу с басмачеством возглавляет комсомолец Шарифджан. Бригады выезжают из города и тайно пробираются в кишлаки, в стан врага. Здесь они ведут среди рядовых басмачей, по темноте своей обманутых людей, разъяснительно-агитационную работу, чтобы расколоть басмаческое движение изнутри.

В третьем действии изображается гнусное обращение курбаши и его помощника Рустама с пленными — беззащитными юношами. Пробравшийся в логово хищников бесстрашный комсомолец Шарифджан оказывается среди этой обреченной на гибель молодежи.

Юношу должна постигнуть та же участь, что и других парней. Шарифджан якобы соглашается принять гнусное предложение, после чего его одевают в новый чапан и дают оружие. Выждав удобный момент, он убивает главаря басмачей. Помощник последнего Рустам Понесод, взбешенный поступком храбреца, хочет учинить над ним расправу, но в этот момент красный отряд ведет наступление на басмаческий стан. Перед бегством Рустам успевает застрелить Шарифджана. Пьеса заканчивается освобождением молодежи, увезенной из города басмачами.

Спешка и трудные условия работы, в которых писал эту пьесу драматург, дали себя знать.

Эта часть тетралогии разработана намного слабее предыдущих. Она, однако, интересна тем, что здесь впервые показывается в широком масштабе боевая деятельность комсомола и молодежи тех революционных дней. К слову сказать, не случайно 30 апреля 1921 года комсомольско-молодежная труппа, созданная при Ташкентском райкоме, поставила эту пьесу на сцене как молодежный спектакль, чтобы показать героические действия комсомольцев в гражданской войне.

Разумеется, отмечая художественные недостатки третьей пьесы из цикла «Ферганские трагедии», мы не вправе забывать, что те зрители, для которых написал и поставил ее на сцене Хамза, руководствовались не современными эстетическими критериями. Спектакль затрагивал настолько жгучие вопросы текущей жизни, что обеспечил себе аудиторию, заставляя ее прежде всего воспринимать актуальное содержание произведения.

Наступил 1919 год. Вскоре Краевой политико-агитационный театр вернулся в Ташкент. Здесь он продолжал свою обычную работу.

Вторичная поездка театра Хамзы на Закаспийский фронт состоялась в июне 1919 года. На этот раз репертуар был дополнен четвертой пьесой, входившей в тетралогию «Ферганские трагедии», а также новой концертной программой и инсценировками на злободневные темы.

В этой четвертой пьесе, озаглавленной «Мученики» («Маком шахдо»), автор раскрывает внешние связи басмаческих банд, помощь английских и американских империалистов басмачам — врагам Советов. Поднятая тема имела тогда огромное агитационное значение.

Известно, что в годы революции англо-американские империалисты и их правительства наряду с открытой интервенцией засылали в Туркестан множество шпионов и диверсантов для борьбы с молодыми Советами, подыскивая себе союзников, которым оказывали материальную и военную помощь. Эти империалистические государства непосредственно содействовали распространению басмаческого движения в Узбекистане.

Первое действие пьесы изображает деятельность авантюриста — английского шпиона Абдуллахана, укрывающегося под маской мусульманского мударриса — главы медресе. Действие начинается с картины большого пира в его доме в Ташкенте. Здесь присутствуют уполномоченные курбаши, прибывшие из Ферганы, тут же представители улемистов, мирно беседующие с русскими миссионерами. Ислам и православие одинаково полезны для контрреволюции. Собравшиеся отчитываются перед иностранным резидентом в своей подрывной работе на местах.

Абдуллахан недоволен отчетом своих сподвижников: сделанное ими представляется ему недостойным той военной и денежной помощи, которая оказывается англичанами. Но, видя унылое настроение подручных, чтобы приободить собравшихся и уверить их в благоприятном исходе борьбы, он говорит, что империалистические государства уже окружили Советскую республику, что скоро-де «Россия и Туркестан будут освобождены от большевиков». В заключение Абдуллахан торжественно заявляет, что «Великобритания — истинная защитница мусульман. Поэтому уничтожение большевиков и их сторонни-

ков, решительная борьба с Советами являются задачей сегодняшнего дня».

Далее, во втором акте пьесы, повествуется о деятельности коммунистов, посланных в кишлаки для укрепления Советской власти, показана их борьба с басмачами, которые проводят в жизнь указания Абдуллахана о белем терроре. Бандиты зверски расправляются с родственниками, молодыми женами и сестрами сельских коммунистов и дехканской молодежи, добровольно вступившей в ряды Красной Армии и сражавшейся с басмачами.

В третьем акте продолжается показ злодеяний басмачей, на этот раз по отношению к народному образованию. Драматург вводит в драму народного учителя, который открывает в кишлаке школу и начинает обучать грамоте детей местной бедноты. Узнав об этом, басмачи поджигают школу, как «богохульное», противоречащее шариату, заведение, а педагога подвергают казни, по средневековому обычаю отрубаят ему голову.

В четвертом действии происходит развязка. Сперва разыгрывается сцена ареста шести активистов, обвиняемых в причастности к большевизму. Посреди двора стоит группа пленных, закованных в цепи. Среди них есть и коммунисты. В этот момент во двор вбегает пьяный курбаши, который истошно вопит, что идет Красная Армия. В бессильной злобе он велит расстрелять всех захваченных активистов. Пленные коммунисты и беспартийные трагически погибают, так как красные войска не успевают их спасти. Но это не помогает озверелым злодеям, и финальная картина пьесы завершается разгромом банды.

В этой, четвертой, пьесе действуют люди, принадлежащие к противоборствующим лагерям. Если среди контрреволюционеров отчетливо обрисованы конкретные персонажи — разведчик-диверсант Абдуллахан курбаши, то против них выступает народ, а не одни какие-либо лица. Это не значит, что в каждом отдельном эпизоде понятие «народ» представлено безлико, не персонафицировано. Наоборот, в одном случае это — народный учитель, в другом — шесть активистов. Они приходят друг другу на помощь, как волна за волною из океана. Жалкими выглядят попытки самонадеянных глупцов, стремящихся рассечь эти волны. Конечно, одну или даже несколько из них

они могут разбить, но градят девятый вал, который сметет всю нечисть.

Несмотря на такое существенное сюжетно-композиционное отличие четвертой пьесы тетралогии от первых трех (где одни и те же герои ведут развитие действия от его начала до конца), она органически входит в созданный Хамзою цикл драматургических произведений. Общей для них стержень — тематическое единство. Вся тетралогия посвящена борьбе с басмачеством в Ферганской долине. Эта идейно-тематическая целостность несколько не нарушалась перенесением (в первой картине четвертой пьесы) места действия из Ферганы в Ташкент. Дом иностранного эмиссара, по сути дела, был генеральным штабом басмаческих банд, орудовавших в кишлаках Ферганской долины. Название тетралогии точно передавало ее содержание. Да, это действительно были разыгрывавшиеся в Фергане трагедии одна драматичней другой.

Возглавляемый Хамзою Краевой политико-агитационный театр принимал активное участие во всех политических кампаниях, проводимых в Ташкенте. В частности, здесь он обслуживал воинские подразделения, рабочих заводов, фабрик и так называемое неорганизованное городское население. Так, например, 5 сентября 1919 года в зале театра «Коллизей» ташкентские зрители смотрели первую пьесу из цикла «Ферганские трагедии» — «Мазлум курбонлаг», а также одноактную комедию «Удочка». 19 сентября по инициативе своего руководителя театр обслуживал делегатов VIII съезда Советов Туркестана. В объявлении, которое было напечатано в № 182 газеты «Иштрокион» за 25 сентября 1919 г., об этом спектакле сказано следующее: «С целью организации культурного досуга делегатов VIII съезда и учитывая то обстоятельство, что третья часть «Ферганских трагедий» была показана лишь один раз, артистическая комиссия сочла целесообразным поставить третью, а также четвертую части данной тетралогии».

На фронте спектакль приходилось ставить в тяжелых условиях. Театр часто подвергался налетам басмачей, поэтому актеры были вооружены, спектакль временами прерывался, пока актеры вместе с бойцами участвовали в очередной схватке,

отражая нападение. Но, несмотря на сложные фронтальные условия, труппа продолжала свои выступления.

Не трудно представить себе, как воспринимались зрителями «Ферганские трагедии» в городах Ферганской долины, когда туда выехал Краевой политико-агитационный передвижной театр в связи с наступлением второй годовщины Октябрьской революции. Гастрольные спектакли были даны в Коканде, Маргелане, Андижане, Фергане, Намангане. Вокруг всех этих городов кишмя кишели басмаческие шайки, происходили те самые кровавые события, какие изображались на сцене театра Хамзы.

Какое впечатление производили спектакли на публику, можно судить не только по аплодисментам, но и по злобствованиям врагов Советской власти. Несомненно, нельзя считать случайным то обстоятельство, что буржуазные националисты взяли в штывы тетралогию — это замечательное сценическое произведение. Критики из лагеря буржуазных националистов выступили в оскорбительном тоне против «Ферганских трагедий» и самого автора. Они договорились до того, что потребовали снятия с репертуара Краевого политико-агитационного передвижного театра пьесы этого цикла.

Все это понятно, так как Хамза в своих «Ферганских трагедиях» показал антагонистические противоречия двух социальных лагерей революционного периода — сторонников социализма и реакции. При этом дается высокая оценка моральных качеств борющегося за свою свободу народа, вскрывается и подчеркивается непреодолимая сила трудовых масс.

Громкий революционный призыв проходит через все его сценические произведения, для которых характерны боевая партийность, острая постановка вопросов, мощь агитационного воздействия.

Герои тетралогии «Ферганские трагедии» коммунист Талат и его мужественная жена Нафиса, коммунист Фатих и его верная подруга Джамиля, бесстрашный комсомолец Шарифджан и шесть безымянных коммунистов и честных беспартийных дехкан из финальной сцены тетралогии — все они погибают по одной и той же причине. Они не уступают под напором контрреволюционных сил, пытающихся остановить и даже повернуть обратно колесо истории. Их смерть трагична потому, что они политически правы, они на несколько голов выше своих врагов в морально-этическом отношении, на их стороне будущее.

Положительные персонажи в этих пьесах в большинстве случаев свой последний час встречают героически, не сдавшись в руки врагов.

«Ферганские трагедии» прославляли революционную борьбу советского народа с контрреволюцией и иностранной интервенцией, пробуждали в массах дух патриотизма, звали их к бдительности и единению вокруг партии. Главными героями представлены большевики, комсомольцы, идущие за ними беспартийные активисты.

Характеры этих людей воплощают лучшие качества советского человека: высокое понимание революционного долга, стойкость в борьбе, самоотверженность, организаторский талант, нестигаемую волю.

Если Любишь...

Роман

ПРОЛОГ

Дорогая моя Ирада! Вот я и приехал. На мне все еще меховые унты. Думал, что зима только в Архангельске, а оказывается, и в Москве вьюга. Удачно сел в самолет и снова приехал в лето. Открыл дверь своим ключом и сразу на меня пахнуло — подумать только! — дыней, а в открытую дверь столовой я увидел на буфете блюдо с виноградом, яблоками, гранатами. Чудеса!

Сейяре ушла в институт, а Сервер еще спал. Я, как был в своем непробиваемом свитере и кожанке, подошел к его постели. Он очень приятно причмокивает во сне губами. А как изменился он за эти четыре месяца и одиннадцать дней! Повзрослел, что ли? Вот нахмурил брови и глубоко вздохнул, видно, и у него есть свои заботы.

Вбежала Сабира-хола, всплеснула руками и давай гнать меня из спальни: «В ванну, мыться!»

Она, конечно, «так и знала». Ей, видишь ли, привиделся во сне мой приезд, и она с утра затопила ванну.

И вот я уже в пижаме сижу за завтраком. Все необыкновенно вкусно. Сабира-хола рассказывает о тебе, о детях.

Я слушаю ее и мысленно подсчитываю: если бы не пурга на мысе Челюскина, которая задержала наш самолет, мы с тобой могли бы встретиться.

После завтрака Сабира-хола торжественно вынула из фартука твое письмо.

— Почему же вы сразу не дали мне его?!

Но ведь у нашей Сабиры своя логика. Мало ли что написано в письме — лучше пусть человек сначала помоеется, поест, а потом уже принимается за чтение. Логика, что и говорить, — железная.

Вера Павловна у Чернышевского жила со своим мужем на разных квартирах. А мы все время в путешествиях.

Я помню, на фронте часто думал о тебе. Представлял: «Вот сейчас входит в наш окоп Ирада...». Впрочем, и в госпитале я так думал: «Вот в нашу палату входит Ирада. Она в халате». Все остальное придумывалось чрезвычайно легко: как ты улыбнулась — еще издали — подошла, наклонилась... Я тогда точно знал, что скажу тебе. А иногда,

после перевязок, пока не утихала боль, я подвергал себя жестокому анализу — почему я люблю тебя. Ведь нет человека, которого бы я так любил. Я думал, что если нам удастся встретиться, мы с тобой будем долго об этом говорить. Но, как всегда бывает после долгой разлуки, мы говорим о другом.

Сабира-хола говорит о тебе так:

— Твоя жена уехала в страну тысячи островов, где царит вечная весна и на улицах благоухают розы.

Когда ты приедешь, она не знает. Она сердится на меня, что не написал о приезде. Мог бы явиться на неделю раньше.

— Да, да, конечно, мог, — смеюсь я. Сабира опять права.

Начинает ныть нога. Она всегда ноет, когда я остаюсь в одиночестве.

Я снова перечитываю твое письмо и брожу хмурый по пустым комнатам. В садике у нас тоже розы. Я перечитываю письмо и всякий раз спотыкаюсь о твои «т» и «р». Ты их пишешь сливая с другими буквами. Сколько раз я тебе говорил: пиши четче.

Письмо твое интересное, особенно этот колониальный эпизод на промежуточном аэродроме. Я живо представил себе эту картину. Вы все сидите в небольшом холле или стоите у кабинета санитарного инспектора. Справки о прививках — вещь необходимая, когда в стране еще есть и холера и чума. Вызывают по одному, проверяют документы, опрашивают.

Ты хорошо описала всех этих людей, оказавшихся с тобой вместе в очереди. Но протискивается этот турист, расталкивает цветных и глядит на тебя. Он и тебя принял за азиатку. Да ты ведь и есть азиатка.

Я смотрю на твою фотографию: глаза, брови, скулы... Конечно, ты азиатка и сколько для меня в этом обаяния!

Он принял тебя за азиатку и пошел вперед, а «цветные» молчали... Это хорошо, что ты сказала по-русски: «Какая невоспитанность!». Да, он должен был удивиться: «Рашен? Совет?» — «Да, сэр, вы ведете себя некорректно», — на отличном английском языке. Немудрено, что ему пришлось извиняться.

Да, милая моя, мы, выросшие в Советском Союзе, сталкиваемся с этой «проблемой» только очутившись за пределами родины. Мы всю жизнь, с самого детства, знали, что дружба народов сближает и обогащает социалистические нации, что расцвет русской, украинской, узбекской, грузинской и всех других наций происходит на основе их сближения. Мы знали, что тот, кто за национальным не видит интернационального, скатывается к национализму. Не смешно, что я повторяю азбучные истины в лирическом письме к жене. Не смешно потому, что я сейчас снова ощутил, что азбучными они являются еще не для всех.

Твой разговор — спустя два дня, уже в Индонезии, — разговор с женщинами. Ты описала его подробно, но я знаю и без этого, какой был разговор. И хотя тебя, по счастью, не коснулись ужасы мусульманства, ты многое знаешь. Взять Сабиру, взять сотни других, которые, даже получив права, все равно должны были добиваться их. А ты пришла в завоеванное счастье.

Я улыбнулся, вспомнив, как наш остроумный Рашид ответил иностранцам на вопрос, получили ли действительно женщины Узбекистана равные права с мужчинами. Помнишь, Рашид сказал: «По закону они получили равные права, — и с шутливым вздохом добавил: — Но фактически имеют большие...» А что ж, он прав.

Я не обижаюсь, что в письме мне — только привет. Я понимаю, оно писалось под впечатлением событий, да к тому же не одному мне, а всем нам,

Когда я читал твое письмо, я подумал о границах. О границах вообще. Когда летишь самолетом, — а мне кажется, что я всю жизнь летал на самолетах, — меньше всего видны границы.

На Таймыре зима началась в сентябре, и когда мы летели над льдами, трудно было определить границы моря. Внизу под нами лежали смерзшиеся, внезапно схваченные морозом, огромные штормовые волны. Так нам казалось, хотя мы летели то над морем, то над тундрой. Как-то незаметно среди смерзшихся волн под нами стали появляться запорошенные снегом кустарники — сверху они казались холмами. Потом кустарник «подрос», и так же незаметно оказались под нами леса. После Архангельска, в котором я пробыл всего шесть часов, мы долго летели над зимними суровыми лесами, а потом вошли в облака. И когда неподалеку от Москвы в облаках стали появляться «окна», мы увидели, что северный лес, темный, хмуроватый, поредел, посветлел, замелькали небольшие полянки и рощицы. Через три часа я вылетел в Ташкент. Где-то над Уральском потянулись степи, степи... Незаметно они перешли в пустыни. А когда мы приземлились, то выходить из самолета в моих арктических унтах было просто неприлично. Я не знаю, почему у меня возникла мысль о границах, может быть потому, что ты пишешь: «не успела пересечь границу Индонезии, как меня окружило внимание и гостеприимство».

Я не призываю уничтожить государственные границы — границы следствие, а не причина. Для идей мира и добра не существует ведь границ. Написал «мира и добра» и спешу объяснить на всякий случай, хотя ты и сама это прекрасно понимаешь, что я имел в виду не христианское всепрощение и мир, а всеобщую борьбу за мир. В этом смысле поездка вашей делегации — дело огромное.

Знаешь, когда я летел на самолете, я смотрел на пустыню и думал, что плохих земель нет. На Востоке говорят: «Не сей на бесплодной земле». Дескать, сначала проверь хорошенько возможные последствия своего поступка, подобно тому, как пахарь должен проверить почву, не бесплодна ли она. Так вот, сомневаться в бесплодности земли не приходится, бесплодных земель нет. Нужно только найти семя, которое даст хорошие плоды. В тундре найдены россыпи алмазов, в пустыне — нефть, вода принесла пустыне плодородие.

Мы говорим: не сгрызть ореха — не съесть ядра. Ну что ж — в конце концов мы его разгрызем. Для этого нужно только приложить руки, только труд нужен.

...Мой отец был плотником. У него было два прозвища: «плотник» и «красноволосый». Действительно, волосы и борода у отца были красные, огненные. Он ходил в горы и рубил там деревья. Это был его основной строительный материал. Отец делал арбы, сохи, бороны, вилы, грабли. Я нарочно перечисляю все виды отцовской продукции — если из какой-либо ветки нельзя сделать соху, то она годится на вилы или грабли.

Я помню отца таким, каким оставил его, уходя из дома. Ему тогда было лет пятьдесят. Это был на редкость сильный человек. Он всю жизнь не выпускал из рук топора, и потому кожа на его руках была жесткая, в трещинах и морщинах, а пальцы — скрючены и похожи на ветви тех деревьев, которые он привозил с гор. Он вставал чуть свет, запрягал коня в сани — потому что в горах можно возить только на санях, колесо не годится, — затем завязывал в платок кусок хлеба, головку чеснока и отправлялся в лес.

Нас с братом он воспитывал в суровости. Он считал, что только таким методом можно вырастить настоящих джигитов. Летом каждую неделю он приводил нас в сад, усаживался на пенек и раскуривал трубку. Мы должны были бороться. Нужно было поднять соперника, пова-

лить и уложить на лопатки, а чтобы это сделать, следовало хорошенько измотать его в борьбе — и борьба продолжалась часа по три. Когда я в изнеможении падал на землю, отец подходил, ставил меня на ноги и давал крепкую затрещину.

Осенью, когда поспевали орехи, отец взбирался на самую высокую ветку и, не держась, сшибал орехи палкой. Я быстро научился этому. Думаю, что даже сейчас смогу это проделать, — слишком уж хороша была выучка. Но брату эта акробатика не удавалась, и попадало ему изрядно.

А еще мы ходили с отцом на охоту. Отец учил находить след зайца на сухой земле, разгадывать, как сигналы, птичьи вскрики. Мы никогда не возвращались с охоты, пока каждый из нас не убивал хотя бы по зайцу. Первый раз мы охотились несколько дней, и отец не давал нам вволю есть. Ведь у каждого из нас за поясом в платке был только кусок хлеба и головка чеснока: нужно было суметь побороть голод и распределить еду на все время охоты.

Больше всего отец любил скачки и джигитовку. Однажды для участия в скачках отец выбрал не меня, а брата. Я видел, как Рустем утром вывел коня во двор, чистил его, заплетал хвост. Он долго пробыл со своим конем. Отец позвал меня и сказал:

— Пусть Рустем будет спокоен, пусть остается с глазу на глаз со своим конем, им обоим сегодня предстоит испытание.

Я помню этот день и помню победу Рустема, когда перед самым финишем он вырвался вперед и всем стало ясно, что он победил. Я взглянул на отца. Он повернулся и медленно пошел домой, заложив руки за спину: он не смог бы сдержать волнения, отцовское сердце вырывалось из груди. Он ушел, чтобы не выслушивать похвал, ушел, боясь улыбнуться, как-то выразить свою радость: ведь джигит должен повелевать своими чувствами.

Как я благодарен отцу за его науку. Пусть спорны некоторые методы его воспитания, но ни я, ни Рустем никогда не боялись в жизни трудностей.

Кинджик? Там было трудно...

Я брожу по опустевшим комнатам, думаю, вспоминаю...

Глава первая

Фонари на привокзальной площади светили тускло. Летом вокруг них вились тучи ночных бабочек, а сейчас под столбами шелестели на асфальте сухие листья. Было прохладно и немного одиноко в этом большом, так хорошо знакомом городе. Мне Ташкент всегда был приятен: шумный, веселый, молодой город. Я оставил его именно таким.

Несколько лет назад три молодых парня с вещевыми мешками за спиной шли по этой площади, заполненной живописной толпой, телегами, фазтонами, линейками. Казалось, что сюда собрался весь город. Казалось, что все так же спешно, как и мы трое, сорвались с места, чтобы двинуться куда-то в еще невиданное, неизвестное.

...Я вдруг оставил прошлое и вспомнил, как наша соседка совсем недавно, в 1959 году, провожала сына-студента на целину. Здоровый долговязый парень стоял у калитки и бубнил:

— Не плачь, я скоро приеду. — И сам был готов разреветься.

— Эх, нюня, — подумал я. — На фронт что ли идет? Едет ведь на работу, всего на полтора месяца. Проведет время в работе, в веселье, среди товарищей.

Я знаю, что маменькиных сынков и дочек не так уж много и что они были всегда. Но мне кажется, что нам в те годы первых пятилеток легче было вырваться из-под всякой опеки.

Без долгих раздумий мы подали заявление в военкомат и поступили в военную школу. «Мы не можем спокойно учиться, когда фашисты грозят нашей стране!» — так говорил каждый из нас в те тридцатые годы, когда германский фашизм начал бряцать оружием.

Мы оставили общежитие, ушли из института — котомку на плечи, и первая военная команда на перроне: «Выходи строиться!»

С того дня прошло несколько лет, и, громыхая коваными сапогами со шпорами, в великолепной кавалерийской фуражке, в длинной шинели, я, недавний боец знаменитого орденоносного Червоноказахского кавалерийского полка, возвращаюсь в свой институт. Возвращаюсь один — демобилизованный по болезни...

— Отслужил? — спросил меня в вагоне мой сосед-старичок.

— Отслужил.

...Сколько раз в зимние морозные вечера я бегал с ведром к полковой пекарне, чтобы теплой водой напоить своего четвероногого питомца, бежал обратно к коновязи, оттуда снова к пекарне (а это с полкилометра!), а потом вновь и вновь к пекарне, чтобы горячей водой с мылом помыть гриву и хвост коню.

Кусок мыла, который я получал для своего туалета, я, как и все другие, тратил на коня, а сам ходил с потрескавшимися руками и боялся попасть старшине на глаза — цвет моих рук угрожал внеочередным нарядом. Можно укрыть руки от старшины, но немислимо укрыть коня от глаз командира взвода. Невычищенный конь — какой это был бы позор!

Я часто думал, что когда встречу кого-нибудь из родных, из близких товарищей, из товарищей по институту, буду долго рассказывать, как все это было. Я представлял себе и разговор в поезде.

Да, я отслужил, еду в поезде и рассказываю, рассказываю. Вокруг меня собираются люди, слушают, покачивают головами и говорят: вот вас как обучают — здорово. Но так было в мечтах, а в жизни разговора не получалось. Если бы я рассказывал, как я, допустим, подрался, то слушателей было бы наверняка больше.

Разорвать, уничтожить — все это можно делать быстро и всем это видно, всем легко оценить поступок. А долгий труд часто остается незамеченным, неоцененным. Впрочем, так оно и должно быть: труд — естественен, будничен, обыден. Всем приходится ежедневно преодолевать трудности. Именно в будничной работе совершается много прекрасных, доблестных поступков. И не легко, не сразу заостряется человеческий характер, появляются воля и ясная мысль, не сразу собирается в единую силу коллектив.

Мне хотелось рассказать обо всех наших будничных делах в Червоноказахьем кавполке и о будничных подвигах. А мой сосед-старичок спросил у меня только:

— А раз отслужил, зачем же шпоры носишь?

Я участвовал в окружных маневрах, объездил на коне чуть ли не всю Украину, в галопе, ломая молодой лед, преодолевал водные рубежи, а он меня спрашивает, почему я не снимаю шпоры! Милый старик, я еще мало насладился их звоном. Еще многим предстоит послушать их музыку! Милый старик, не стоит тебе об этом рассказывать.

И вот я в Ташкенте. Я не иду — лечу. Институт! При виде знакомых аллей я остановился и задумался. И совершенно напрасно — не надо было останавливаться, нужно было идти прямо, тогда бы я как-нибудь разминулся с директором института.

При свете яркой лампочки, укрепленной над входом, он некоторое время удивленно рассматривал меня, потом перевел взгляд на мою голубую фуражку с красным околышем, на шинель, на синие лампы.

— Ты ли это, Джеввед Бекиров?

— Да, — ответил я. — Вот приехал.

Директор отступил и помолчал.

— А где же твои товарищи?

— Они остались, а я приехал. Хотелось бы закончить учебу.

— Об этом, голубчик, нужно было думать раньше, а сейчас... Да и потом, уже скоро ноябрь, ты опоздал. Я не вижу никакой возможности... в текущем учебном году...

С этими словами директор направился к линейке, которая поджидала его у ворот. Пройдя несколько шагов, он обернулся и на ходу бросил мне:

— Если хочешь переночевать — иди. Скажи, я разрешил.

Холеный, нетерпеливый рысак рванул линейку. Она завернула за угол и исчезла. Исчезло и мое добродушное и несколько мечтательное настроение, а вместе с ним и надежды. Раз так — что ж!

Полчаса спустя я сидел в чайхане, и старый Темир-ака подавал мне блюдо с рисовой кашей. В те времена такое угощение считалось роскошным.

А перемен и здесь было много. В обычно пустынной чайхане, в которой хорошо было помечтать, теперь было полно людей, заросших бородами, давно немытых, приехавших аллах знает откуда. Было тесно, неудобно. Но Темир-ака лучшего места предложить мне не мог. Я поел, растянулся, укрылся шинелью, а когда минуту спустя открыл глаза, — было уже утро. Я проснулся с мыслью пойти в ЦК комсомола, рассказать о встрече с директором и попросить помощи. Уж кто-кто, а я, доброволец Червоноказацкого полка, имел право на некоторые поблажки, пусть даже я опоздал на два месяца. Ведь я — комсомолец, и ЦК должен мне помочь! Но для этого надо попасть на прием к секретарю.

В кабинете и в приемной секретаря толпилась масса молодых ребят. Дверь в кабинет все время хлопала, там был свой разговор, здесь, в приемной, — свой: о кирпиче, о каком-то Никифорове — вожаке легкой кавалерии, об отправке трансформаторов, которые были доставлены в шесть утра и до сих пор не погружены, о бригаде Абдуллы Усманова, которая давала двести замесов...

Я несколько раз заходил в кабинет, но всем было не до меня. Секретарь ЦК, черноволосый загорелый парень в гимнастерке, кричал в телефонную трубку:

— Если не будет бетона, мы передадим вам рогожное знамя! Так и знайте.

Потом он звонил насчет двух экскаваторов, потом в типографию, чтобы выдали бумагу, потом открыл большой книжный шкаф и передал комсorghу завода рулон обоев.

— Имей в виду, на три стенгазеты.

— Да ведь не хватит, дай два рулона, — и комсorgh ногой придержал дверцу шкафа. Секретарь шуточно оттолкнул его.

— Не получишь! Эти обои нам дали по наряду Совнаркома, понял!.. Ты чего? — обратился он вдруг ко мне.

Я щелкнул каблуками, шпоры зазвенели, я постарался быстро, по военному рассказать о себе, но получилось долго и нудно.

— Тебя как звать?

Я сказал.

— Комсомолец?

Я утвердительно кивнул головой.

— Знаешь, Джеввед, — секретарь ЦК разыскал на столе тетрадь и пододвинул к себе. — Учиться — это хорошо, но на реке Кинджик начинается строительство электрохимкомбината, понял? Давай, иди туда!

— Но я хочу учиться... Закончить...— в отчаянии сказал я.— А на строительство можно поехать после института.

Я заметил, как несколько человек в кабинете секретаря посмотрели на меня неодобрительно.

— Ладно, ладно, все понятно.— Он раскрыл тетрадь и против порядкового номера «112» красным карандашом вписал мое имя.

— Как фамилия?

— Бекиров.

— Вот и хорошо. Бе-киров.— Он положил карандаш.— Значит, мы тебя мобилизовали на строительство Кинджикстроя. Учти, что самое главное — это закончить в срок обводный канал. Ты понимаешь...— Он взял листок бумаги с лиловым штампом и что-то написал, потом поднялся с места и протянул мне руку. Я пожал ее и вдруг увидел, что он удивительно ласково, даже, я бы сказал, нежно, улыбается мне. Я тоже улыбнулся и вдруг понял, что он смотрит совсем не на меня. В комнате появилась девушка в коричневой кожанке. Она кивком головы поздоровалась со всеми, подошла к столу секретаря и стукнула по нему кулаком.

— Сколько раз говорить о тросах, у нас еще одна машина стала! Работать нельзя! У меня в смене и у Джураева сплошные простои!

Я так засмотрелся на девушку, что забыл выпустить руку секретаря ЦК. Он сам выпростал ладонь, несколько раз сжал и распрямил пальцы. Я снова посмотрел на ребят. Многие мне теперь улыбались, и девушка тоже взглянула на меня и улыбнулась.

Я звякнул шпорами, развернулся налево кругом и пошел к дверям. Спускаясь по широкой лестнице, я вспоминал, что мне говорил секретарь. Наверх, навстречу мне поднимались парни в спецовках, девушки в красных косынках, завязанных на затылке.

...И в ту пору комсомолу до всего было дело. Он отправлял свои эшелоны на Магнитку, в Кузнецк, в Запорожье, строил заводы, создавал театры, боролся за красные свадьбы без попов и без мулл и все это, и многое другое старался делать энергично, быстро.

На каждой станции комсомольские эшелоны с цементом, со строительными материалами, со станками встречали комсомольские посты и «легкая кавалерия». Ребята требовали, чтобы комсомольские поезда шли без остановок, а в те годы, когда одновременно строились сотни новых заводов-гигантов, сделать это было нелегко. Но напористость молодежи делала невозможное на первый взгляд вполне возможным. «Легкая кавалерия» прибывала плакаты с карикатурами к дверям начальника станции, требовала, чтобы ее допустили к селектору, а другие, уж слишком горячие ребята, направляли телеграмму наркомму Серго, и он им немедленно отвечал, и начальник станции, конечно же, находил решение. Это было горячее время, которое мы, старые комсомольцы, не зря так часто вспоминаем.

...Когда я вышел на улицу, кроны высоких тополей и раскидистых дубов были покрыты снегом, а тротуары — мокры. Разбрызгивая грязь, проезжали фатоны и телеги, влекомые коротконогими лошадами. В такую погоду слоняться по городу не имело никакого смысла.

Я зашел в чайхану, взял свой чемодан и отправился на станцию. Валил крупный пушистый снег, но, едва коснувшись земли, таял. Мои сапоги давно были забрызганы грязью, то же было и с длинной кавалерийской шинелью. Я подвернул полы и протиснулся на перрон, переполненный людьми с топорами, молотками, пилами в руках и за плечами; женщинами в тяжелых сапогах с красноносными ребятишками, завернутыми в теплые платки...

Толпа двигалась лавиной, плотной, тяжелой. Я понял, что покупать билет бессмысленно.

Как только подошел поезд, я подхватил чемодан, и толпа внесла меня в вагон, который мгновенно переполнился настолько, что, даже стоя, невозможно было повернуться. Но в пути есть свой особый закон: поезд тронулся, брань улеглась и каждому нашлось место.

На рассвете мы приехали в Ак-Чулак, где было управление Кинджикстроя. А еще через некоторое время я выходил из отдела кадров с назначением в экскаваторный парк на Головной узел.

Осталось на пароме пересечь Кинджик, и я — на месте. Паром был на той стороне. Я сел на берегу и стал осматриваться.

Река, широкая, бурная, сильная, так и гремит камнями. Она стремглав вылетает из неширокого ущелья и разливается среди холмов, которые удерживают ее полет. За ущельем громоздились горы, одна выше другой — серые, холодные скалы, хребты с выжженными зноем и морозом вершинами, а за ними — высокие перевалы, снежные пики. Наверное, когда-то, в стародавние времена, вода прорезала эти горы и разлилась по долине, утаскивая с собой, переволакивая груды земли и камней, образовывая невысокие увалы, пологие гряды, спускающиеся к реке широкими мягкими холмами.

На правом берегу — возвышенном, обрывистом — было пусто, но вдоль левого уже виднелись высокие стрелы экскаваторов и отвалы земли (потом мы их называли «скирдами»), а дальше какие-то заборы, склады и — бараки, бараки, бараки.

Если бы не бараки и экскаваторы, всю местность можно было бы назвать пустыней — серая, седая от инея земля.

У парома собралось четыре арбы, несколько всадников и нас, сезонников, человек триста. Металлический трос натянулся, паром медленно приближался. Вот паром громыхнул о причал, и люди, арбы, всадники, теснясь, устремились к нему. Паром медленно стал погружаться в воду и крениться в сторону. Толпа отхлынула, затем нахлынула вновь. Так повторялось много раз. Паромщик, видно привыкший к подобным сценам, молча стоял в стороне и только плевался, выражая таким образом свое возмущение. Наконец на плот завели арбы, лошадей. Паромщик отсчитал сорок человек, и корабль тронулся. Оставшиеся на берегу стали разжигать костры. Только отошли от причала, старик-паромщик показал нам на трос: дескать, помогайте.

Кинджик весело журчал под досками и, казалось, что паром идет вверх по течению, быстро рассекая волны. Паромщик подбадривал:

— О, молодцы! О-о-о! Еще раз!

Мы были недалеко от берега, когда трос вдруг обмяк. Паром быстро развернуло и повлекло вниз. Вокруг закричали. Все это произошло в одно мгновение. Крепко сжав руки в брезентовых рукавицах, стараясь задержать в своих руках трос, я оперся на перила и в это время услышал треск и очутился в воде.

Одной рукой я машинально продолжал сжимать трос. Он проходил под паромом на кольце, а конец его был закреплен на берегу. По мере того, как паром отдалялся от берега, трос меня подтягивал: я не плыл, а летел навстречу своей гибели.

Несколько человек затаранили трос деревянными клещами и зачалили его. Затем подтащили и меня. Сам я не мог подняться на высокий помост. Меня вытащили, окружили, как героя. Паромщик говорил, что это я спас людей, потому что за поворотом большой пережат, и, если бы паром попал туда... Он махнул рукой и добавил: «Всем бы — хана!». Я не понимал, почему я спас паром. Его спасли те, кто остановил его. Думаю, что похвала паромщика предназначалась лишь для поднятия моего духа.

Я снял сапоги, выжал портянки, затем мне помогли кое-как выжать шинель. Ко мне протиснулась немолодая женщина.

— На,— сказала она, подавая бутылку.— Отпей малость, согрейся. Себе берегла,— объяснила она окружающим,— да вот как вышло.— И, указав на бутылку, добавила:— Сахарная, еще своя, курская...

Я два раза глотнул и словно весь загорелся.

— Еще разок,— скомандовала женщина.

Я глотнул еще раз, и горячая волна прошла по всему телу. Я вернул бутылку.

— И нам дай!— крикнул кто-то. Вокруг загалдели.

— Ишь, какие...

Она отступила и растаяла в толпе.

Я примкнул к людям, помогавшим паромщику причаливать к берегу.

Только через час мы оказались на берегу. Тонкий слой снега покрывал холмы и сухие низкие травы, похожие на стерню. У берега образовался ледок. Мне было жарко. В маленькой будочке паромщика, у раскаленной печки, я пил чай и сушил свои вещи.

Только к вечеру я нашел начальника экскаваторного парка. Это был высокий худощавый человек в бобриковом пальто, узколицый, с длинными усами, свисавшими к подбородку. Прищурившись, он сердито оглядел меня, задержал взгляд на смятой шинели и резким голосом, как бы выкрикивая, сказал:

— Будете жить во втором бараке. Ясно? Одеяло, матрац и спечовку возьмите у коменданта. И давайте к двенадцати на шестой участок... Ясно?

— Это куда?— поинтересовался я.

— Там узнаете. К двенадцати, не забудьте. В ночную смену, к двенадцати ночи. Ясно?

Я взвалил на плечо чемодан и отправился искать второй барак.

Глава вторая

Бараки, бараки... Одноэтажные длинные серые здания со множеством дверей, выстроившиеся у излучины Кинджика. Они до того похожи друг на друга, что наводят уныние. А тут еще грязь, слякоть и этот мокрый снег.

Я шел по улицам, спотыкаясь, увязая в грязи и вглядываясь в тускло освещенные окна бараков. В одном окне — занавеска, что там за нею делается — неизвестно. В другом виден чертежный стол, в третьем — женщина, качающая люльку, в четвертом — длинноносый человек с телефонной трубкой у уха, смешно размахивающий руками, кого-то, видно, убеждающий. Свет из окон падал около самых домов, почти не освещая дорогу, а дощатый тротуар был так залеплен грязью, так истоптан, что идти по нему было опасно.

Бараки, бараки... Так вот он какой — соцгородок Кинджикстроя! Пока что не было видно этого социалистического города.

Люди знали, что когда-то на этом месте будет город Кинджик. И такой давно уже существует, город, в котором я прожил много лет, действительно новый социалистический город, и когда я говорю «социалистический город», в моей памяти встают многие города. Мне приятно повторять это слово. Вспоминать эту грязь, бараки и говорить: город.

Я мог бы назвать, наверное, пятьдесят городов, схожих между собой. Очень схожи города нефтяников и угольщиков, их называют царством асфальта. Асфальтовые дорожки везде, даже во дворах. Кругом асфальт и все здания, сады находятся между асфальтированными дорожками, улицами, проспектами, вдоль которых высажено много зеле-

ни и построены дома. Нефтяники и шахтеры любят жить в маленьких коттеджах и вечерами после работы копаться в саду или в огороде.

Я знаю города энергетиков. Здесь также все зелено, чисто, асфальтировано, но дома энергетиков претендуют на монументальность. Нигде я не видел столько портиков, арок, колонн, увенчанных капителями.

Дома мы часто спорим об архитектуре. Это, правда, не основной профиль в нашей инженерской семье: и Ирада, и я—строители-энергетики. Взгляды нашей дочери, будущего архитектора, не приемлют украшения—так она называет увлечение дорическим, ионическим и всякими другими стилями. Но наша дочь родилась в доме с портиком и колоннами. Это был четырехэтажный прямоугольник, выкрашенный в красный цвет, с небольшими окнами и невысокими потолками, чего на юге, конечно, делать не стоит. Здесь особенно чувствуется, что людям нужна не только квадратура, но также—и еще больше—кубатура. Перед монументальной входной дверью было три ряда колонн. Мы жили в таком доме много лет. Это было одно из первых зданий нового социалистического Кинджика, а вокруг создавались превосходные проспекты и за пышной зеленью не видны были новые дома. Дома эти были лучше, тоже с колоннами, но лучше, удобнее. Некоторые с кондиционированным воздухом. Они были превосходно построены и, главное, быстро. Появились школы с физкультурными залами и плавательные бассейны, появились универмаги, Центральная библиотека и многие другие библиотеки, имеющие связи с многими странами мира.

Сейчас люди забыли о бараках. И правильно. Зачем помнить о них, о нищете, сыпном тифе, войнах? Человек забывает о прошлом, даже если оно связано с его трудом. Будущее—перспектива, настоящее—превращение мечты в действительность. В этих двух измерениях живут все, и если у меня спросят, зачем я вспоминаю о прошлом, то отвечу—для будущего, чтобы передать, как эстафету, вечные свойства человека—смелость, мужество, силу—все, что возникает в труде и что должно всегда совершенствоваться, даже при коммунизме, при расцвете коммунизма, когда вместо человека многое будут делать кибернетические машины.

...Я, конечно, и не думал обо всем этом, когда шел, разбрызгивая грязь, по социалистическому городу, состоявшему тогда из бараков. Я шел и решал такой вопрос: почему это строители всегда живут в бараках, почему они строят другим, а сами не имеют нормальной крыши над головой?

Прохожих не было. Я постучал в одну из дверей, она открылась, и на меня пахло паром и мылом. Я попал в прачечную.

— Где второй барак?

Пожилая женщина в клетчатой кофте сняла с пояса полотенце, вытерла руки и вывела меня на крыльцо.

— Третий дом слева. Вон там,—сказала она и спросила:— Новенький?—И не дожидаясь ответа, продолжала:— Теперь все сюда едут. По путевке?

Я кивнул.

— Ну, иди,—разрешила она и, оглядев меня, улыбнулась.— Больше ничего не приноси. Если смены нет, здесь пообедаешь. Мигом выстираем и— под утюг.

Второй барак был совсем близко. Я постучался. Никто не вышел. Я опять постучался. Снова нет ответа. За дверью—без прихожей, без тамбура,—за дверью, которая прямо с улицы вела в большую комнату, слышалась громкая возня, топот, крики. Я попробовал открыть дверь, она не поддавалась, тогда я посильней дернул за ручку, дверь распахнулась настежь, и я с удивлением застыл на пороге.

В большой комнате, наполненной махорочным дымом, справа и слева, как в казарме, стояли койки. Стол, которому полагалось быть

посередине, был сдвинут в сторону, а на освободившемся месте два пьяных парня плясали какой-то дикий танец. Они то приседали, то вдруг вспрыгивали, валились на одну, на другую сторону, дрыгали ногами, выбрасывали в стороны руки, затем начинали тарыхтеть каблуками, а потом вдруг кидались друг на друга. Это был танец и драка одновременно. Оба орал уже осипшими голосами.

На одной из кроватей сидел здоровый белобрысый детина. Он подхватывал набитые соломой подушки и швырял их в танцоров. Те не обращали на это никакого внимания. Они топтались по полу, падали, поднимались, наступали на подушки ногами, откидывали их в сторону.

В углу тощий парень собирал с коек подушки и кидал белобрысому.

Я не мог разглядеть танцующих: в дыму и в пыли они казались тенями.

Я стоял на пороге, но никто не заметил меня. А может, они нарочно не обращали внимания. Наконец, белобрысый, видимо почувствовав холод, повернул голову в мою сторону.

— Кто раскрыл дверь? — заорал он и, заметив меня, застыл на месте с поднятой для очередного метания подушкой.

— Можно? — спросил я громко. — Войти можно?

— Валяй, — ответил белобрысый и последний раз бросил подушку в танцующих.

Я вошел, закрыл дверь и поздоровался. Только белобрысый ответил на мое приветствие, остальные смотрели на меня сердито и удивленно. Белобрысый вышел на середину комнаты, — он был в кальсонах и в майке, босиком, — развел танцующих и, шагнув ко мне, сказал:

— Похоже, что ты заблудился, братец. Давай иди к водолазам.

— Правильно, к водолазам, — прохрипел один из танцевавших.

— Почему к водолазам? — возразил я. — Меня направили во второй барак.

— Пардон, жевупри, мосье, — сказал белобрысый, — давай отсюда на выход. Здесь живут экскаваторщики.

— Знаю, — сказал я и, обойдя его, подошел к стене, поставил чемодан и скинул с плеч вещевой мешок. Этот маневр не понравился обитателям комнаты.

— Ты давай, давай! Давай отсюда! Здесь экскаваторщики.

— Знаю, — повторил я.

— Что же тогда припер сюда? На обводный, что ли, направили?

— Да, — сказал я и спросил: — Причем тут водолазы?

Один из танцоров крикнул:

— Давай к нам! Водка есть?

— Водки нет, а закуска есть.

— Потому что водолазы — это из демобилизованных, — сказал белобрысый. — Но ты садись. Если не водолаз, давай к нам. Садись. — И он крикнул: — Эй, Христофор! Чай там есть?

— Водки! — орал танцоры, каждый со своего места. — Какой там чай. Водки!

Из глубины барака вышел худощавый человек с черной повязкой на глазу. Это и был Христофор.

Конечно же, Христофор!

— Христофор! — закричал я. — Христофор!

Он взглянул на меня и тоже бросился ко мне. Мы обнялись. Все с удивлением смотрели на нас.

Боже мой, боже мой, сколько мыслей, сколько картин пронеслось передо мной! Моя любовь — не первая, но как мне казалось тогда, единственная, была тесно связана с Христофором Дураниди. С милым моим Христофором, с которым я расстался в Батуми.

...Я окончил первый курс института и в начале лета из Ташкента поехал домой в Кок-Козы. Отец в первый день моего приезда велел мне бороться с Рустемом, и, конечно, Рустем сразу меня повалил. Я разозлился,—не на Рустема, сам на себя,—вскочил и решил дать отпор. Но отец не понял, он подумал, что я рассердился на Рустема. Он, как в старину, взял меня одной рукой за ворот рубашки и чуть приподнял над землей — так он был силен. Потом отпустил и толкнул меня в сторону Рустема — дескать, продолжайте. Снова победил Рустем, но победа далась ему не легко. Он просто успел перехватить меня и трахнуть на землю; это была не сила, а прием.

Отец поднялся с пня, на котором обычно сидел во время домашних битв, и пошел домой. В честь моего приезда он выпил кружку вина и весь вечер поглядывал на меня из-под нависших бровей, по-видимому, с одобрением.

Я набрался храбрости и сказал, что отец встречает меня, как Тарас Бульба — кулаками. Отец ответил, что он знал Бульбу, встречался с ним на базаре в Мелитополе, когда и он и Бульба были молодыми и участвовали в кулачных боях, только не друг против друга, а вдвоем против других двух бойцов, и что тот Бульба — хороший боец. Он был с табачных плантаций.

Когда я возвращался из дому после летних каникул, я решил поехать через Кавказ и очутился в Батуми. Я пробыл там день, пытаюсь купить билет на поезд, но в этот день, казалось, все студенты собрались на станции.

Оставив в гостинице свой чемоданчик, я отправился на пляж купаться. Неподалеку от меня лежали на песке несколько молодых парней и с ними очень славная девушка. Она так же хорошо, по-мужски, плавала, как и они. Я, житель гор, плавал хуже, но мне стало завидно, и я решил поплыть далеко-далеко. Я поплыл не спеша, рассчитывая движения, предполагая доплыть до буйка, что находился в трех милях от берега, там отдохнуть и плыть обратно. А когда я добрался до буйка и схватился за него, то понял, что растратил много сил. Мне нужно было хорошо отдохнуть. Я пробыл около буйка с полчаса, но на обратном пути сразу почувствовал, что сил осталось немного. Я знал, что доплыву, но мне будет очень трудно. Лезли в голову какие-то дурацкие мысли, что может схватить судорога, а бывает, что дельфины подплывают совсем близко к берегу, начнут играть с пловцом, заматают, а то еще поранят плавниками.

Внезапно совсем рядом я услышал голоса. Это была та самая компания, которую я видел на пляже. Они проплыли мимо меня, весело переговариваясь. Потом кто-то из них предложил возвращаться во имя чебуреков и мукузани, а то, не дай бог, первые остынут, а второе — согреется. Девушка плыла рядом со мной. Она сказала:

— Мы можем пригласить вас на чебуреки.

Ее друзья шумно приветствовали меня — их гостя.

У меня прибавилось сил. Я даже попытался обогнать одного из парней. Но девушка сказала:

— Вы хотите оставить меня одну в открытом море?— А потом добавила:— Нашего Христофора вам все равно не перегнать.

Впереди, не торопясь, плыл молодой парень. Это был Христофор. Плыл очень красиво, словно дирижировал.

Через несколько дней Эльпиде мне рассказала, что когда я поплыл, Христофор сказал: «Надо помочь этому студенту». Он сразу догадался, что я студент. Эльпиде преклонялась перед Христофором, боготворила его.

...Если вы бывали в Батуми до войны, вы, несомненно, встречали там людей, подобных Христофору Дураниди.

Вы сходите с парохода и видите этих «вольных людей», лениво облокотившихся на парапет и меланхолично глядящих на волны. Кажется, нет в мире сил, способных сдвинуть их с места. Но стоит какой-нибудь миловидной пассажирке ахнуть над своим тяжелым чемоданом, как ей навстречу бросятся несколько человек, донесут вещи до гостиницы, а если окажется, что нет мест, договорятся с администратором, с горничной, бог знает с кем, но добудут номер. И почтут себя оскорбленными, если им предложат деньги. Эти же «рыцари» могли содрать втридорога с непоправившегося им пассажира за ту же услугу.

Они постоянно околачивались в порту, на набережной, в городском парке. Вы не нашли бы лучшего гида, если бы захотели побродить по окрестностям, и лучшего капитана в путешествии на парусной лодке, даже если вам вздумалось выйти в море при шести-семи баллах.

Вечерами в порту иной раз вспыхивали драки. Всегда в качестве судей или участников вы могли увидеть этих кудрявых сильных людей, среди которых был и Христофор Дураниди, брат Эльпиде.

Мне нравились эти вольные люди. В их образе жизни я видел только смелость и благородство.

В те годы в небольших наших портах не было постоянной рабочей силы. Артели, бригады набирались тогда, когда была работа, когда приходил пароход. Вот тогда днем и ночью по тонким шатающимся сходням, по узким доскам бегом слетали пружки, один за другим, мчались с тяжелым грузом, семена короткими ножками, и возвращались назад широким неторопливым шагом. Когда же заканчивалась разгрузка или погрузка, обычно ночью, и наступало утро, и курортники заполняли набережную, они вновь видели этих людей, облокотившихся на парапет; небрежным жестом поправлявших острую складку на своих белых шерстяных брюках. В этом, на вид бездельном образе жизни, была, конечно, только поза.

Я представил себе скучающую физиономию наших стилиг, всех одетых в одинаковую форму сегодняшней моды, людей с модными словечками, модным презрением к окружающему и модным преклонением перед всем заграничным.

Экая вы мелкая дрянь, экие вы хлюпки по сравнению с теми здоровыми, сильными и мужественными людьми.

Я бы «лечил» стилиг только работой, не уговорами и лекциями, а трудом. Уверен, что такие типы появились, как в сырую погоду грибы, от слюнявой маменькиной ласковой глупости. А лечить их надо нам, отцам; лечить по-мужски, сурово и — наверняка!..

После чебуреков, которыми нас угощали в доме Дураниди, мы с Христофором выпили на «ты», потом он назвал меня братом, а под конец уговорил погостить у него неделю.

Так начались какие-то удивительные дни моей жизни, похожие на сон.

Рано утром мы уходили к морю, днем возвращались и до вечера проводили время в саду. А вечером мы отправлялись вдвоем с Эльпиде или уезжали на лодке. Она немного пела. Аккомпанировала себе на гитаре и пела тоненьким своим голоском. И лицо ее, красивое и смуглое, было одухотворенным.

— Я сразу тебя полюбила, — говорила она. — Ты к нам подошел и лег на камни. Я чуть не умерла, так я тебя сразу полюбила. Ты знаешь, как забилось мое сердце, когда ты поплыл к буйку?.. Все заметили, как я побледнела, а потом покраснела. Честное слово!..

Она говорила об этом совсем просто, искренне. Да это было так, потому что никогда в моей жизни не было любви, таких жарких объятий, поцелуев, таких клятв.

— Я клянусь глазами!.. Посмотри мне в глаза, видишь? Пусть вырвут эти глаза и растопчут сапогами. Пусть отрежут мне голову и повесят за косу на «Зеленом мысе», если я когда-нибудь любила так, как сейчас,— говорила Эльпиде.— Хочешь, я сейчас брошусь с лодки и утону, и мне будет приятно.

Я не пускал ее бросаться с лодки, обнимал, гладил ее волосы, и она умолкала. Я сам не знал, что со мной делается. Я тоже был готов отдать свои глаза и голову и броситься в воду, чтобы утонуть и тем доказать свою любовь.

Внезапно Эльпиде становилась подозрительной и тогда ее милые глаза начинали сверкать злыми огнями.

— Ты кого-нибудь любил раньше? У тебя там, дома, есть девушка? Говори! Правду! — и она заливалась слезами.— Боже мой, какая я несчастная!

Я не мог не сказать ей правду. Да, там, у нас в селе, была девушка, которая несколько раз приходила к горному роднику. Когда я ехал домой, я много думал о ней. Но ее в деревне не оказалось, она заболела и уехала куда-то в степной хутор к дальним родственникам.

Эльпиде, узнав о существовании девушки, плакала, прозиалась, что она никогда мне этого не простит.

— Но ведь и ты любила,— осторожно спрашивал я.

— Я?! — возмущалась она и с прохотом кидала на корму гитару.— Это ты называешь — любила, если ходила на танцы с Дмитрием, это ты называешь любовью? О, погоди, я тебе покажу. Ты узнаешь... — И она снова заливалась слезами, потом снова клялась в любви...

Столько удивительного для меня, столько неожиданного было в характере этой девушки, так внезапны были у нее переходы от радости к горю, что я просто терялся. Она сама первая находила путь к примирению.

Неделя прошла незаметно.

Провожали меня все батумские друзья Христофора и Эльпиде. Эльпиде плакала, и я сам чуть не плакал. Потом началась бешеная переписка. Она писала по два раза в день. Но постепенно почтовая горячка начала стихать. В письмах, которые раньше состояли исключительно из клятв в вечной любви, стали появляться некоторые домашние сведения: старик Дураниди, наверно, выжил из ума, хочет жениться на старости лет на вдове сапожника Иневи, умершего в прошлом году. А эта вдова Васила Манусиди препротивная старуха, у нее какие-то воспаленные глаза и поэтому кажется, что она всегда плачет.

Потом появилось сообщение, что Христофор устроился рабочим на чайную фабрику, а через несколько месяцев в письме была описана трагическая история, происшедшая с Христофором. Он шел около строящегося склада и увидел, как по карнизу бежит огромный черный кот — совершенно черный. Христофор схватил палку, чтобы спугнуть кота, кот остановился, хотел было повернуть назад и задел лапой зубило, лежавшее под стропилами, и оно скатилось вниз и упало на лицо Христофору. Тот успел лишь прижать правую руку к лицу, крикнул и упал без сознания. Эльпиде уверяла, что Христофор потерял два ведра крови. Его отправили на линейке в больницу. А оттуда он вернулся домой без правого глаза.

В другом письме Эльпиде писала, что прежний Христофор умер. Из больницы пришел другой человек. Она удивлялась, что Христофор не выходил из дома, не ходил на пляж, перестал встречаться со старыми друзьями — словом, превратился в старика.

Спустя некоторое время я узнал о свадьбе старика Дураниди и о том, что Христофор не может жить дома, и что Эльпиде тоже готова бе-

жать из дому, потому что эта «старая хрычовка» Васила Манусиди только и делает, что кричит на них: на нее и на Христофора.

Эльпиде готова бежать из дома?.. Я не знал, что мне делать.

Звать ее к себе? Куда? В общежитие? Я обо всем честно написал Эльпиде и получил ответ: чтобы с ней ни случилось, она переберется в Батуми лишь для того, чтобы я спокойно учился, а сердце ее будет принадлежать мне всю жизнь. Мое письмо, мои сомнения, видимо, тронули ее. Потом я ушел в армию, Эльпиде написала в Тамбов, потом в Старое Константиново в Червоноказачий полк. Письма стали приходить реже, потом перестали приходить совсем. За последние полгода она ни разу мне не ответила.

И вот в Кинджике, в бараке номер два, передо мной брат Эльпиде — Христофор Дураниди, все такой же загорелый, кудрявый, красивый. Правда — через все лицо черная повязка. Пока мы обнимались, нас окружили остальные обитатели барака. Христофор что-то пытался им рассказывать:

— Смотри, Николай, это же Джеввед! Наш! Батумский!

Белобрысый парень, тот, что кидал подушки, подошел ко мне и, видимо, хотел обнять, но пошатнулся. Я схватил его за руку.

— Видать, свойский, — сказал он. И обратился к Христофору: — Ну, давай! Давай поскорей угощать гостей.

Я не заставил себя долго упрашивать, сел на единственный табурет и огляделся.

Углы комнаты затянуты густой паутиной. Паутина на окнах. На стенах толстый слой пыли. Такая же пыль на подоконниках. Цементный пол не подметался, наверно, недели две, на нем слоями лежала грязь.

Я улыбнулся, вспомнив нашу комнату в казарме. Такой же величины, столько же кроватей, но как она была не похожа на эту! Все было непохоже: и обстановка, и люди. Я невольно вздохнул и сказал Христофору:

— Значит, так и живете.

Он как-то сразу погрузился и вместо ответа тоже вздохнул.

— А что, не понравилось? — это сказал белобрысый. — Ты, наверно, думал, что все тут жевупри да сильвулле?

Он стоял рядом со мной, и я мог разглядеть его как следует. Значит, он батумец? Матрос, конечно. Такой сильный, загорелый, широкоплечий может быть только матросом. Отсюда и заграничные словечки. Правда, с могучей фигурой не особенно вязалось его круглое лицо, простодушное и даже наивное выражение его голубых глаз.

— Ты что ж молчишь?! — возмущенно крикнул он на меня и небрежно, спокойным голосом бросил Христофору: — Ферм ляпорт.

Христофор послушно пошел закрывать дверь, а белобрысый продолжал наступать на меня:

— Ну, чего молчишь? Не нравится?..

Я глянул ему в глаза и сказал:

— Хорошего мало. Кругом грязь, паутина, а люди живут здоровые, как... китайские драконы.

Белобрысый нахмурился, а потом рассмеялся и повторил:

— Ха, ха! Китайские драконы!

Двое парней подошли к столу и сели на койку. Христофор налил кружку кипятку и поставил передо мной.

— Газетку бы постелить, — сказал он, — да нету свежей, а эту искирили, черти. Эх, сейчас бы в Батуми, я бы дал обед...

— На четыре конверта, — вставил белобрысый. — Леди и джентльмены, пожалуйте к столу, — повернулся он к одному из парней: — Бери за край, подвинем! Кому говорю?!

Но парень не торопился исполнить приказание. Покачиваясь из стороны в сторону, он скрестил руки на узкой груди и передразнил:

— Прошу, прошу! А жрать-то нечего...

— Ну, хватит, хватит,— миролюбиво заметил Христофор.

— Пошел ты знаешь куда...— парень выругался.

— Смотри, Архипка!— зло встрепенулся белобрысый.

— Ты мне не грози, а то...

Христофор стал успокаивать белобрысого:

— Ладно, Николай, ладно. Оставь его.

Чтобы перепалка не разгорелась, я достал из чемодана пачку чая, две копченых рыбы, несколько кусков сахару и остатки полтавской колбасы. Все эти припасы я положил на стол. Парни молча уставились на них. С едой было неважно.

Христофор сел на кровать и положил мне руку на плечо. С другой стороны сидел черноволосый парень по имени Рашид. Он осторожно отламывал кусок хлеба и подвигал к себе. Потом от этого куска отламывал совсем небольшой кусочек, брал его в обе руки, снова переламинавал и клал в рот. Медленно разжевывал, глотал и осторожно вкладывал в рот второй кусочек. Так у нас в деревне ели старики. Наверно, и Рашид родился в деревне, где бояться уронить на пол крошку. Напротив меня сидел тот, которого называли Архипкой. Невысокий, худой, с тонкой шеей и узким лицом, нервный и верткий. Он достал из-за голенища финку, быстро нарезал колбасу и рыбу. Христофор хотел взять нож, чтобы разрезать хлеб, но Архипка спрятал финку в карман.

— Шалишь!— крикнул он и замахнулся на Христофора.

Если бы тот не увернулся, завязалась бы драка. Вообще драка готова была завязаться каждую минуту, и, видно, только аппетит заставил примириться всех этих разных людей за столом.

Так мы сидели и чаевничали.

Единственная лампочка, захватанная грязными руками, почерневшая от пыли, замигала и потухла, потом снова зажглась, но в полнакала. В наступивших сумерках комната барака стала меньше.

— Опять где-нибудь пробило кабель,— в сердцах сказал Христофор.

— Скажи, просто не хватает у них,— заметил Архипка.

— Чего не хватает?— пьяно переспросил Николай.— Энергии. За энергией поехали... Сам Турсунов поехал. Привезет новую станцию — лорядок, а не привезет...

— Ну, Турсунов привезет. Он вырвет,— сказал Христофор,— он такой!— и вздохнул, пожалел, что нет водки.

Пять пар крепких челюстей заканчивали работу, когда в барак вошел несуразно высокий человек в шинели и в кепке.

— Вот и комендант,— произнес Архипка.— Давно не был. Чего тебя принесло?

Архипка всех задирал. Комендант не обратил на него внимания, подошел к столу и с сожалением посмотрел на остатки рыбы.

— Давай, дядя Петя, помогай,— пригласил его Христофор.

— Эх, водочки бы к этому. А так, на сухую, не могу.— Он перевел на меня взгляд.— Вновь прибывший? Пойдемте, получите матрац, одеяло, сапоги. Через полчаса уезжаю в Ташкент.

Я торопливо допил свой чай и встал.

— Тебя как звать?— спросил комендант.

Я назвал фамилию: Бекиров.

— А меня — дядя Петя,— представился комендант и кивнул в сторону чемодана:— Закрой, поставь в сторонку.

Когда я вернулся с матрацем, резиновыми сапогами и ватной стеганкой, в бараке никого не было. Я придвинул свою койку к самому ок-

ну, положил на нее соломенный матрац, хотел заправить по-военному, но простыня была чересчур узка. Потом я сел на кровать, чтобы примерить сапоги, и сразу почувствовал, как устал.

Проснулся я ночью от резкого стука. Кто-то рывком отворил дверь, громко затопал. Я приподнял голову. При свете керосиновой лампы по комнате кружил белобрысый. Он был пьян. Меня он не узнал. Он шлепнулся на свою кровать и стал что-то лепетать про электрический кабель. Меня он назвал Карнакерьяном и бубнил, что в обязанности дежурного монтера входит проверять кабель, а я будто этого не делаю. Неподдалеку от меня кто-то заворочался, кряхтя поднялся, прошлепал босыми ногами к печке, напился воды, потом подошел к белобрысому.

— Пойдем, Николай, пойдем.— Затем повернулся в мою сторону, наверно, не видя меня в полумраке, спросил:— Не спишь?— Это был Христофор.

— Нет, а что?

— Помоги уложить Николая.

А через полчаса вместе с Христофором и Архипкой мы шагали в непроглядную ночь по непролазной грязи.

— Опять нас трое,— ворчал Архипка.— Вечно Кандыба нарежется.— И сразу, разозлившись, сказал Христофору:— Ты предупреди своего дружка! Я за него работать не буду.

— Мы втроем работали,— сказал мне Христофор,— Николай Кандыба, я и вот этот. А Николая, видишь, повело в сторону. Опять нас трое, а втроем, знаешь, как?.. Давай, давай! За всю смену, если два раза разогнешь спину — это хорошо.

Мы пробрались в темноте по узкой тропинке, пролегающей между низкорослым кустарником. Вперед стояло электрическое зарево. Оттуда доносились гудки паровозов, неумолчный шум реки и лязг цепей. Там строили обводный канал. Видны были высокие хребтины земляных отвалов, стрелы экскаваторов, расположенных вдоль реки, белые паровозные дымки. Но тот далекий свет сюда не доходил. Мы высоко поднимали ноги и шли на ощупь в кромешной тьме.

Я слушал Христофора и думал об Эльпиде. Я боялся спросить о ней. Христофор говорил о Кандыбе.

— Он ничего, хороший парень. Если работает, может горы свернуть. Шпалы так и кидает. А если не лежит сердце к работе, целую неделю будет пить. Ему что Мансуров, что Краснянская. А сам не дурак ведь, и человек — душа. Наш, батумский. Но, собственно, как сказать... не батумский, а бывал в Батуми, моряк. И еще: почему пьет — жизнь его обидела.

— А кто такая Краснянская?

— Ты что, не знаешь?— Христофор очень удивился.— Это же Анна Яковлевна — начальник Головного узла. Вот чудак! Анна Яковлевна Краснянская. Знаешь, какая она? Скажет — как отрезала. И все с рабочими. Сама что знает — объяснит. Ее тут все уважают. С Днепро-строя — прямо сюда. Там мужа похоронила.

Слева раздался свисток паровоза. Стало светлее, мы подходили к берегу реки. Сейчас смена, а я еще не задал Христофору своего вопроса. Он, видно, понял мою немую мольбу, сказал сам:

— Давно нет письма от Эльпиде, она ведь теперь не живет в Батуми.— Сердце мое упало. Христофор продолжал:— Она работает в Кабулети на чайной фабрике. Тоже не хочет жить с отцом.— Он остановился и обернулся ко мне:— Ты давно не писал?

— Она не отвечает.

— А ты напиши,— посоветовал Христофор и добавил:— Давай, давай, поторапливайся.

«Да, да,— говорил я себе,— надо написать поскорее, надо поторапливаться, самому поторапливаться, не ждать, пока это сделает кто-то другой. Самому надо ковать свое счастье».

Мне было двадцать три года, когда эта мысль впервые пришла ко мне. А ведь она могла прийти раньше, и все могло быть иначе...

Глава третья

Нижник — это почти что железнодорожник. Нижник — такого слова нет. Придуманно оно у нас и происходит от слова «низ». Нижник работает там, где находится нижняя часть экскаватора-драглайна.

Это просто странно — экскаватор, такая интересная машина, замечательная сотни землекопов, нуждалась тогда в ручном труде. Теперешние экскаваторы передвигаются самостоятельно, а тогда им нужно было прокладывать дорогу.

Представьте себе громадный цех — это черный корпус нашего экскаватора. Там находится машинное отделение, в нем компрессор, моторы и другие машины. Впереди моторной части, впереди черного корпуса, размером, может быть, чуть меньше железнодорожного вагона, начинается стрела — длинная мачта с несколькими парами роликов и целой системой тросов. С двадцатиметровой высоты этой мачты в глубину канала падает тяжелый стальной ковш, он вгрызается зубьями в обледеневшую землю, захватывает смерзшиеся комья, а затем взлетает кверху и высыпает грунт в сторону или в думпкар — корытообразный железнодорожный вагон.

Вся эта грохочущая, скрежещущая машина движется по рельсам, которые должны прокладывать мы, нижники. А кто знает, что значит проложить путь экскаватору? Надо взять лом, лопату, кирку и разровнять землю позади машины, затем разложить шпалы, а на них — рельсы. После этого рельсы поставить на металлические планки и забить костылями. Как только машина продвинется назад — а экскаватор движется только назад — тогда освобождаются передние рельсы, и мы, нижники, можем снять освободившиеся рельсы и перенести на новое место, которое уже разровнено и называется не глыбами земли, не камнями, не холмом, не рывтиной, а полотном железной дороги, рельсовым путем.

— Для этого особой мудрости не требуется,— сказал Христофор, когда мы вышли к каналу.

— Нужно только иметь силу, как у верблюда,— добавил Архипка.

Мы поднялись на скользкий холм. Отсюда была видна почти вся панорама строительства, похожая на огненную реку.

Вдоль ревушего, бурлящего, сумасшедшего Кинджика, вернее, немного отступя от него, экскаваторы рыли обводный канал. Я не знаю, сколько их было. Видны были лишь три из них. Они стояли в полукилометре друг от друга. А всего их, наверно, было много, потому что вдоль Кинджика по трассе будущего канала стояли столбы с яркими лампами, прожекторами, трансформаторные будки, от которых прямо по земле вились, как змеи, толстые кабели. Эти кабели шли к экскаваторам.

В Кинджике отражались яркие огни. Бурливая пенистая вода в нем темно-синего цвета. Вдоль реки километров на пятнадцать — огни, огни, а внизу, под самыми ногами, глубочайшее ущелье — обводный канал.

Дул холодный пронзительный ветер, он завывал в проводах. Раздавались гудки паровозов. Где-то рядом слышались голоса, кто-то ругался.

— Это нижники с двадцать второго,— сказал Христофор.— Всегда они ругаются.

Мы остановились у трансформаторной будки возле железнодорожного пути. Будка гудела. Я хотел перешагнуть через рельсы, но Христофор схватил меня за руку и дернул назад. Я успел услышать только, как хихикнул Архипка:

— Иди, иди, дружок. Чего не идешь?

В это мгновение мимо нас пронесся, громыхая, мотовоз. Он выскочил из-за поворота и только привычный слух мог определить среди лязга и свиста грохот приближающейся машины.

— Ах ты сволочы! — сказал Христофор Архипке.

Между рельсами собралась вода. Шпал не было видно.

Рядом кто-то закашляла быстро прошлепал по лужам: хлоп, хлоп, хлоп.

— Черт возьми, да это наши!

Перед нами стоял Кандыба, которого мы оставили мертвецки пьяным в барак. Лицо его было мокрым от пота.

— Черт возьми, — прорычал он, близко подойдя ко мне и притянув к себе за плечи. — Ты, оказывается, здесь, красный казак, а я про тебя забыл. Вспомнил, что двое пошли на смену. Проснулся — и за ними. Оказывается, они тебя прихватили. Промах совершил, допустил промах. А то бы нипочем не встал. Ведь я пьян.

От него пахло водкой. Но пьян он не был.

— Пойдем в «Голубые скалы», — сказал мне Кандыба. Вынул из пазухи брезентовые рукавицы и протянул мне. — На, держи, пригодятся.

— Зачем?

— Держи, говорю!..

— А ты как? Ну ладно, спасибо.

— Теперь смотри сюда. Видишь, где свет вот такой домик, небольшой, деревянная будка. Это и есть наши «Голубые скалы». Тут раньше были скалы, голубые, понимаешь, потом поставили эту будку. Придешь в «Голубые скалы» и спросишь Тахтабаева, — это наш механик, — скажешь, что прислал Кандыба, велел сказать: не затруднит ли вас принять меня на работу? А если затруднит, пускай он... — Николай выругался и захохотал.

Он пошел по шпалам, за ним захлопали Христофор и Архипка. Проходя мимо меня, Архипка подмигнул весьма дружелюбно: «Ничего, дескать, бывает».

Я пошел рядом по тропинке. Идти было трудно, скользко. Наконец я добрался до маленького домика и, ухватившись за ручку, потянул на себя тяжелую дверь.

— Быстрее закрывай, — раздался изнутри чей-то хриплый голос.

Я поспешно притворил дверь. При тусклом свете висевшей под потолком керосиновой лампы я увидел фаскаленную чугунную печку и около нее двух пожилых рабочих. Они грели руки и разговаривали.

— Я говорил, не связывайся ты с ней.

— А что я сделал? Ну, оторвал кусок обоев, много ли? Письмо написать. А она подняла вольнку. Не люблю, когда из-за всякого дерьма...

— Она обои по ордеру получает, вот и злится. Ей на всю «легкую кавалерию» один рулон на месяц дали. Тахтабаев высмотрел, куда она прячет обои и ворует помаленьку, а ты сразу рванул кусок...

Они прервали разговор, помолчали немного и, обернувшись ко мне, спросили:

— Ты чего?

— Тахтабаев здесь? — спросил я. Оба одновременно кивнули в глубину комнаты:

— Там Тахтабаев.

Присмотревшись, я увидел человека, сидевшего за узким столом спиной к двери. Услышав свою фамилию, он повернулся ко мне лицом.

Был он стар, лицо все в морщинах, но мне оно показалось молодежавым. Я знал пожилых людей с молодыми глазами, от них все лицо казалось молодым.

Тахтабаев оглядел меня и улыбнулся.

— Это вы Бекиров?

— Я.

— Будете работать на экскаваторе. Машинист Алмазов ждет вас, торопитесь, а то там всего двое нижников осталось.

— Трое, — сказал я. — Кандыба вышел.

— Ну хорошо! Знаешь, где экскаватор? — Он вышел со мной и показал: — Видишь вон ту деревянную будку? От нее — второй против течения Кинджика. Понял?

— Понял. Это близко.

— Ну и хорошо, что тебе еще все близко. А для меня так туда километра полтора.

— Да ну, тут рядом, — сказал я.

— Вот и хорошо, что рядом, — сказал Тахтабаев.

Я пошел, а он все стоял у дверей «Голубых скал» и следил за мной.

Я долго разыскивал свой экскаватор. Сверху будку, единственный ориентир, указанный Тахтабаевым, было видно хорошо, но только я спустился вниз, к берегу реки, как сразу же потерял ее из виду.

Я снова поднялся, пошел вдоль полотна, все время не выпуская из виду будку. Но эта дорога была не самой короткой. Я выбрал несколько меток, снова сгустился и почти дошел до будки, но передо мной оказался уже отрытый канал и моста через него не было. Чертыхаясь, я повернул назад. Минут тридцать я потратил на поиски. Наконец я нашел наш экскаватор.

Он стоял на валу, под высоким срезом берега, вечерняя смена уже успела сдать экскаватор, и Христофор с Архипкой смазывали оси колес.

Около шпал, наваленных грудой, высокий длиннорослый человек, не в ушанке, а в кепке и в бобриковом пальто, громким голосом отдавал приказания. Когда я вошел в полосу света, отбрасываемого электрической лампочкой, привешенной к крыше экскаватора, он заметил меня.

— Быстрее, быстрее! — закричал он мне. — Этот Тахтабаев всегда канителит. Ваша фамилия Бекиров?

Я утвердительно кивнул головой.

Человек самодовольно улыбнулся. Я узнал Мансурова — начальника экскаваторного парка, которому представлялся после купания в реке.

— Видите, я угадал сразу. Я всех рабочих знаю наперечет. По фамилиям. Этот Тахтабаев вечно канителит. Небось, рассказывал, как завоевывал Советскую власть?

— Нет, — сказал я.

— Почему тогда опаздываете? — набросился на меня Мансуров. — Нельзя опаздывать. В нашей работе каждая минута дорога, поняли? Идите сюда. Вот ведро, а это валик, надо его смазать. От вашей работы зависит успех всей стройки! Да, да, успех всей стройки!

Он еще что-то кричал, но никто не обращал на него внимания. Все, наверно, привыкли, что он каждый день объезжает экскаваторы и на всех кричит. Потом мне приказывали и Христофор, и Архипка, и Николай, и Рашид, который временно был помощником машиниста. Машиниста экскаватора Алмазова в продолжении всей смены я видел много раз, но почти не слышал. Он что-то говорил на ухо Рашиду и Кандыбе, который среди нас, нижников, был старшим. Все старались перекричать

шум моторов, один Алмазов говорил тихо. Он не хотел кричать. Он подошел ко мне, сказал на ухо:

— У нас тут народ неплохой, — и пожал руку.

Сначала я стоял в компрессорном отсеке. Когда Алмазов нажал на рычаг и огромный ковш начал опускаться в глубь ямы, а потом, видимо, врезался в землю, вся машинная часть экскаватора содрогнулась. Я чуть не упал. Алмазов это видел. Потом он уже осторожно задвигал рычагами, и полный ковш поднялся над землей. Экскаватор медленно повернулся. Тросы подтянули ковш и вывернули его, посыпалась порода. Затем Алмазов остановил машину и сказал:

— Ступай вниз.

Я сошел вниз, понимая, что экзамена не выдержал.

...Считалось, что тяжелую рельсу должны поднимать два человека. У меня не было опыта. Но я один поднял длинную рельсу и пронес шагов десять. Это видели все, но никто не высказал ни малейшего удивления. А я подхватывал по две шпалы, будто это были подпорки для яблонь.

В три часа ночи машинист остановил экскаватор. Мы быстро освободили колеса от железных тормозных колодок, машина продвинулась назад метра на три, снова закрепили передние и задние колеса колодками и сняли передние рельсы. Машина заработала вновь. А мы опять начали, подготавливая путь для дальнейшего движения экскаватора, ровнять полотно, носить шпалы и рельсы. И опять я один поднимал рельсу. Я услышал, как Христофор сказал Николаю Кандыбе, вероятно, обо мне:

— Здоров! — и в голосе его прозвучала гордость.

— Дурью мучается, — ответил Николай. Подошел ко мне и, отнимая одну шпалу, снова сказал: — Хватит дурью мучиться. Один всего не переносишь. Работай ровень со всеми, не отставай.

Я понял, что не выдержал и второго экзамена.

Нельзя в работе выказывать одного себя, свою силу, свою ловкость или свой ум, талант. Работая вместе с кем-либо, нужно всегда делить то, что есть, поровну, объединять силы. Надо, чтобы свои силы человек направлял к тому, чтобы все, именно все, делали больше и лучше.

Мы трое работали впереди машины, Архипка с киркой — позади. Когда мы заканчивали переноску рельс и шпал, он отходил в сторону. После него надо было многое переделывать: он оставлял большие глыбы земли, их приходилось откидывать и ровнять полотно.

Христофор работал ритмично, вдумчиво. Он не спешил, но работал почти без отдыха. Николай — лихорадочно. Он часто останавливался, но ненадолго. Я старался подражать Христофору. Как работал Архипка — мы не видели. Когда в очередной раз подошли к полотну, которое он ровнял, заметили, что он опять навалил много глыб и не убрал их. А полагалось после себя очистить землю, которую вырыл лопатой или киркой.

— Убирай сам! Привык на дармовщину, — рассердился Кандыба.

— Вас трое, а я один, — огрызнулся Архипка, — сами уберете.

Это был вызов.

Николай выпрямился и зло откинул лопату в сторону. Он остановился, посмотрел на Архипку и шагнул к нему:

— Ну?!

Архипка пожал плечами и пошел оттащить в сторону комья земли.

Я спросил у Кандыбы, сколько еще раз до конца смены экскаватор будет передвигаться. Николай ничего не ответил. Он еще сердился на

Архипку. Он поднял молоток и одним ударом вогнал костыль в шпалу.

— В зависимости от грунта,—начал было объяснять Христофор, но в это время впереди что-то ударило в землю и экскаватор остановился.

— Ух, и везучий ты,— сказал Николай, зло глянув в мою сторону.

— Сглазил, чертов кавалерист,—прошипел Архипка,—с тобой много не сработаешь.

— Тише вы! При чем он,—урезонивал их Христофор.—Вчера два раза рвался трос.

Мы собрались в глубокой мокрой яме. Там на боку лежал ковш. Я работал кувалдой. Стоять приходилось на самом ковше, и ноги в резиновых сапогах все время скользили. Внизу со мной был Христофор и помощник машиниста Рашид Махкамов. Кандыба полез на стрелу, Архипка стоял на полдороге и что-то кричал нам вниз. Мы его не слышали. Наконец я выбил болт и крикнул:

— Давай трос!— и вдруг мы прямо перед собой увидели ноги в сапогах. Это Архипка, держась за трос, спустился вниз.

— Вот отчаянная голова,— сказал Рашид.— Молодец!

— Только на это его и хватает,—проворчал Христофор.

— Трос сбросить могли — разбился бы,—говорил ему в ответ Рашид.—Зачем не признаешь, что молодец!

— Ладно, молодец.

Заново прикрепить концы троса к ковшу—это целое искусство. Мы работали вчетвером. Прежде всего надо перерубить трос. Это не трудно. Это очень ловко сделал Рашид. Потом трос надо скрепить. Мы бились не меньше часа. Когда мы кончили и выбрались по склону наверх, машинист потряс ковшом в воздухе, потом опустил его на землю. Мы окружили его. Работа была сделана хорошо. Кандыба откуда-то приволок старую шпалу и начал колоть ее киркой. Он зажег костер одной спичкой. Тонкие просмоленные щепки вспыхнули, и огонь быстро разгорелся. Мы присели вокруг. Ветер со стороны реки пронизывал нас сквозь наши спины, зато лица и грудь так и плавилась от жара.

Подошли к костру Рашид с Христофором. Рашид продолжал что-то рассказывать:

— ...Чего, говорит, спишь? А Агапов спросонья отвечает: «Я не сплю». «Как не сплю! Я по стреле вижу, что носом клюешь».

Христофор засмеялся, сказал:

— Он что хочешь увидит, сам прошел, знает.

— Знает, конечно, знает,—подтвердил Рашид.—Залезает он в кабину и — Агапову: спи, говорит, теперь можешь спать, но чтобы в последний раз. А сам как взялся за рычаг и — давай. Нижники только успевают рельсы переставлять. Тут ветер, а они в поту. А он — без остановки. И ни разу трос не рвался. У нас вот порвался, а у него — нет. А тот же трос и машина, и грунт тот же. Агапов сначала просил: «Давайте я, уже прошел сон». Потом отстал. А он все смеется: «Нам, говорит, полезно иной раз». Агапов разозлился: «Сейчас силой скину!» А он смеется: «Попробуй».

— Это он его наказал,—убежденно заметил Христофор.

— Так до конца сменя и работал,—продолжал Рашид.—А Агапова послал экскаваторы обойти, все ли в порядке. Потом показывал, учил будто. И говорит: «Совмещать надо операции».

— Молодец,—сказал Христофор.—И проучил тоже. На работе чего спать? Работа страдает.

— И поет хорошо,—сказал Рашид.—Знаешь, хорошие стихи поет. Ни в одной чайхане не слышал, чтобы так пели. И инженер на все руки...

«О ком они?»— подумал я.

Кандыба раскладывал вокруг костра картошку. Над костром на металлическом пруте повис закопченный жестяной чайник. На стальном листе на углях грелись замерзшие лепешки. От них шел запах свежесыпеченного хлеба. В чайнике заклокотала вода.

— Вы извините меня,— обратился ко мне Кандыба,— я вас не знаю. Вы каким образом оказались в нашем обществе? И еще одно предложение: если вы работаете с нами, то переходите жить в наш барак.

Все засмеялись. Христофор покачал головой: «Эх, перепил!»— и объяснил, что я уже живу в бараке и имел счастье с ним, с Кандыбой, быть знакомым.

— Нет, я знаю, что вы красный казак, мне Христофор говорил, но что в наш барак поселились, простите, не заметил.— Он посмотрел на меня покрасневшими от бессонницы светлыми глазами, они выражали добродушие и чистосердечность.

Мне хотелось сказать ему что-нибудь приятное, мол, рад, что попал к ним, а не к водолазам, но в это время рядом послышался мягкий женский голос. Я повернулся в ту сторону, где разговаривали, но в темноте никого не было видно. Архипка вскочил.

— Здравствуйте, Ира,— сказал он,— садитесь, грейтесь.

Из темноты вышла стройная девушка, в кожаной курточке и высоких сапогах. На голове у нее был пуховый платок. Блики пламени играли на ее серьезном, сосредоточенном лице, а большие темные глаза в неверном свете костра казались загадочными.

Я сразу узнал ее. Это она в кабинете секретаря ЦК комсомола требовала тросы.

Девушка молча посмотрела на костер, на застывшую в воздухе стрелу, потом, как бы в ответ на предложение Архипки, сказала:

— Опять загораете?— Странно было слышать от нее эту грубоватую фразу.— Когда ни приду, все застаю вас у костра. Вы когда-нибудь работаете?

Архипка засмеялся и рванул с себя ватник.

— Раз Ира приказывает, сейчас буду загорать!

— Ну, ну,— крикнул Кандыба, и Архипка, запахнув полы ватника, стал застегиваться.

— Как грунт?—спросила девушка у Христофора.

— Твердый, очень твердый. Внизу попадают каменные глыбы. Подошел Алмазов.

— С напряжением плохо, товарищ инженер.

— А кабели проверили?

— Проверили, повреждений нет,—ответил Алмазов.

— Значит, проверили?— насмешливо переспросила девушка.— Вчера на подстанции сменили мотор, все экскаваторщики в восторге от электроэнергии, а у вас «неважное напряжение».

— Но мы проверяли,—повторил Алмазов. Голос у него был неуверенный.

— Сейчас проверяли?— нажимала она.

— Это вчера проверяли,— не выдержал Кандыба,— мы с Дураниди сами вчера проверяли. А после нас часа через два Рашид Махкамов, ходил.

— Да, я ходил, кабель был цел,—подтвердил Рашид.

— Вчера был цел,—она голосом подчеркнула слово вчера.—Дайте кого-нибудь из ваших нижников,—уже тоном приказа добавила она.

Архипка подошел к машинисту и вытянулся.

— Нет, не вы!—сказала девушка.—Вот вы пойдете,—указала она на меня.—Вам полезно. Ведь вы недавно? Вот и хорошо.

Я услышал, как Архипка с шумом выдохнул воздух. Я последовал за инженером. Она шла быстро, так быстро, что я чуть не потерял ее из виду в темноте. Мы спустились с кучи грунта к воде, затем пошли по большому деревянному мосту, немного дальше от моста увидели электромонтера, который, ругаясь, вытаскивал кабель из лужи. Видимо, Ира сюда его направила.

— Пройдите вдоль кабеля, — приказала нам Ира и ушла.

Монтер молча протянул мне руку.

— Карнакерьян, — представился он и добавил: — самая сволочная работа — все время под током.

Мы проверили кабель от трансформаторного киоска до экскаватора. Убрали его из воды. Карнакерьян ворчал:

— Хорошо, что Турсунова нет. Уж он бы мне дал, если бы кабель увидел в луже. Он, брат, бережет энергию. У нас, кроме него да монтеров, как я, к примеру, до энергии никому дела нет. Буквально безобразия! На словах — все, а как дойдет дело до косинуса «фи», так остаемся мы да Турсунов.

— Что такое косинус «фи»? — спросил я.

— Экономия энергии! — не ответил, а прокричал Карнакерьян.

Когда мы вернулись к экскаватору, Архипка стоял у обрыва. Иры около экскаватора не было. Архипка махнул нам рукой и взялся за кирку.

Скоро начало светать. Наверное, это было очень красивое зрелище, я его потом наблюдал много раз. Заря не сразу расцветила горы, не сразу окунулась в реку, а поднималась медленно, окрашивая горы во все цвета — от светло-розового до фиолетового. Но тогда, в первый день работы на стройке, мне и в голову не пришло рассматривать эти чудеса.

Вдалеке раздался гудок паровоза, возвестивший окончание работы. Около нас уже хлопотала новая смена.

Глава четвертая

— Вы что здесь делаете?

Рядом со мной стояла Ира.

— Камни кидаю. Не захотелось домой идти.

— А зачем? — она засмеялась и показала свои очень красивые зубы. — Силу пробуете?

— Да нет. Просто я люблю воду. А река так шумит, вода седая совсем...

— О, да вы поэт! Честное слово, поэт. А я как раз ищу поэта. — Она подняла камень и тоже кинула в реку. Камень упал близко. Она взяла еще и кинула опять — и этот упал близко.

— Какой я поэт, я — кавалерист, стихов не пишу.

Она ничего не сказала, взяла небольшой камешек и, размахнувшись по-мальчишески, метнула в воду.

— Не отказывайтесь, — решительно сказала она и улыбнулась. — Сейчас мы вместе пойдем.

— Куда?

— Мы сейчас выпустим бюллетень «Легкой кавалерии»...

— Да я ничего не знаю.

— Пойдем, пойдем, — сказала она, — я покажу, как это делается.

Мы пришли в «Голубые скалы», когда в комнатке никого не было.

— Очень удачно получилось. Мы одни. Но ты молчи. Что увидишь — никому! — сказала Ира. — Держи дверь.

Она пододвинула табуретку к одному из углов каморки, встала на нее, засунула руку за лист фанеры, который отошел от потолка, и вынула оттуда рулон желтых обоев с голубыми цветочками.

Я узнал эти обои. Их раздавал комсомольцам секретарь ЦК. Ира отмерила кусок, оторвала, а остальное спрятала на прежнее место.

— У тебя какой почерк?— спросила она.— Красивый?

Откуда только взялась эта Ира? Как она узнала, что я в полку всегда переписывал заметки в стенгазету?

— Пиши.— И она вынула из маленького карманчика кожаной куртки кисточку и листок с текстом.

— О, да ты прямо клад! Вот повезло.

Скоро листовка была готова.

БЮЛЛЕТЕНЬ ОТРЯДА «ЛЕГКОЙ КАВАЛЕРИИ»

Вчера во вторую смену экскаватор К-70 простоял шесть часов из-за отсутствия электроэнергии. Позор Мансурову, позор механику Тахтабаеву!! Неудовлетворительная работа экскаваторного парка ставит под угрозу срыва основные работы — обводный канал.

Легкая кавалерия: *Шадманова.*

— Подпиши свою фамилию,— приказала Ира.

— Я ведь в рейде не участвовал...

— Ну, все равно, подпиши.

Я покорно написал свою фамилию.

— Как, как?— спросила Ира.— Бекиров? Что-то знакомая фамилия. Ты откуда приехал?

— Из Ташкента.

— Там у меня много было разных знакомых... Я ведь училась там и сейчас часто бываю в Ташкенте, хотя папа и мама у меня в Самарканде. Папа очень больной, ему басмачи правое легкое прострелили. А мама в райкоме работает. Все наши со стройки, все снабженцы,— ну, кто в Самарканд едет,— все у нас останавливаются. Папа по двору уже ходит, а работать еще не работает...

Дверь «Голубых скал» отворилась. Вошел Тахтабаев, снял кепку и, вывернув подкладку, вытер пот со лба, с шеи.

— Жарко.

Он подошел к столу, стал читать.

— Во-первых, не шесть часов простоял, а пять,— сказал он, начиная сердиться. Прочитал подписи и вслух произнес:— Бекиров?— Он посмотрел на меня и покачал головой:— Ну и ну, дела! Только поступил и уже в «Легкую кавалерию» записался.

— Так ведь он — кавалерист,— усмехнулась Ира.

— Ладно, пишите. Критика — вещь полезная. Сам критиковал, когда был председателем комиссии по чистке. Тоже критиковал...— Было видно, что Тахтабаев сердится, но старается не показать этого. Потом он что-то вспомнил, вынул из кармана своей кожаной курточки листок бумаги и сказал Ире:— Вот, давай еще напиши: коммунхоз канителит с базаром. Надо столики поставить на площади, а коммунхоз уже неделю как канителит. То того нет, то сего, то людей нет. У него такая текучесть, столько прогульщиков...

— Это вам, наверно, партком поручил, а вы нам, комсомолу, все перепоручаете,— сказала с упреком Ира.— Но мы что? Мы ничего. Давайте, мы проверим.

Тахтабаев улыбнулся:

— Гора с плеч. Не завидую я теперь коммунхозу! А насчет того, что мы все комсомолу перепоручаем, так это хорошо—вы наша смена.

— Пойдем,— сказала мне Ира.

— Пускай останется,— спокойно и строго заметил Тахтабаев и показал мне на скамейку.— Садись.

Я думал, что Ира заступится за меня, но она кивнула и ушла. Я немного обиделся на нее. Вышло как-то не по-товарищески. Ведь она, наверное, догадывалась, что Тахтабаев будет ругать меня.

Тахтабаев спросил:

— Ты что, правда из кавалерии сюда?

Я кивнул головой.

— Так,— сказал он и помолчал.— У меня тоже брат в кавалерии. Не встречал? Тахтабаев фамилия, а по имени Ашур.

Я сказал, что в Червоноказачьем полку, где я служил, такого не было.

— Он в Саратове.

Тахтабаев снова помолчал. Я ждал, когда он, наконец, скажет, что надо поработать сначала, все узнать, а потом уже учить других, но Тахтабаев сказал:

— Я здесь палатки ставил.—Он встал и приоткрыл дверь, ветер ворвался в будку. Я тоже встал.— А вот на этом месте,— он показал рукой,— жили геологи-изыскатели. Я у них лежал, когда воспалением легких заболел. Упал, понимаешь, во всем, в чем был, сорвался с того берега прямо в Кинджик. А был, вот как сейчас, декабрь. Воды немного, но бурливая. Как меня не унесло? Как камнем не пристукнуло? Пока выплыл, простудился. А жили в палатке, все в котле варили на очажке, снаружи. Не то что на Днепрострое. Там я в коттедже жил. В одной половине—иностранные специалисты, в другой половине—мы.— Он закрыл дверь и стал греть руки над печкой. Руки у него были загрязные, белые, черные, мозолистые.

— Ты сиди, я тебе сейчас все расскажу. Я ведь здесь и первым секретарем парткома был, как старый агитатор. У нас на Днепрострое вот такой портрет висел Тахтабаева. Был экскаваторщиком. Здесь многие наши с Днепростроя: Турсунов, Краснянская, другие ребята. Но не все же строить на Днестре и на Волге. На Восток надо идти, понимаешь, на Восток. У нас Восток еще кишачный, индустриализацией и не пахнет — арба, осел, чигирь, кетмень. Что это за машины? Тысячу лет, десять тысяч лет назад люди так же пахали — омачом. Стыд, позор. Как в Африке. А нам надо всех колхозников и единоличников, их всех надо вокруг рабочего класса сплотить. Как сплотить? Дать им машины и электричество. У нас на Днестре по всей плотине вот такими буквами с берега на берег было написано, что Советская власть плюс электричество — есть коммунизм.— Он остановился и задумался.— Ленина слова! — И без всякого перехода спросил: — С тобой никто не проводил беседы?

Я отрицательно покачал головой.

— И эта тоже? — он кивнул в сторону двери.

— Да, и Шадманова не проводила.

— Эх, комсомол, что за комсомол?! Вот, я помню, в гражданскую войну был комсомол! Голодные, разутые, одна шинелишка, а идут вперед. Ура, да и только. А сейчас разная «Легкая кавалерия». Это, брат, тебе не с винтовкой в руках... — Он помолчал, медленно вытащил кисет, скрутил сигарку.— Хотя время другое,— добавил он.

...Я сейчас вспоминаю этот разговор Тахтабаева и смеюсь над собой.

Я тоже говорю, что в наше время комсомол был другой. Видно, просто мы сами меняемся и уже немного постаревшими глазами смотрим на молодежь.

...Тахтабаев продолжал:

— Возьми наш Кинджикский комбинат, он даст тысячи тонн удобрений. А для чего?

— Для хлопка,— сказал я.

— Для хлопка, для хлопка... Это ребенок знает. У нас в Средней Азии этого хлопка, может быть, сколько хочешь. Земли хватает, а воды мало. Вот плотину для того и строим, будем воду собирать. Осознал? Теперь дальше. Хлопок ведь растет? Откуда берет силу? Из земли. Выкачивает из почвы сотни тысяч тонн азота. Без него не будет роста. А как эту убыль пополнять? Мы где брали удобрения? За границей. А каждая тонна азота обходится четыре сотни рубликов золотом. Ну-ка, сосчитай. Значит, с одной стороны, надо построить завод, чтобы свой рабочий класс создать в Средней Азии, на Востоке, а с другой стороны — пополнить убыль, которую растения создают в земле. Вот, значит, на нашем комбинате и будут производить удобрения, чтобы освободиться от иностранной зависимости. Это по капитализму удар не хуже, чем под Перекопом.

Тахтабаев прошелся по комнате, вынул табакерку-тыквочку, кинул щепоточку под язык.

— Я, между прочим, там воевал и орден Боевого Красного Знамени имею. Имею, но не ношу, потому что у меня есть скромность. Неподаром говорят: скромность украшает коммуниста, а я как-никак с шестнадцатого года состою в партии, и моя обязанность, где бы я ни находился, быть коммунистом. Есть у меня свободная минута, пожалуйста, все рассказываю. У меня злобы против тебя на волос нет. Конечно, нехорошо поначалу. Могут подумать, что себя показываешь. Эту Шадманову уже знают, она и на работе — огонь. Она тебе что хочешь сотворит. А тебя еще никто не знает.

Я наклонил голову. Тахтабаев мое движение расценил иначе.

— Ну, это я так, к слову. Ты чего приуныл сразу? Я учу тебя, настоящий большевик должен доводить до людей идеи партии, сам понимаешь. А у нас говорят — агитатор на это есть, пусть, дескать, он новичкам все рассказывает. Но что ты будешь за большевик, если свое самое первое дело на других перекадываешь?! Вот что я тебе скажу. Каждый большевик должен быть агитатором и борцом. Ленин, посмотри, каждый день в рабочей массе жил и учил массу.

Я смотрел на этого круглолицего, длинноусого человека. Лет ему было — за пятьдесят. Человек на вид флегматичный, усталый, с чуть припухшими, вечно опущенными вниз веками. Но молодой!

Уже потом Ира говорила, что он тяжело болел, и его сняли с экскаватора, а экскаваторщиком был хорошим, дело знал, иначе бы не поставили старшим механиком в «Голубых скалах».

Я слушал этот немного наивный разговор, разговор человека не слишком образованного, но такой правильный, такой честный и партийный разговор. Это был очень убежденный, очень верный партии человек. Мне подумалось, что так же спокойно он на виду у белых прилаживал пулемет, так же спокойно выжидал, когда подойдут поближе и, только прицелившись, открывал огонь.

Тахтабаев снова отворил дверь.

— Проветрить надо, а то что-то дымком пахнет. Вон этот обрыв, — он кивнул в сторону берега, — вот оттуда я сверзился. Обрыв этот называется Дурной пропастью. Почему Дурная? Потому, что берег все время подмывает, разрушается он, а река-то горная, сила у нее дурная. Она здесь выходит на простор. В низовом, где конец обводного канала, там течение потише, берега сглаживаются, понижаются, там пологий склон. Вот и думай, где найти лучшее место для плотины? — И он добавил уверенно: — Только здесь! Это и геологи решили, и сама жизнь решила еще задолго до нас. Там вон была голова старинного арыка Ханым. Видишь, и в древности тоже так порешили.

Тахтабаев посмотрел на часы и внезапно поднялся.

— Ладно, что тут говорить. Идти надо, а то опять в «Бюллетень» попадешь. И ты иди, а что запомнил — другим скажи!

Он надел кепку и пошел к двери, обернулся у порога, спросил:

— Радио слушаешь?

— Иногда слушаю.

— А сегодня слушал? Как там дела в Абиссинии?

Я пожал плечами: где мне было знать?

— А говоришь, слушаешь,— сказал Тахтабаев.— Ты давай слушай радио. Эта война, знаешь, только начинается.

...В годы Отечественной войны я часто вспоминал эти слова Тахтабаева.

Глава пятая

Было уже часов десять утра, когда я скинул сапоги, фуфайку и повалился на кровать. В бараке никого не было, и после суток, которые я провел на ногах в шуме и гаме, тишина тяжело навалилась, придавила. Но сон не шел. На стене висели часы-ходики, к цепочке были привязаны проволокой два гаечных ключа. Я никогда бы не подумал, что маленькие ходики могут тикать так громко.

...Для паромы, наверно, отдают старые тросы, вот почему они так часто рвутся. Тик-так.

...Надо написать Эльпиде. «Дорогая, милая моя Эльпиде, ты мне не отвечаешь, а я все равно буду писать. Вспомни обо мне, моя Эльпиде, вспомни, моя любимая. Я был глуп, мне надо было тогда позвать тебя к себе, Я этого не сделал, но не все пропало, я зову тебя сейчас, будем жить вместе: ты, я, Христофор и еще один наш друг Николай Кандыба. Милая Эльпиде, Христофор говорит...» Тик-так...

...Этот Архипка все время уваливает от работы. Почему его не приструнят?.. Тик-так, тик-так.

...А Кандыба выпил, наверно, не меньше литра. Куда там!— литра полтора. Тик-так, тик-так.

...Если бы трос не порвался, я, наверно, так бы не устал, а то попробуй в эту яму— вверх и вниз. Отец сказал бы: «Ты ведь горец». Ну и что ж, что горец? Тут метров тридцать глубина и склоны такие— словно по стене лезешь.

Я спал и сквозь сон слышал, как кто-то тарабанил в дверь. В какое-то мгновение я почувствовал, что проснуться все равно придется и вскочил по-армейски. Вскочил и раскрыл глаза. Мне показалось, что уже вечер. Сколько же я спал?

Это мне приснилось — и то, что я проснулся, и то, что наступил вечер. Я продолжал лежать на кровати. Еще раз постучали. Я поднялся, прощлепал к двери и поднял крючок. Кто его закрыл? Я оглянулся. На одной из кроватей кто-то лежал, укрывшись ватником. Кажется, Рашид. Он, наверно, и закрыл дверь.

— Давай! Скорее давай!— проговорил человек, просовывая голову в дверь. Какой-то странный человек в шубе с поднятым воротником, со сморщенным лицом, а глаза смотрят пристально, и голос скрипучий. Старуха какая-то.

— Куда скорей?— спросил я.

— Убивают!— прокричала, прокаркала, прокашляла она.— Ваших там режут.

— Кого убивают? Где?

— Пойдешь и увидишь,— вдруг совсем спокойно ответила женщина и показала в сторону рукой.— У плотников.

Я вернулся к кровати, хотел было натянуть резиновые сапоги, но они были грязные, я надел армейские со шпорами, и мы пошли. У одного барака женщина остановилась.

— Иди. Да не горячись.— Она понизила голос и сказала почти шепотом:— Там Мушук.

С первого же шага во внутрь комнаты начались чудеса... Я наступил ногой на какую-то дощечку, которая громко затрещала. Совсем недавно это была гитара.

Барак такой же, как у нас. Небольшая комната, восемь кроватей. Накурено, спертый, водочный воздух. Посредине комнаты за столом, друг против друга, сидели и как будто мирно беседовали Николай Кандыба и какой-то парень с челкой и с начинающей отрастать бородкой. Был он не в ватнике, как все, а в черном полушубке с белым барашковым воротником.

Лицо Николая было залито кровью. Она лилась со лба по носу, по щекам, он не вытирал кровь, будто не замечал ее. Капли крови падали на стол. Николай и его собеседник не разговаривали. Они смотрели друг на друга молча.

На двух сдвинутых вместе койках не то без сознания, не то в полном опьянении распласталась молодая женщина с огненно-рыжими волосами, они как будто стекали на пол. Рядом с ней сидела другая женщина, и около нее в позе галантного кавалера стоял наш Архипка и протягивал стакан водки. На цементном полу валялись пустые бутылки, рыбы хвосты, окурки.

Значит, Мушук — этот, напротив Кандыбы. Странное имя. Наверно, кличка. Вот он краешком глаза взглянул в мою сторону и легким движением головы показал на меня Архипке. Тот сразу подскочил ко мне.

— А, гость пришел? Небось, соскучился у себя в казарме по женскому обществу?..—И крикнул:— Зюзя, музыки!

Тут я увидел еще одного человека. Это был парень в майке, с черным бантиком на голой шее. Он сидел в углу, прислонившись к печке, с гармонью на коленях. Не меняя положения, не повернув головы, он вдруг задвигал руками и запел:

На окраине, где-то в городе,

Я в рабочей семье родилась...

Мушук взглянул на Зюзю, и музыка прекратилась. Кандыба не шевельнулся.

— Чего пришел?—вдруг закричал на меня Архипка.— Поворачивай отсюда. Убирайся, казак сопливый!

Я вспыхнул:

— Что такое про казака? Ты сам-то кто? Хозяин?—Я разозлился. — Сам вытри нос!

Ничего другого в этот момент я не мог придумать, я понимал, что мне надо что-то ответить Архипке. Мне хотелось не браниться с ним, а подбежать к Кандыбе, вытереть ему кровь, взять под мышку, поднять с табуретки и увести с собой. А тут приходится возиться с Архипкой.

— Ах, так?.. Ты, значит, из ученых. Ну, смотри,—процедил сквозь зубы Архипка, делая несколько медленных шагов назад и шурясь, как бы оценивая мои силы.

— Не приставай, Архипка, отстань от него.

Это сказала рыжеволосая. Она приподнялась на локте и пристально смотрела на нас. Я оглянулся на ее голос и в тот же миг на мой висок опустился тяжелый кулак. Зашатавшись, я невольно шагнул на-

зад и ударился головой о стенку. Кровь прилила к голове, ноги ослабели и, казалось, я вот-вот грохнусь. Но не зря тренировал меня отец.

В такие моменты нужно мгновенье, чтобы заставить себя удержаться, тогда все будет хорошо. Не знаю, как мне это удалось, но я опомнился, левой рукой сильно толкнул Архипку, а правой схватил с пола ключ и замахнулся на него. Признаться, убить его я не имел намерения, но вид мой, наверно, был страшен, потому что Архипка, от толчка моего откатившийся и ударившийся о железную спинку кровати, смотрел на меня испуганно.

Я оглянулся на Мушук. Он улыбался мне краешками тонких, плотно сжатых губ и тихонько кивал головой, одобряя, видимо, мои поступки. Я подумал, что он зовет меня и подошел. Я вытащил платок и приложил его к кровоточащей ранке на лбу Кандыбы. Все кончилось бы мирно, но вдруг около меня снова оказался Архипка. Он подкрадывался ко мне, в руках у него была финка. На него смотрел Мушук и так же, как только что мне, улыбался и кивал головой.

Я одним движением рук отшвырнул Кандыбу и Мушук в стороны и схватил стол, тяжелый, сколоченный из толстых досок стол, и— откуда только взялись силы— поднял его, готовясь опустить на Архипку. Я держал на вытянутых руках эту огромную тяжесть и видел бледное, искаженное от страха лицо Архипки. Он понимал, что отскочить уже не успеет. Его рука с ножом как-то обвисла, он медленно начал приседать, но в это время я почувствовал, что стол вдруг стал легче. Это Мушук и Кандыба подхватили его. И тут открылась дверь и в комнату ввалился в распахнутой шинели комендант дядя Петя. Он на секунду остановился, как бы оценивая положение, а затем накиннулся на меня.

— Ты что?! Не успел приехать, уже драку затеваешь?

Мы втроем медленно опустили стол. Архипка из своего угла стал жаловаться.

— Нет у него никакой совести, дядя Петя. Может, он сбежал из тюрьмы, а вы его к нам пускаете. Сами же ругаете, что у нас моральная неустойчивость...

— Молчи, Архипка!— крикнула рыжая.— Первый начал драку. Дядя Петя, этот парень не виноват.— Она вскочила и медленно, заложив руки назад, откинув плечи, вихляя бедрами, подошла к Архипке.

— Рахиль, умолкни!— взвизнул он.

— Ты чего? Испугалась я тебя!

— Ага,— сказал комендант.— Ну, не долго тебе осталось буйствовать.— Он сдвинул очки на лоб и строго посмотрел в сторону рыжеволосой.— Скажи, Рахиль, я тебе верю, что сделал Бекиров?

Поднялась с постели и другая женщина. Она была молода и очень хорошо сложена. Брови ее были сбиты, вместо них, замысловатой линией, тянувшейся до самых висков, были нарисованы другие, искусственные. Она стрельнула глазами в мою сторону и заговорила пьяноватым голосом:

— Дядя Петя, Бекиров... Бекиров. Бекиров — прекрасный парень, я его давно знаю. Бекиров ничего плохого не сделал. А Архипка хотел его зарезать. Он подрался с Кандыбой, хотел его убить, а в это время пришел Мушук.

— Валя!

— Ну, чего? Чего тебе, Мушук?

— Какой я тебе Мушук!

Он подошел к коменданту.

— Вас как именовать? Дядя Петя? Так вот, уважаемый дядя Петя. Идите спокойно, все будет хорошо. Я, знаете, сам недавно зашел и вдруг знакомого встретил. А этот преступный тип,— он улынулся и кивнул в сторону Архипки,— поцарапал вашего человека. Да несильно. Бывает

в драке. Чуть голову тронешь — крови не оберешься. Ну, решил посидеть, посмотреть, что дальше будет. А драки больше не случится. Так, посидим, поговорим в женском обществе.

— Идите, дядя Петя, правда, — подтвердила Рахиль.

— Ты что, струсил, Мушук? — Валя захохотала. Мушук улыбнулся и погрозил ей пальцем.

— Струсил! Струсил! — продолжала она.

— Я прошу вас, — сказал Мушук — У вас шея достаточно тонкая, стоит чуть сдавить...

— Не запугаешь. Не таких видали, Мушучок. Ваську-Стрекозу видали...

— Молчи, беломорка!

— Ну и что ж, беломорка. Не я бежала оттуда. Я свое отбыла, а если хочешь, скажу, кто ты такой. Вы знаете, кто этот человек? Во-первых, он вовсе не Мушук...

Рыжеволосая Рахиль подбежала к Вале и закрыла ей ладонями рот.

— Не мешай мне, Рахиль. Я все скажу про эту сволочь. Он вовсе не Мушук...

Архипка взглянул в окно и прокричал:

— Атанда! Ира идет! — и он выскочил на улицу. За ним бросился комендант, но у дверей остановился, надел кепку, начал застегивать шинель.

Мушук улыбался и кивал головой. Он вышел вместе с комендантом. Гармонист продолжал сидеть у печки со своей гармонью. Девицы, обнявшись, подошли к кровати и улеглись на нее.

— Молчи, Валя, молчи... — успокаивала Валу Рахиль.

— Я все равно!.. Все скажу! Все скажу! — пьяно твердила Валя.

Кандыба из чайника лил воду себе на голову и вытирал кровь грязным полотенцем.

Выйдя из барака, я увидел, что Архипки и Мушука нигде нет. На пригорок поднимался комендант дядя Петя, а навстречу ему спускалась Ира.

Меньше всего я ожидал, что Архипка испугается Иру. Кто она такая? Ира — «Легкая кавалерия», Ира — сменный инженер Головного узла. Почему удрал Архипка? И комендант почти бежал ей навстречу, придерживая двумя пальцами очки. Он, видимо, пытался скрыть происшествие в бараке.

Зачем? Я бы на его месте обязательно сказал об этом сменному инженеру. А впрочем, может, и не сказал бы, если бы был комендантом и на моей обязанности было поддерживать порядок в бараках. Видно, слишком часто в бараках случались такие события, и, естественно, дядя Петя не хотел, чтобы еще об одном знало начальство.

Начальство? Разве Ира начальство? Конечно, после начальника Головного узла и начальника служб Турсунова, Мансурова и других самыми главными на производстве были сменные инженеры Джураев и Шадманова.

Дядя Петя подошел к Ире, поздоровался и стал перед ней, как бы загораживая дорогу к бараку. Но ее не удивило, что все мы вышли из чужого барака, час был не поздний, да и мысли девушки были, видимо, где-то далеко.

— Когда откроете пекарню, Петр Васильевич? — спросила она очень официально. — Мы устали ездить в Ак-Чулак за хлебом. Все обижаются на вас.

— Во вторник затопим печь, — ответил комендант. — Кстати, не понимаю, почему все обижаются? Я просил коммунхоз сделать ступеньки, Карнаухов отказался, а теперь, видите ли, все обижаются!

— Во вторник?— переспросила Ира, улыбаясь.— Выходит, что еще четыре дня придется ездить в Ак-Чулак. Смотрите, дорогой комендант, вы уж третий раз откладываете пуск новой пекарни, смотрите, как бы не занялась вами «Легкая кавалерия».

Я не думал, что комендант испугается «Легкой кавалерии». А он испугался и принялся ругаться:

— Что страшаете? Подумаешь, обои только пачкаете! Кто их смотрит, ваши обои? Идите лучше сами достраивайте пекарню, а тут у меня и бараки, и пекарня, и на базаре надо ставить прилавки, а материала нет. Все обижаетесь! Вы бы лучше делом занялись, а не страшали...

Пока он ругался, я понял, что он не сердится, а оправдывается перед этой девчонкой, перед «Легкой кавалерией», что он здорово побаивается общественного укора, думает, наверно, что если вывесит Ира свою молнию, опять две недели каждый встречный будет попрекать: «Ай-ай-ай, дядя Петя! Долго ли нам есть черствый хлеб?».

— Ладно,— наконец сказал комендант. Он сразу успокоился и умолк, видно решив, что убедил Иру своим криком.— Попробуем в воскресенье начать выпечку.

Ира ничего не ответила, она посмотрела на часы, заправила под платок выбившийся локон и, обернувшись ко мне, спросила:

— Выспался?

— Выспался.

— Ну, тогда пойдем со мной, я иду в Хазар-Кент. Ты мне понадобишься.

Первое время Ира называла меня на «ты».

За рекой, на той стороне, был поселок Ак-Чулак, там тоже расположились строители, там уже были свои пекарни, столовая, там же было геологическое управление и энергобюро. Место, куда мы шли, находилось на левом берегу. Сначала предполагалось, что соцгород будет в маленьком кишлачке Хазар-Кент, и там построили несколько бараков. В одном из них размещалась школа экскаваторщиков, вододлазный отдел и другие отделы, в других — различные оклады.

Когда мы дошли до нашего барака, я попросил у Иры извинения, забежал в барак, скинул ватник, надел шинель, затянулся ремнем с портупей и, схватив свою кавалерийскую фуражку, выбежал наружу.

— Быстрей, Бекиров,— сказала девушка,— времени мало.

Ира шла широкими шагами по узкой дорожке, пролегающей у подножья высокой скалы, я шел за ней. Справа — скалы, где каменные, а где просто оползни из мелкого камня и земляных глыб, слева — кустарник и обрыв. Я глядел на ее платок. Он был повязан вроде и небрежно, но красиво, концы его как будто обнимали шею и лежали на плечах, как руки.

О чем думает эта девушка, идущая среди высоких гор и диких скал, о чем думает она, утопая в грязи на этой дорожке? Куда она тащит этот рулон, торчащий у нее из-под мышки и грозно глядящий на меня, как ствол орудия? Чертеж, наверно. А в другой руке какие-то книги. Почему все уважают ее?

— Вы ходить умеете?— услышал я вдруг Ирин голос. Она стояла далеко впереди и поджидала меня. — Кавалеристы что, не привыкли ходить?— засмеялась она и пошла дальше.

Я промолчал, а потом целых полчаса шел и придумывал ответы. Я их много придумал — один остроумнее другого.

Но вот тропинка вывела нас на дорогу. Ира остановилась, взглянула на меня и усмехнулась:

— Я думала, что совсем потеряла вас.— Она снова улыбнулась и поспешно сказала:— Мне смешно стало... Вы, наверно, не знаете... У нас, когда в пустыне идет караван, на шею последнему верблюду веша-

ют колокольчик. Когда караванщик, едущий впереди, слышит этот звон, он знает, что караван в порядке. Я тоже сейчас иду и прислушиваюсь к звону ваших шпор.— Она весело засмеялась.

Не злиться же мне было за «верблюда» — я тоже засмеялся и сказал:

— Вы знаете, Ира, я привык следить всегда за командиром эскадрона.

По-моему, ей это очень понравилось. Она переспросила:

— Вы приняли меня за командира эскадрона? Я на него похожа?— И серьезно добавила:— Надо написать отцу, он будет доволен.

Здесь дорога была широкая. Мы шли рядом, и я мог видеть ее профиль. У нее были длинные брови и изящный подбородок. Немного остренький. Она, наверное, была очень худенькая.

— Вы давно здесь? Кажется, прошедшей ночью я видела вас впервые. Откуда вы? Издалека?— голос у нее был мягкий, когда она не сердилась, я это сразу заметил, еще ночью, у костра.

— Издалека. Очень издалека, Ира.

— Меня зовут Ирада. Это узбекское имя. Вы слышали такое?

— У нас тоже есть такое имя. Когда-то это имя мне нравилось.

— Знаете...— Ирада вдруг замолчала, потом сказала:— Нам идти еще километра полтора. Расскажите про ту девушку, не стесняйтесь. Чужие люди всегда могут разговоривать откровенно.

Я рассказал ей про Ираду, которую вытеснила в моем сердце Эльпиде.

В нашем селении считалось, что самая лучшая вода—в родниках ущелья Теселли. Я ходил к родникам два раза в день — утром и перед вечером. Там всегда собиралась молодежь, среди них была и Ирада. Ничего удивительного я в этом не находил. Это была девочка, с которой я был знаком всегда, а потом мы как-то оба подросли, и однажды я соскучился по Ираде. Пошел утром к источнику, ее там нет, пошел попозже, тоже нет. Наконец застал ее. Провожая ее домой, поцеловал. Поцеловал один-единственный раз, и с тех пор мы перестали разговаривать. Потом она заболела. Она лежала у себя дома, и я ее не видел. А потом я уехал учиться и мечтал только о ней, а когда приехал, в деревне ее не застал.

— Она умерла?!— воскликнула Ирада и остановилась.

— Нет, не умерла. Она уехала к родственникам в степь, там ее лечили.

— Не нравится мне, как вы рассказываете о своей первой любви,— сказала Ирада.— Вы рассказываете так, как будто все уже прошло.

Я грустно улыбнулся и подтвердил:

— Прошло.

Дорога пошла на подъем. Ирада остановилась, расстегнула кожанку, стянула сползший на плечи платок и начала расправлять его, чтобы снова накинуть на голову. Я глядел на ее волнистые иссиня-черные волосы. Она заметила это, смутилась, рассердилась на себя за свое смущение и стала важно объяснять:

— У нас на стройке женщины обычно носят ушанки, но я не люблю эти шапки. А платок не держится, все время сползает.— Она кивнула головой в сторону домиков, появившихся перед нами:— Это и есть Хазар-Кент.

— Спустимся пониже,— предложил я,— там пойдем вдоль берега.

— Если мечты человека исполняются сегодня, то обо всем остальном он говорит, как о прошлом. Правда?— спросила у меня Ирада. Она не захотела идти по берегу Кинджика.

— Не знаю. Наверное, правда...

— Ну ладно, хватит философствовать,— вдруг сказала Ирада своим другим голосом, которым она говорила недавно с дядей Петей.— Ты комсомолец?

Я кивнул.

— Ну вот, завтра приходи в четвертый барак в комитет комсомола. Я скажу, чтобы тебя поставили на учет.

— Вы, оказывается, и в комитете комсомола начальство?

— Да.. Но не секретарь. Секретарь уехал в Премакадемию, и я его замещаю.— Она сурово взглянула на меня.

— Значит, вы расспрашивали меня...— начал я.

— Должна же я знать своих комсомольцев.

Глава шестая

Хазар-Кент — старый маленький кишлак, прилепившийся на склоне пологой, но довольно высокой скалы, в дни стройки напоминал город — так он был населен и оживлен.

Мы проходили мимо старого дома с резной дверью. Такие двери я видывал лишь в мечетях. Наверно, этот дом когда-то принадлежал очень богатому человеку. На резной двери приколоты кнопками две бумажки:

«Гидрологи», «группа высокого напряжения».

Мы шли по главной улице кишлака, по дороге, когда-то выложенной камнями, а теперь разрытой колесами тяжелых грузовиков.

Мы шли, прыгая через лужи, и мимо нас мелькали надписи на дувалах, на калитках: «Разведывательный отряд», «Отдел геологических экспедиций», «Автошкола», «Плановый отдел», «Отдел механизации». Некоторые надписи состояли из одних букв, расшифровать которые неискушенному человеку было не так просто: ОГМ, что означало Отдел главного механика, СУГС — Строительное управление гражданских сооружений. Все эти слова, смешные на первый взгляд, прочно вошли в нашу речь.

На каждом шагу приходилось останавливаться, чтобы пропустить то грузовую машину, то караван верблюдов, то арбу на высоченных колесах, то трактор с прицепом.

На улицах и в узких переулочках было много людей, слышалась разноязычная речь. Старик в черном стеганом халате и в тибетейке что-то кричит по-узбекски. Два человека в громадных лисьих шапках переговариваются друг с другом через улицу по-казахски. На пороге нового домика с террасой стоит человек, одетый в спортивный костюм, в клетчатых бриджах, заправленных в кожаные краги, он громко отчитывает, по-видимому, своего помощника, одетого так же ярко, на звучном итальянском языке. Этот итальянец — консультант шведской фирмы, которая вела проектирование. По лужам шагает человек в кожанке. Он снимает кепку и взманивает ею над головой. Ирада поворачивает голову в его сторону и останавливается.

— Здравствуй, Ирада!— кричит он через улицу и что-то добавляет по-узбекски и смеется. Он идет нам навстречу, Ирада здоровается с ним и с места в карьер говорит, что еще вчера были готовы классная доска и схема механизмов и что общежитие для курсантов подготовлено и побелено, но коек пока еще нет.

Вместо ответа человек в кожанке бросил на землю папиросу, раздавил окурочек тяжелым сапогом и протянул руку сначала Ираде, потом мне.

— Джураев, — представился он и вопросительно посмотрел на меня.
— Это Бекиров, — сказала Ирада, — комсомолец, по путевке. Работает нижником у Алмазова.

— А, хорошо, — сказал Джураев. — Мало они присылают последнее время комсомольцев. Ты скажи там, в ЦК, скажи от моего имени.

Ирада подумала немного и укоризненно заметила:

— Я могу сказать и от своего.

Джураев рассмеялся и сказал:

— Ну, ладно, валяй от своего, — и, положив руки нам на плечи, повел нас по дороге. — Как у тебя вчера?

— Рвется трос...

— Не рвется, они сами рвут его. Получается слишком большая нагрузка, а сечение...

Ирада улыбулась.

— Вы, Закир Гулямович, это по опыту утверждаете?

— Ты молчи. — Джураев отстранился от нас и опустил руки. — Это секрет. Я это сделал только для того, чтобы проучить Агапова. Спит, понимаешь ли! Ну, я сам поработал.

— Так я, товарищ Джураев, вспомните, сколько раз говорила, что сечение тросов не соответствует нагрузке.

— Если работать осторожно, то... А где сейчас тросы возьмешь? Эти машины днепровский шлюз копали, а ты хочешь, чтобы все по правилам! Где возьмешь? — Джураев закурил, потом вспомнил обо мне, прямо из кармана вынул папиросу, молча протянул мне. И снова Ираде:

— А ты не работаешь на экскаваторе?

— Нет.

— А смогла бы?

— Наверное, плохо, — призналась Ирада.

— Да, плохо. Раньше были инженеры, которые все умели: и тачку катать по гребню плотины, и мастерком орудовали не хуже иного штукатура. И мы, молодые инженеры, не должны отставать.

— Кажется, не было раньше узбечек-инженеров, — озорно засмеялась Ирада.

Джураев нахмурился:

— Не надо так, Ирада. Не шути так. Ты не забудь, что ты не только узбечка, а и молодой советский инженер. Поняла? Давай, начинай понемножку овладевать техникой. — И он быстро пошел вперед.

Через десять минут мы снова встретимся с Джураевым — парторгом Головного узла и сменным инженером.

Мы встретили по дороге и Мансурова — начальника экскаваторного парка. Он вышел откуда-то из переулка и, увидев Джураева, пошел было за ним, но, повернув голову в нашу сторону, остановился и подождал, пока мы подошли к нему.

— Ирадахон, — произнес он печально, — комната для занятий готова, классная доска и схемы механизмов висят на стенах. Сигизмунд Генрихович уже там, за всем этим я уже проследил, а в общежитии коек нет и не похоже, что мы их скоро получим... — Он тяжело вздохнул.

— Почему же вы говорите это мне, Абдулла Садыкович? — холодно спросила Ирада.

Я понял, что между этими людьми далеко не прекрасные отношения.

— Я был в коммунхозе, — они ни в какую! Категорически отказываются. Может быть, шепнете насчет коек Анне Яковлевне?

— Во-первых, Анна Яковлевна уже три дня как в Ташкенте, — ответила Ирада, — а во-вторых, почему вы сами ей не можете сказать?

Мансуров несколько минут мешкал.

— Откровенно говоря, боюсь ей лишний раз на глаза показываться. Вот получим новые экскаваторы, тогда... А то опять начнет меня муржить за план.

— Значит, мы правы были, — обрадовалась Ирада, — когда говорили, что с планом у вас не в порядке!

— Не об этом речь. Сейчас главная задача — койки достать.

— Нет, для меня очень важно, чтобы вы признали, — наступала Ирада.

— Ладно, ладно, не об этом сейчас речь, — отговаривался Мансуров.

В одном из дворов, на пороге просторного барака стояло человек двадцать молодых парней. Среди них я увидел Джураева, разговаривающего с пожилым инженером.

Есть люди, по внешнему облику которых легко можно определить их профессию. По Джураеву определить его профессию было нельзя. Ему было лет тридцать. Невысокий, худощавый, смуглый, он отличался живостью. Все быстро схватывал, был ловок в движениях, даже порывист. Такие люди, внешне подвижные, многие дела свои совершают незаметно, как тогда выражались «втихаря». Есть люди, которые скрывают свои недобрые делишки. Джураев скрывал свои добрые дела. Он не любил выделяться. Узнать, услышать, прислушаться к тому, что говорят рабочие, ну, скажем, о бане, о столовой, о грубости Мансурова, о строительстве акведука новым способом... Мало ли о чем говорят люди. Потом сделать самое нужное, самое правильное.

У Джураева была одна присказка: ладно, посмотрим... И начинал действовать: «ставил на баню, на столовую» людей, как он говорил, настоящих большевиков, если была нужда, «бросал» туда же комсомольцев и требовал всегда одного — «завтра к вечеру». И действительно, завтра к вечеру затапливали котлы в бане, и десятки людей поминали добром коммунхоз или коменданта дядю Петю. Так было во всем.

С Мансуровым разговор был простой.

— Ты мне скажи, — требовал Джураев, — ты большевик? Если большевик, вспомни, как Ленин с часовым разговаривал: на «вы»... Понял? Ленин! Он мог любому «ты» сказать, а говорил «вы». Давай катись отсюда и завтра к вечеру перестройся!

Когда кто-нибудь льстиво называл его по имени-отчеству, Джураев морщился:

— Не называйте меня, пожалуйста, так длинно, — просил он.

Он несколько лет назад окончил институт и был одним из первых инженеров-узбеков. Но по его внешнему облику никто бы об этом не догадался. Он одинаково походил и на рабочего и на начальника. А вот человек, с которым он сейчас разговаривал, был типичным «старым инженером».

Он был высок и худощав, в черном костюме. Когда мы подошли поближе, я увидел его руки. Я не стал смотреть на свои руки, на руки многих людей, стоящих вокруг. Руки инженера были не то что чистые, а прямо необыкновенно чистые, и лицо его было выбрито так тщательно, что оно тоже выделялось белизной и чистотой. У него была маленькая острая бородка и узкие усики. На носу — пенсне. Иногда инженер наклонял голову и глядел поверх стекол, и вид у него тогда был укоряющий. Как и многие, он курил махорку. Но скрученную из газетной бумаги сигарку он держал между указательным и большим пальцами и, затянувшись, отводил руку в сторону.

Я не знаю, почему он произвел на меня такое впечатление. Наверное, он очень выделялся из всей толпы, олицетворяя собой прежнее дореволюционное инженерство.

Я подумал, что это и есть тот самый Сигизмунд Генрихович, о котором в разговоре упомянул Мансуров. Так и оказалось.

По-моему, в план Ирады не входило сидеть на первом занятии экскаваторщиков. Она хотела лишь принести плакаты и раздать листовки ЦК комсомола об овладении техникой. Но уходить было уже поздно. Инженер медленно расстегнул свой пиджак, откинул полы и из жилетного кармашка вынул большие карманные часы.

— Пора, пора,— сказал он.— Пора, друзья. Приступим.

Курсанты загромыхали по дощатым ступенькам, вслед за ними вошли и мы. Расселись. Затем вошли Сигизмунд Генрихович, Мансуров и Джураев. Джураев объявил, что на занятиях, пока не топится печь, можно сидеть в ватниках, но шапки нужно снимать и во время занятий не курить. Потом Мансуров сказал, что скоро экскаваторный парк должен пополниться новыми машинами и что для них нужны люди, что машинистов они возьмут из помощников со старых экскаваторов и из старших нижников, а вот нижниками будут все эти люди, но нижниками с образованием, чтобы в дальнейшем смогли стать помощниками и машинистами экскаваторов. И он добавил:

— Слово имеет инженер Сигизмунд Генрихович Менжевецкий.

Джураев и Мансуров сели на первую скамейку. Перед нами в задумчивости стоял Менжевецкий. Он будто прислушивался к чему-то, потом снял пенсне и подошел к окошку, взглянул, как будто что-то увидел, и сказал очень просто, по-домашнему:

— Много горных потоков сбегает с отрогов Тянь-Шаня. Сливаясь, они образуют бурный Кинджик. Кто жил в Ташкенте, тот знает, что этими водами питается весь наш Ташкентский оазис. От Кинджика отведен канал, он, в свою очередь, разветвляется на множество арыков. Каждая улица, каждый двор большого города имеет свой арык, и все жалуются, что воды не хватает. А воды много, только природа не умеет правильно распределять воду. В одно время года ее много, в другое— мало.— Он надел пенсне и заложил руки за спину.— Давно пора,— воскликнул он,— помочь природе не только собрать воду, но и заставить ее двигать турбины.— Он выбросил правую руку в сторону окна.— Вот здесь, в пятидесяти верстах от Ташкента, где Кинджик вырывается из узкого горного ущелья, мы построим большую плотину, высотой в двенадцать метров. Она поднимет уровень воды на десять метров. Это позволит отвести воду на поля. Кроме того, плотина преградит бурный Кинджик и образует водохранилище. Вода пойдет не по старому руслу, а по новому, одетому в бетон. И на этом новом канале будут построены две гидростанции. Они дадут ток для завода азотистых удобрений, которые нужны хлопковым полям, а сырьем для завода будут служить воздух и вода. Электроток разложит воду на кислород и водород. Водород, добытый из воды, в соединении с азотом воздуха, образует аммиак, а из аммиака уже нетрудно получить сухие азотистые удобрения. Да, завод не будет получать ни одной тонны сырья, выпускать же он будет тысячи тонн азотных удобрений.

Сидящая рядом со мной Ирада повернулась и стала шептать мне на ухо:

— Он в Донбассе раньше работал. Ему пришлось уйти оттуда. Его и сюда не хотели брать, а Джураев написал в Москву, что берет под свою ответственность, что он человек далекий от политики, но честный. Наши говорят, он страшный чудак. А Джураев говорит, он специалист милостью божьей... Золотая голова!

Я оглядел людей, сидящих в комнате. Какими разными путями собрались они сюда! Кто-то пришел из ближних кишлаков, чтобы заработать и снова уйти к весне домой. А ведь, пожалуй, не уйдет. Начнет работать на строительстве и останется надолго. С каким интересом они слушают о Кинджике, на котором родились. Кто-то, как я, не попал в институт, приехал сюда. Кто-то завербовался в южную сторону и при-

ехал со всей семьей. Им-то еще хорошо — все они попали в школу. А меня в первый же день послали на незнакомую работу.

Менжевецкий между тем говорил о выгодах подобного рода строительства.

— Внесение в почву минеральных удобрений, которые будет производить завод, даст прирост продукции хлопка на триста шестьдесят тысяч тонн, а в переводе на более доступный язык это значит, что каждый гражданин СССР получит дополнительно по восемнадцать метров ситца, сатина, мадеполама или других хлопчатобумажных тканей.

В те времена восемнадцать метров «хлопчатки» было очень много. Ведь это одних рубашек штук шесть. Шесть рубашек! Никто из нас не имел шести рубашек. У многих две. У некоторых три. А тут по шесть рубашек! Цифра, названная Менжевецким, произвела сильное впечатление.

После своего небольшого предисловия Менжевецкий стал рассказывать о проекте, о том, что называется верхним и нижним бьефом, подпором, гранью, гребнем, подошвой. Иной раз он вызывал кого-либо из слушателей. У меня он спросил:

— Что называется подпором?— и поставил свои ладони, показывая разность горизонтов воды: одну ладонь повыше, другую пониже. Я вскочил, звякнул шпорами, четко ответил:

— Разность уровня воды между верхним и нижним горизонтом.

Менжевецкий похвалил меня, назвав бравым кавалеристом. Ирада радостно засмеялась. Я заметил, что Мансуров дернул парторга за рукав и глазами указал на меня. Оба улыбнулись. Ирада заметила это перемигивание, догадалась о его смысле и рассердилась.

После занятий Ирада повела меня в контору подрывников. Найти ее было нелегко. Мы долго петляли по кишлаку, пока не разыскали в глубине одного из садов просторную палатку, с жарко натопленной печкой посередине. Тут был и кабинет начальника и бухгалтерия. Выйдя из палатки, я долго слушал, как Ирада пререкалась.

Я ходил по саду и не понимал, зачем Ирада пригласила меня с собой. Тогда она мне казалась немного светливой, милой девушкой — и все. Я спокойно думал о ней. Я тогда ее не любил. Я полюбил мою Ираду как-то внезапно, загорелось, запылало во мне все, что накопилось за время нашего знакомства, нашей работы, нашей дружбы.

Наверно, в те годы она была немножко мальчишкой. Да и жизнь в комсомоле не очень разделяла юношей и девушек. Работали вместе. Я помню, например, что говорить об одежде или выделяться одеждой было неприятно. В городах комсомольцы ходили в юнштурмовках, подпоясанных ремнем и портупеей. Ремень с портупеей носили и юноши и девушки.

В Ираде было такое притягательное милое мальчишество. Но иногда она старалась быть взрослее и тогда посредине веселой фразы вдруг умолкала, делала серьезное лицо и начинала говорить важным голосом. Милый ты мой мальчишка, говорю я часто и люблю дочь. Она внешне очень похожа на мать. Правда, разговоры о модных тряпках и прическах занимают в ее жизни далеко не последнее место.

И еще вот что, наверное, всех влекло к Ираде — чистота. Очень большая искренность и чистота души, сердца, отданной работе, родине. Это было у нее всегда на первом месте.

...Когда Ирада вышла из конторы, над узкими улицами кишлака уже сгустились сумерки. Я заметил, что она утомлена. Она взглянула на часы.

— Эх, сейчас они закроют склад. Побежим!

Склад находился метрах в двухстах от кишлака. Мы примчались к бараку, сложенному из сырца.

— Цемента не будет, — объявил Ираде кладовщик, — уже поздно. — Потом сказал: — Где ваша машина?

— Машина сейчас придет, не беспокойтесь.

Ирада подала ему накладные, он долго зажигал керосиновую лампу, что-то записывал. Ирада терпеливо ждала, потом она ушла, а я получил у кладовщика электрические ролики, скобы, электрический шнур.

— Молодая девушка, инженер, а никакой тебе вежливости, никакого воспитания,— ворчал кладовщик.— Склад надо закрывать, а она тут как тут. Есть коммунхоз, он строит клуб, у него есть машины, выписывал бы все по порядку, днем, а эта все по-своему.— Он умолк, потом уставился на меня.— А ты кто такой! Новый экспедитор, что ли?

— Нет, я нижник.

— Значит, тащишка при ней?— Он взял лампу и начал спускаться вниз по каменным ступеням. На мокром земляном полу виднелись застывшие глыбы цемента. Из-за ям и бугров трудно было добраться до бумажных мешков, да и сами мешки были порваны. Я начал перетаскивать их к выходу.

— Э, ты чего? Я не дам тебе в мешках. А россыпь кому? Бери десять мешков, а остальное ведром собирай.

Я не стал спорить.

Он всучил мне в руки помятое ведро и указал на пустые бочки. Ударом лома я сбивал толстую корку на куче цемента, потом пересыпал обнажившийся мягкий цемент в бочку. Нес бочку наверх, ставил на весы и уходил за новой бочкой.

Через некоторое время в подвале поднялась такая пыль, что трудно стало дышать. Кладовщик выругался и сказал, чтобы я сам взвешивал.

Через час пришли две машины. Один из шоферов, пожилой рабочий с длинными руками, посмотрев, как я запыхался, выхватил у меня из рук ведро и пошел вниз. Только Ирада, заметив мою белую фигуру, произнесла:

— Халат надел? И прекрасно.

Кладовщик засмеялся.

— Халат?— воскликнул я, но тут же прикусил язык: Ирада и не думала смеяться надо мной, она и впрямь решила, что я надел халат.

Вскоре мы погрузили цемент в машину и поехали в соцгород. Около столовой Ирада остановила машину, вышла из кабины и сказала мне:

— Материал оставишь у клуба, там есть сторож, но только не оставляй на улице. Может дождь пойти. Завтра комсомольцы ночной и вечерней смены придут на строительство клуба. Если хочешь, приходи и ты,— благосклонно заключила она и добавила:— Спокойной ночи, Джевдед. Я замучила тебя. Ты уж извини. Правда, я не думала, что так долго задержимся.— В руках у нее опять неизвестным мне путем оказались книги. Она быстро скрылась в переулке, где стояли дома специалистов. Что касается меня, то я сдал материал сторожу и пошел к себе в барак.

Глава седьмая

Я быстро привык к нашему бараку, привык к этой неудобной комнате с пыльными стенами, грязными полами, привык ко всем восьми обитателям нашего «шалмана», по выражению Архипки.

Но случилось так, что ближе всего я узнал лишь четверых: Архипку, Николая Кандыбу, моего друга Христофора Дураниди и милого скромного парня Рашида Маххамова. Нас было пятеро. Все мы работали на одном экскаваторе — «экипаж машины боевой».

Нужно сказать, что наш барак первое время делился на две неравные части. Видимо, поэтому я плохо знал остальных трех обитателей. Все происшествия, которые случались в бараке, касались преимуще-

ственно нас пятерых. Три человека, кровати которых стояли рядом с нашими кроватями, жили другой жизнью. Это тоже был «экипаж» одного экскаватора: Михаил Бессараба — машинист, Карим Юлдашев — помощник машиниста и Басит Атакулов — старший нижник. Словом, «начальство». Все, как и мы, холостяки, одиночки. Забегая немного вперед, скажу, что вскоре состав «экипажей» несколько изменился. Рашид перешел помощником машиниста к Бессарабе — он дружил с Баситом Атакуловым, был из одного с ним села, поэтому захотел работать в одной смене с ним. Вместе они пришли на стройку, чтобы заработать и вернуться в кишлак, но, заработав, уйти не смогли. Они уже привыкли и к новым людям, и к машинам, перед ними открылась новая жизнь, и они остались строить ее.

Вместо Рашида Махкамова помощником Алмазова пришел Карим Юлдашев, молодой красивый парень, прибывший по путевке комсомола из глухого кишлака неподалеку от Сурхан-Дарьи. Спокойный, обходительный, очень наблюдательный, он всем интересовался, обо всем расспрашивал. Придет момент, когда Карим хорошо узнает машину, — это его главная цель, — и наступит момент отдачи. Да, Карим еще покажет себя.

Но я забежал, пожалуй, слишком далеко...

А первое время в бараке, действительно, заметно было различие между «нами» и «ими».

Эти трое работали не в нашу смену. Когда мы гуляли, они были на работе, когда мы спали, они приходили с работы и, стараясь не шуметь, занимались своими делами, а чаще всего куда-то уходили, все трое, дружно. Когда мы работали, они спали. Такое сосуществование устраивало и нас, и их. В сущности, мы редко с ними виделись, а когда виделись, обменивались несколькими фразами, ну, скажем, Кандыба спрашивал, как идет работа, как грунт. Ему отвечали, что грунт мягкий, но два раза рвался трос.

Мы считали, что экскаватор у «них» почти новый, именно поэтому они иногда и выдают больше, чем мы. Это не раздражало никого из нас. Нас никто не попрекал, что мы отстаем от экскаватора № 13. Мы видели, что все — и в экскаваторном парке, и начальник нашей смены Ирада, пользующаяся уважением среди инженеров, — понимали, что работаем мы хорошо, стараемся, а если не выполняем иной раз сменную норму, то не по своей вине: или трос подводит, или нет энергии, слабое напряжение. В другое время мы норму перевыполняли и в конце месяца выходили «с плюсом». Вообще нашего Алмазова всегда хвалили. Во-первых, за то, что у него не было прогульщиков и нечести рабочей силы, и, во-вторых, за то, что он все время готовит технические кадры, а кадры, как тогда любили говорить, решают все.

...Когда я вернулся из Хазар-Кента, то удивился, что кроме всех, застал в бараке Карима Юлдашева и Басита Атакулова. Вместе с Николаем и Христофором они сидели за столом и играли в карты.

Кандыба посмотрел на меня, что-то сказал Христофору и продолжал игру. Христофор кивнул мне и улыбнулся, как мне показалось, весьма ехидно, потом, бросив карту, освободившейся рукой погрозил мне. Архипка лежал в углу на кровати и вслух по складам читал какое-то длинное письмо. Вид у него был ужасный. Лицо в синяках и кровоподтеках. Я подошел к нему.

— Где это тебя?

— Мушук разукрасил, — ответил он довольно равнодушно и прибавил уже с досадой. — Нож отнял, и все из-за тебя!

— Мушук? — удивился я. — А что же ты не защищался? С другими такой грозный...

— Разве Мушука тронешь?— все так же спокойно ответил Архипка.

— Ты его давно знаешь?

— Знаю. Кто его не знает.— Вдруг Архипка взвизгнул:— Ты бога давно знаешь? Где он? На небе. А этот здесь! Что захочет, то и делает...

— Откуда он сюда попал?

— Откуда?.. Много будешь знать, скоро состаришься.— Он прыгнул с кровати, подошел ко мне и, помахивая перед лицом листком письма, сказал:— Как же так? Одну бабу бросил, к другой привязываешься? Хорош фраер.

Это был почерк Эльпиде! Кровь бросилась мне в лицо.

— Отдай!

— Попляши, тогда отдам.

— Отдай! Это мое письмо!

— Это не твое письмо, это мне пришлось...— сказал, отрываясь от игры, Христофор.— Тебе пока письма нет.— И сказал он мне это так просто, немного с сожалением, с укоризной.

— Зачем дал Архипке?— закричал я.

— А он убить тебя хотел,— уже спокойно сказал Христофор,— бежать хотел разыскивать тебя, мы его удержали, а потом дали письмо. Ну, он, как видишь, немного успокоился, а то совсем было, дурачок, с ума сошел.

— Ладно уж, дай ему,— крикнул Кандыба.

— Пусть потанцует,— не унимался Архипка.

Кандыба сразу согласился:

— Правда, пускай спляшет.

— Станцуй,— сказал Карим.

— Пожалуйста, просим,— подтвердил Басит.

Мне было совершенно не до танцев. Я сел на край кровати и задумался.

— Ну, как хочешь.— Архипка свернул письмо в трубочку, отдал его Христофору.

Я встал и шагнул к моему другу.

— Христофор, отдай.

— А ты спляши. Все просят.

И вдруг я сказал сам себе: «А ну, Джеввед, спляши!» Я швырнул шинель на пол, подняв облако белой пыли, opravил гимнастерку и топнул ногой. «Я им всем покажу!»— говорил я себе.— Они узнают!» Я прошелся вокруг стола, потом между кроватями и, развернувшись у стены,— как начал вприсядку! Потом я стал набирать скорость, кружился, приседал. Я даже повеселел. Я плясал и думал: «Вот как я! Не зря ездил на всеармейскую самодеятельность».

Я плясал уже пять минут, остановился, усталость в ногах, но я еще прошелся вприсядку, затем остановился, сделал несколько шагов к Христофору:

— Давай письмо!

Все дружно выразили свое одобрение. А Архипка почесал затылок и сказал со вздохом:

— Мне бы так... Оторвал крепко.— И спросил.— Так вас учили в казачьем полку?.. Ловко...

Я долго не мог отдышаться, сердце так и билось, так и стучало, строки прыгали у меня перед глазами, я поминутно рукавом стирал пот с лица. Я прочитал и сказал себе:

— Значит, все... Значит, всему конец!..

Эльпиде писала, что рада нашей встрече с Христофором, что она получила мое письмо, на которое, наверно, скоро ответит, но что ей сказать? Она уже переболела и теперь совсем оправилась, она никогда

не сердилась и не сердится на меня. Она писала: «Как можно сердиться на свои глаза, на свое сердце.— И дальше.— Передай, что я желаю ему быть счастливым, как я. А я, дорогой Христо, еще не знаю, но мне кажется, что я очень счастлива».

Я отложил письмо и задумался. Счастлива?..

— Ну, как?— спросил Архипка.

— Не огорчайся, будем воевать,— подбодрил меня Христофор и добавил:— У меня все козырные. Видишь?— И снова, обращаясь ко мне:— Видишь, все козырные, вот и тебе надо набрать козырей.

Кандыба резонно заметил:

— Козыри надо набирать с начала игры. А в конец чего уж тут?

Когда все козыри вышли, чего уж тут собирать?

— В новом кону можно отыграться,— сказал Карим.

Так решила моя судьба: надо отыгрываться в следующем кону.

— Да ты поди, почистись, мукомол,— воскликнул Архипка и заготовал.— Я и правда думал, что он на гулянке.

Он подошел ко мне и обеими руками ухватился за мои плечи.

Крепкие, прямо железные были у него руки. Я еле устоял.

— Ты смотри, если начнешь нюхаться с инженершей, смотри!—

Он отпустил меня и добавил:— Вот в чем секрет. И чтобы кроме нашего барака — никому. Смотри!

— Хватит тебе, не пугай,— сказал я.

Во всем виноват был комендант. Это он успел передать, что я с Ирадой пошел в Хазар-Кент. Я сел на кровать, посмотрел на ходики. Их грузила — гаечные ключи — были почти у самого пола. Обычно перед уходом Кандыба подтягивал цепочку. Это было его исключительное право. Никто не смел дотрагиваться до часов. Я надел ватник и пошел вытряхивать свою шинель. Выходя, я шумно подтянул цепочку и хлопнул дверью: мне нужна была разрядка.

Я ни утром, ни днем ничего не ел. Чайник был пуст, печку сегодня, видимо, не топили. Столовая уже закрыта. По правде сказать, у меня и в кармане было не густо. Осталось очень мало денег. Если не начать экономить, то через несколько дней совсем сядешь на мель. Я решил затопить печку и вскипятить чайник.

Николай Кандыба бросал на меня любопытные взгляды. Он как будто порывался что-то сказать мне, но не решался. Христофор уже давно пристально наблюдал за мной. Я взял щипцы и начал шуровать в печке, в которой осталась одна зола.

— На, бери, ешь.

Что-то твердое упало на стол, я оглянулся и увидел, что там лежит целый круг копченой колбасы.

— Теперь ни колбасы, ни водки...— продолжал Архипка.

— Почему?— резонно заметил Басит.— Иди на тот берег, если в нашем магазине нет.

— Ха-ха! Иди! Ну и иди! А я не пойду. На пароме переедешь, а обратно — три дня жди.

— Это почему?— спросили в одно слово Басит и Карим.

— Потому что непорядок... С того берега оборудование идет.

— Турсунов приехал?— живо спросил Рашид.

— Нет, не приехал,— ответил Архипка,— только оборудование прислал. Весь берег завалили.

Архипка всегда был хорошо осведомлен о работе парома — он часто уезжал на тот берег.

— Хорошо,— сказал Христофор, подмигивая мне своим единственным глазом.— Значит, будет энергия. А пока меня удивляет, почему Архипка сегодня такой добрый?

— А когда он был скупым?— резко спросил Архипка, но без признаков гнева.

Я разломал колбасу на шесть кусков, один взял себе. Хлеба не было.

— Ира знает о том, что было у плотников?— спросил Архипка.— Ты ничего не говоришь?

— Пустяками не занимаюсь. Я даже и не понял, из-за чего весь скандал вышел.

— Это вон кто виноват.— Кандыба жестом показал на Архипку, который в это время рылся в тумбочке.— Если бы не Мушук, был бы он уже на том свете.

— Для меня тот свет — дом родной,— засмеялся Архипка и кинул на стол пачку печенья.— У Архипки все есть.— Он подошел ко мне, сидел рядом на кровати.— Эти бабы — чертово племя, кого хочешь скрутят...— Усмехнулся, скривил губы.— Ты Ираду не тронь, я за нее любому голову сверну.

И рассказал про случай с баржей.

...Стояла баржа с аммоном. Ну, баржа небольшая, плоскодонная баржа. Привел ее катерок во время половодья. Стояла у берега около Хазар-Кента, в небольшом заливишке. Вода сошла, а она ни с места. Куда ее? Вверх — мелко. Вниз — пороги. А подрывникам на руку: будет как склад. Понадобится им что — подойдут, отомкнут трюм и возьмут. Хорошо, место безлюдное, строений нет, стоит на воде, пожара, вроде, быть не может. А от пожара и не уберегли. В это время как раз ремонтировали канатную дорогу через Кинджик. С карьера еще камень не начал поступать, так по канатной дороге перебрасывали материалы.

Как-то на рассвете пошел Архипка получать скобы, с Кандыбой.

— А склад, как сейчас помню, внизу был, под канатной дорогой. Пошли, а там как раз на складе Ира. Чего она там была? Не знаю. Ну, я тогда только пришел сюда. Кто мне была Ира? Ну, инженерша, ну, просто баба. Видел таких. С лица, знаешь, она — так себе. Ходила в плащике. Это потом уже в магазин привезли кожанки, все начальство оделось в кожанки, а раньше кто в чем, а она в платке своем и в брезентовом плащике. Я и не посмотрел на нее.

Тут с Рахилью снюхался, я все больше с ней. Она неплохая, только пьет. Все ждет, что я ей скажу: «не гуляй, не пей». Поверишь? Если ей скажу — все бросит. Надеется она на меня. Словом, не смотрел я тогда ни на кого. Да и отъестся еще не успел.

Значит, пришли на склад, ни на кого не смотрим, вынимаем наряд... Тут приезжает верховой: мол, так и так — баржа отвязалась, на ней пожар. «Какая баржа?» «Одна баржа на стройке. У Хазар-Кента. Отвязалась и пошла вниз, скоро у вас тут будет».

Ну, твою мать... Что делать? Вообще-то Кинджик глубокий, но смотри, сколько перекатов, такие каменюки... Тут разве пройдет баржа? Черт бы с ней, да ведь в чем дело: трахнет о камень, сотрясется все в ней и — жакнет так, что все снесет... Одна пыль останется.

Кладовщик говорит: «Первый перекат здесь, как раз под канатной дорогой, и, значит, сюда пойдет, либо взорвется, говорит, либо нет. Надо бежать». А посыльный тот был как раз из взрывпрома, он докладывает Ире: мол, кишлачные ребятишки играли около баржи и развели костер, канат загорелся. Словом, когда заметили, баржа уже на воде. На ветру видно, как разгорелся этот канат — искры от самой кормы до носа, а как баржу повернет, так искры в воду падают. А от Хазар-Кента до канатной — ну, с километр, а по воде и того меньше.

Ира этому верховому сказала: гони, говорит, что есть духу в Управление, и чтобы оттуда люди шли к парому, который ниже по тече-

нию. Дескать, там баржу перехватить. Сама Ира показывает нам на балку: скрюченную такую, небольшую, с метр длиной. «Давайте,—говорит,—несите ее в вагонетку».

А балка не тяжелая. Я отнес. Потом взяли мы тонкий тросик, шестой номер, привязали к балке и к вагонетке. А Кандыба спрашивает: «Если за канаты, по которым вагонетка ходит, подцепить баржу, удержат канаты, не оборвутся ли?» А Ира смеется: «Они целый пароход выдержат»,—и машинисту сигналил:— «Давай, мол»,— а сама прыг в вагонетку.

Кандыба хотел на ее место, она не велела, говорит: «Давайте точные указания машинисту, а то он еще молодой, неопытный».

Я хотел вместе с ней забраться, да вагонетка уже тронулась. Посредине Кинджика вагонетка низко, почти на воду спускается, но нужно угадать, где, какой стороной пойдет баржа. Если ближе к нашему берегу, то подтягивай сюда вагонетку, а если к тому, то там угадай... Вот Кандыба с машинистом и шуруют. Ветер вагонетку раскачивает. Показалась баржа. На корме дым. Кто знает, что за дым. Может, уже огонь до ящиков добрался и сейчас жажнет. Ну, что делать? А баржа, как нарочно, так и петляет: то к берегу, то на середину. Я смотрю, Кандыба согнал машиниста и сам за рычаги — и толкает вагонетку то туда, то сюда. А на берегу пока никого нет. Мы двое и третий — машинист. Поначалу я немного отступил. Отошел. Там насыпь была — я туда. Оттуда все видно. Ира в вагонетке качается на ветру. А потом как раз хорошо получилось. Вагонетку Кандыба остановил, а баржа под ней стала проходить и разворачиваться.

В это время Ира балку и бросила. И хорошо рассчитала. Там над бортом такие были прутья стальные, вроде изгороди, бортики. Вот балка и запуталась, а Ира сама на баржу прыгнула и трос закрутила крепче. Баржа остановилась.

А что получилось? На корме был канат, он и начал дымить. Ну, пока народ приехал, Ира скинула канат в воду — и все! Потом обошла всю баржу и стала нюхать, нет ли еще где дыма. А Кандыба стал вагонетку к берегу подтягивать и баржу тоже потихоньку... Ну, девка! Ну, такая отчаянная! — закончил свой рассказ Архипка и, по известной ему одному логике, выругался.

Он помолчал немного, а потом сказал с сожалением:

— Мы, мужики, только собрались, а она уже готова, в брезентовом своем плащике сидит в вагонетке. После нее многие на тот берег переправлялись в вагонетке. Если сильного ветра нет, то можно. Конечно, техника безопасности запрещает, но опасности большой нет. Когда ветер — другое дело. Потом эта сволочь Кандыба всем рассказал, что я бежал... Куда я бежал? Тут же был, все видел...

— Сильный был ветер? — спросил я только для того, чтобы что-нибудь сказать.

— Что мне делать, Христофор? — сказал я, когда мы пошли на работу, не дожидаясь Кандыбы и Архипки.

— Ты все о ней? Я часто думаю о сестренке. — Я взглянул на него и увидел, что он очень добрый. — Ты знаешь, какая она щедрая, — продолжал он. — Все, что есть, отдаст. Последнее платье отдаст подруге. Ты знаешь, как она тебя любила! Сразу полюбила, еще там, на Графском пляже. И я люблю тебя, честное слово, люблю, но ты ведь не был такой щедрый, ты, может быть, и сильнее любил, но пропустил момент. Щедрость — это не кусок колбасы бросить, а бывает всего труднее, чтобы в самый безвыходный момент решиться...

Больше он уже всю дорогу ничего не говорил.

Мы пришли к экскаватору, он не работал — опять оборвался трос. Нижники Агапова хлопотали в яме, стараясь выбить неподатливый болт из ушка. Их смена еще не кончилась. Вместе с Христофором я спустился в яму. Мне повезло: ударом молота я быстро выбил болт, застрявший в ушке ковша. Потом мы подхватили конец троса, сделали кольцо и начали закреплять его. Когда мы вылезли из ямы, сменный машинист Семен Агапов — тот самый, которого проучил Джураев — подошел к нам и стал возмущаться.

— День какой-то дурацкий. Четыре раза останавливали машину. Не везет.

Вместе с ним мы поднялись в машинное отделение. Агапов подошел к рычагам, но в это время загудел паровоз. Смена кончилась.

Агапов посмотрел на нас ошалелыми глазами и, не находя, что сказать, в сердцах плюнул:

— Тьфу, надо же быть такому! Только наладили.

В машинное отделение поднялся наш машинист Алмазов и принялся осматривать машину. Пришли Архипка с Кандыбой. Позже всех пришел Рашид.

Агапов пожаловался Алмазову: грунт нетвердый, а смена кончилась. Они вдвоем спустились с кручи к берегу и, утопая по колено в грязи, прошлись вдоль реки.

— Грунт не твердый, — сказал наш машинист Андрей Захарович. — Но это и хорошо, и плохо.

Я тогда не понял, почему может быть плохо, если грунт мягкий. В эту ночь я узнал и это. Рашид включил рубильник, работа началась.

Когда работа идет хорошо, у нижников не так уж много дела. В конце концов, разровнять площадку довольно легко, особенно если грунт действительно мягкий и не надо разбивать его киркой. Правда, попадались кое-где валуны, которые, конечно, вывернуть не представлялось никакой возможности. Тогда валун надо было обходить. Но в эту ночь все шло хорошо. Позади экскаватора уже было подготовлено метров восемь пути. Словом, все шло хорошо, как вдруг...

Случайности в жизни не такая уж редкость.

Я хочу рассказать по порядку, что случилось с нашим экскаватором.

Представьте себе ров шириной в тридцать метров и такой же глубины. Это обводный канал. Теперь представьте, что в нескольких метрах от этого глубокого ущелья стоит на рельсах машина, громадина экскаватор, вагон, внутри которого барабан с лебедкой и моторы, и компрессор, а впереди этого вагона высоченная стальная стрела. Груз солидный, расставь немного пошире шпалы — погнет рельсы.

Каждые сорок-пятьдесят секунд стрела экскаватора опускает ковш в это ущелье и поднимает его оттуда, полный грунта.

Под утро, когда тяжелый ковш поднимался из ямы, я увидел, как устремленная к небу стрела экскаватора зашаталась и наклонилась в сторону. В ту же секунду раздался грохот и скрежет. Почти над нашими головами, как маятник, закачался ковш, посыпая нас землей. Я обернулся и увидел, как Христофор и Николай, видимо, только что стукнувшись о стенку кабины, около которой стояли, потеряли опору и упали вниз. Хорошо, что было невысоко. Они упали на землю, поднялись и бросились на крик Алмазова. Все это произошло в одно мгновение.

— Николай, Николай! — кричал машинист Андрей Захарович. — Почему у меня стрела клюет? Рельсы, что ли, разошлись? — Он, как капитан на судне, терпящем бедствие, не покинул машину, остался в кабине.

Вдруг я увидел Архипку. Он карабкался по насыпи, карабкался и

оглядывался назад. В это время снова тряхнуло стрелу, ковш пронесся над Архипкой и чуть не сшиб его. Это увидел Николай, крикнул Алмазову: «Вира!» Машинист движением рукоятки ослабил тросы. Ковш со всего размаху упал за отвал.

Между тем наша машина время от времени подрагивала, словно внутри ее что-то клокотало. Я посмотрел на Христофора и увидел по его удивленному, широко открытому глазу, что он уже все знает. Он стоял и смотрел в одну точку, куда-то вниз. Я обошел экскаватор и тоже увидел, как почти рядом со мной, шагах в десяти, земля начала медленно осыпаться, уходить вниз, и вдруг огромная глыба оторвалась и обрушилась с высоты в уже почти готовый канал. И тут конец рельсы, на которой стоял экскаватор, стал медленно загибаться кверху.

Из кабины выскочил Рашид, стал под стрелой, посмотрел вверх. Стрела покачивалась, трос натянулся и звенел, как гитарная струна. Казалось, стрела хочет вырваться, но за отвалами ее крепко держит ковш.

— Беги!— крикнул Рашид, махнув рукой в мою сторону.— Беги, сейчас экскаватор опрокинется.

Авторизованный перевод с татарского *А. Одинцова*.

Продолжение следует.

ВЕСНА

под снегами

Рассказ

В купе нас трое.

Напротив — старик: худой, шея в клетчатых морщинках. В проходе движется и заполняет его собой твердоскулый, шумный казах. Неумело, как молодой отец первенца, он несет на руках большой торжественный букет.

Цветы подарили провожавшие. В вагоне бурлила торопливая, гортанная речь. Насколько я могла разобрать, соседа поздравляли с успешной защитой диссертации. Вот бы не подумала; плечи широкие, как крылья беркута в полете, размашистые движения — ничего от традиционных атрибутов учености. Какую же науку оседлал этот потомок пастухов?

Обживаем купе, каждый по-своему. Я — с некоторым надрывом: уж эти поручения и порученьца, а в результате — пять «мест», словно налитых ртутью. Кандидат — весело, легко. Скрипучесть и костлявость старика вызывают представление о рассохшейся лестнице. Он ставит на стол величественный нежно-розовый термос. Так водружают заявочный столб.

Наконец, все размещено, только некуда деть букет. Хризантемы — тяжелые, блестящие, курчавые, как золотое руно. Ни кружки, ни банки... Мы невольно взглядываем на термос.

— В нем какао, — ощетинивается старик. — От цветов в вагоне — мусор...

Кандидат бьет запястьем одной руки в ладонь друфй — жест звонкий и темпераментный:

— От цветов в вагоне радость!

Он исчезает вместе с букетом. Теперь к проводнице забегают товарки: покачивая головами, глядеть на золотое чудо. В тамбуре морозный февральский воздух настоен на свежем и горьком листопаде...

...Мы уже знакомы. Кандидата зовут Ергали Бекимбетов. Он хорошо говорит по-русски — не просто правильно, а сочно, уверенно обращаясь со словами. Только легкий акцент — вместо «птичка» что-то вроде «птышка». Едет он домой, в Кызыл-Орду, — «такой город, кругом степь да камыш, прямо Тихий океан камышей». В Москве — «учился, конечно». Дети — «сыновья — ого!» Такое круглое «ого».

О науке, о звании — ни полслова. Но я уже догадалась: фольклорист! И страстный! Кто же еще может знать столько пословиц, погово-

рок, афоризмов — метких, как стрела удалца, узорных, точно казахская кошма, лукавых, словно молчание девушки?

Мы располагаемся закусывать на моей полке. (Столик прочно оккупирован стариком).

— Что такое комфорт? — рассуждает кандидат. — Понятие растяжимое. При нужде — конь в удилах напьется, воду в сапогах перейдешь.

Он раскладывает на пергаментной бумаге казы. Это — колбаса из конины. И — поясняет:

— Казы в Москве не достанешь, конечно. Другу прислали — развез землякам. И я берег — до хорошего случая. Самый вкусный кусок — разделенный. Так ведь?

Я согласна. Прибавляю свои запасы. Третий в купе отстраняется от общения с таким видом, словно его попытались оскорбить действием. Он громко прихлебывает какао, хрустит, как мышь, высококалорийным овсяным печеньем. Поев, отгораживается от наших разговоров газетой. И на здоровье!

...Ближе к ночи — застряли на станции, вовсе неприметной. В черном стекле отражается свихнутый набекрень абажур настольной лампы. Заслонишь его — виден длинный перрон. Качается фонарь, мечутся голубые тени. Против света — прозрачная береза. На кончиках веток различимы двойные рогульки — будущие сережки. Тихо, бело, таинственно. Где-то поют.

«Ой, как трудно!» — стелется темным бархатом низкий женский голос. «Ой, как трудно!» — подхватывает девически смущенная скороговорка. «Растаются!» — третий голос высок и бездумен, словно птица пробует голос на заре. «О-ой!» — не то вскрик, не то раздолбный, во всю высокую грудь, вздох запевалы, и, не дав ему договорить, в лад вступают все молодые: «Глазки смотрят... слезы льются...»

Наш кандидат загорается, как береста:

— Какая песня! А? Какая песня!

Он мчитя в тамбур и возвращается поникший:

— Темно! Метет! Проводница не пускает: «Отстанете!» Хотел слова записать. Эх, усохнуть моей радости!

Я заражаю его жаркой увлеченностью. Записываю на листке слова, и мы уже подпеваем: «Мил уехал... мил уехал... за Воро-неж...»

Знаю давно эту песню, а словно впервые слышу. Может, нужен для нее такой вечер — с летящим наискось снегом, качаньем станционных фонарей, с застылыми в инее березами?..

Мягко трогает тепловоз. Оскальзывают во мрак кирпичные здания, избы с наличниками, уплывают голоса.

— Теперь его... теперь его... не воро-о-отишь...

Слова песни падают в сердце. Темными тучами надвигаются деревья. Последний фонарь. Безмолвная снежная карусель вокруг него. Вздрогнул, исчез. «Не воротись...»

А песни остаются с нами. У Бекимбетова целый блокнот записей: «Где услышу — пишу... Есть такие, что напев позабыл, — птицы без крыльев. А эту — помню...»

Мягко, вполголоса напевает и тут же переводит: «Жалуются парни в пору сенокоса: ой-ой-ой, затупились наши косы... Меньше думайте о девушках: косы не будут тупиться...» Поясняет:

— Татарская припевка. Задорная, слова сыплотся, как бусы, словно зыбь на Волге, качается мотив... А вот наша... Представьте — весна, трава лошади по брюхо. Взлетел на холм и орешь во всю грудь:

Анав таудынг басында-а-а!
Ин бармекен кыздарай...

Увлекаясь, он тоже поет во всю грудь. Голосу, молодому и свежему, тесно в купе. И эти великолепные клокочущие «к» и «г»! И этот неударный размах рожденного степью напева!..

А на верхней полке значительно покашливают. Потом говорят:
— Концертик до полуночи!

Сколько пронзающей иронии вложено в эти слова! Высказавшись, старик отворачивается к стене. Бекимбетов улыбается, смущенно и виновато:

— И в самом деле, оказывается, поздно...

...От синей лампочки на потолке — лунный, неопределенный свет. В торопливый грохот колес влетают песни. Серыми птицами летят над зеркалами озер... Остроглазым беркутом взмывают над разнотравьем... Их слышу только я. Спит кандидат наук, усталый, счастливый, всхрапывает старик, и в храпе его — возмущенье...

А чудеса все-таки бывают. На другой день, возвратившись из вагона-ресторана, я застаю своих спутников в жаркой беседе.

— И не убеждайте! — доносится, перемежаясь сердитым кашлем. — Пенсионер есть враг внутренний. И я докажу! В основе общества нашего — труд. Пенсионер же есть субъект, от труда освобожденный. Да: законно, добровольно и заслуженно. Однако, стержень из человека изъяли. И вот он, как хмелинка без тычка, начинает петлять в пустом пространстве. Тот обзавелся огородиком, распробовал вкус словечка «свое». Другого ударяет в позднее и непотребное стихотворство. Третий рад хотя бы в квартирной сваре голос авторитетно возвысить... Да зачем далеко идти: ваш покорный слуга! Утративши благотворную оглядку на мнение коллектива, чему даю расцвести и утвердиться? Старческому нетерпимому брюзжанию... Могу любое дело проквасить — да!

— Вас кто-то сильно обидел, отец, — говорит Бекимбетов. — Но рассердясь на блох, не выбрасывают шубу...

— А ты откуда знаешь? — зло вскидывается его собеседник. — Люди, может, по маковку в делах, а я им: то у вас не так, другое не эдак! Мне вежливо и по поясняют: пошел прочь, старый хрыч, мы лес рубим, за щепкой нагнуться недосуг... И ведь верно — рубят!

— А если щепки летят в глаза? — спрашивает Бекимбетов. И сам отвечает: — Нельзя допускать это. Ни на день. Ни на час. Нельзя!

— Ну, а сколько можно говорить... добиваться, ломиться?

— Пока хватит языка. Пока хватит сердца. Пока не увидишь: теперь правильно!

— Вот ты — молодой, а вдумчивый, — отзывается старик, — а некоторые базу подвели: думать некогда, строить надо! Такого понастроили черз пень-колоду, хоть не смотри, зажмурься!

— Чтобы правильно видеть, иногда и зажмуриться надо, — влетается в постукивание поезда спокойный голос Бекимбетова. — Смотрите сейчас: снег, ветер! Сухой камыш жалуется: нет жизни! А я закрою глаза и вижу: вскипает степь! Весна! Запах такой, будто само небо цветет. Ходят овцы — черт знает, сколько миллионов овец! Все живет — вода, облака и земля...

Они долго молчат. Кружится за окном матовая снежная белизна. Солнце в туманных кругах, белая радуга стоит в небе...

А когда я просыпаюсь, разговор течет уже по руслу вспоминательному. Как будто встретились погодки, однополчане — мельтешат имена, даты...

— Тас-Бугет, — горячится старик, — нет ты послушай... Ты мне лекцию читаешь: землеустройство, переход на позиции... А я слышу «Тас-Бугет» и кожу на затылке гармошкой стягивает... В двадцать четвер-

том, пойми,— собрание в юрте. Народу—как семечек в арбузе, атмосфера — хоть ножом режь. А ближе к выходу — нам шепнули уже — бия бывшего сородичи. Один охрип — встает другой, подхватывает. Вижу сквозь тундук в верху юрты — небо светлеет. Мысль в голове: «Не последний ли в жизни рассвет?» Бедняки эти, жатаки, хором отказываются: земли не надо, коней не надо, пусть остаются у бия. Ладно! Раслонов Никита,— большого размаха был человек,— объявляет собрание закрытым. Нам моргает: не расходишь...

Как слушает Бекимбетов — всем лицом: расширены глаза, застыли брови, настороженный поворот шеи...

— Раслонов, Раслонов,— повторяет он,— а вы не запомнили год, Иван Афанасьевич? Известно, что Раслонов в двадцать втором был убит подученным манапами, темным и страшным по силе батраком Тулегеном...

— Э, голубчик мой! — машет рукой старик. — Было! Извещение в черной рамке и клятвы наши заочные. Все было! А Раслонова, сочного мертвым, унесла под покровом метели старуха Сагира, тамошняя знахарка. Отпоила травами, воскресила, можно сказать...

— Слушайте, это же очень интересно! — подсказывает Бекимбетов. — Об этом нигде, никто... А если вы — записали бы все это, а?

..Ну, какой он фольклорист? Поторопилась я с выводами. Любит песни — кто их не любит в Казахстане? А диссертация его, конечно, историческая. Так знать эпоху и людей — дотошно, поименно — может только специалист...

Мы ужинаем втроем. На столе — бекимбетовская пахучая казы, рижский хлеб, каштановый, в желтом пояске (вчера только куплен в Елисеевском). Какао из термоса — Иван Афанасьевич угощает.

Оба соседа зажжены идеей мемуарной.

— Поймите, — широко отмахивает рукой Бекимбетов, — для вас это живое: на ошупь, на цвет, на биение сердца. Для мальчишки-школьника это уже история. Только вы, очевидец и творец истории, — да, да, один из ее творцов! — можете взять его душу и вознести по ступеням эпохи...

— Я-то пойму. А там, где книги издают, сидит какой-нибудь всезнайка в очках и морщится: опять пенсионер!.. Нужны они, как собаке второй хвост!

— У вас будет один ответ: рукопись! То, что вы мне рассказали, — это сквозь любые очки пройдет! Но надо работать. Искать слова, вот, как народ ищет в песнях — простота, проникающая насквозь...

...Трах-та-та! — одна за другой салютуют вагонные двери. По коридору мутно-белым привидением пронесится морозный воздух. Следом врывается парень лет двадцати двух, в железнодорожной форме, смуглый, словно закопченный. Двинув плечом полуоткрытую дверь — она с визгом влетает в гнездовину, — парень проходит в наше купе.

Не глядя, не здороваясь, он без видимых усилий подбрасывает себя на верхнюю полку и мгновенно затихает. Не спит, хотя глаза прикрыты. Вздрагивают злые, нервные ноздри.

Его молчание тягостно. Мы невольно поглядываем наверх и говорим тише. Прележав с полчаса, парень спрыгнул — внезапно, словно упал. И начал упорное шагание по коридору. Каждые три минуты перед входом в купе появляются каменный профиль и летящие полы шинели. Станция. Он выскакивает, возвращается весь в снегу. На черных волосах, даже на вид жестких, хлопья снега, как птичий пух. Потом снег гает, красивое скуластое лицо кажется залитым слезами. Бекимбетов окликает его, мягко говорит что-то по-казахски. Парень смотрит диким глазом из-под крутых бровей. Отвечает коротко и резко. И снова качается вперед-назад, вперед-назад — молчаливый маятник, отмеряющий горе...

Разговор наш иссякает, как обмелевший ручей. Головы поворачиваются на звук шагов.

— Переживаете... — полувопросительно говорит Иван Афанасьевич.

— Переживает, — эхом отзывается Бекимбетов. — А душа на замке. Второе тяжелей такому...

— Ну, уж вы бы... а?..

— Слышали, пробовал, — виновато улыбается кандидат. — Никак... Глядит, как баран, поевший белены. Нехорошо отвечает — у нас так старшему младший не должен говорить. Изъезженному коню, мол, не понять, зачем торопится скакун-двухлетка... Все в таком роде.

— Ишь, языкастый! — изумляется старик. — Ну, если так, пусть себе пошагивает. Уходитя — мягче будет.

— Пусть, пусть, — глядя поверх головы старика, отвечает Бекимбетов.

Утро бросает в окно охапки солнца. Снег искрится, как соль. Четвертого пассажира уже нет, Бекимбетов глядит в окно, постукивая пальцами по холодному, вспотевшему стеклу. И рассказывает...

— Кенектай его зовут. Работает здесь, на дороге. Каждую неделю к своей Акмарке ездил. Собирались пожениться. Но случилось другое — смешно и горько... Двоюродный брат Кенектая — в совхозе тракторист. Влюбился в библиотекаршу — она по комсомольской путевке на целину приехала. Отказала, любимый человек у нее в Новороссийске остался. Тракторист рубанул с плеча: украду, увезу! Кенектая попросил помочь — тот, однако, отказался. Брат с друзьями... Не сошло с рук: комсомольцы отбили девушку, общественный суд был, как полагается. Акмарка тоже обо всем узнала. И — на своего вскинулась: почему не вмешался, не предотвратил? У него самолюбие — на дыбы; наговорил торопливых слов. Она решает: не бывать свадьбе... Никак до него не доходит, в чем вина его... Рассказывал — кричал: «Я — не мой брат, и она — не та! За чужую вину меня в землю втоптала!» Я объясняю: «Большая душа у невесты твоей!» А он — свое: «Вот, еду мимо и на станции ее не сошел! Глаз она моих не увидит, брошенной просльвет!» — «Э, — говорю, — у свечи из-за света ее хочешь голову снять...» А сам вижу — разговор без пользы... Молодой и глухой от гнева... Решил его языком говорить. Вздыхаю: «Эх, брат, хоть время меня перекосило, сердца не погасило. Нет у меня жены, не хотел брать такую, что року тынет только за сладким куском. Твоя Акмарка мне всю жизнь снилась. Ты от нее отказался — открой мне дорогу к счастью. Скажи ее адрес — дальше знаю, что делать...» Он раскрыл рот, словно проглотить меня хотел, со всеми замыслами. Весь свой жар обратил на меня. И человек я несерьезный, и, наверно, на всех станциях такую скороспелую любовь завожу... А я за свое держусь: найду Акмарку, женюсь... «Нет, — кричит, — ничего у вас не выйдет! Сейчас пересяду на встречный, через два часа буду с ней! Не может меня не простить Акмарка — со школьных лет у нас любовь!» И пересел. Рукой мне помахал: догони, мол! А я — ему: спешу, мой конек невзвезданный!

И я смеюсь вместе с ним — добро и облегченно.

...А скоро уже и Кызыл-Орда. Бекимбетов успевает — собираться, давать прощальные наставления Ивану Афанасьевичу: к кому обратиться, кому написать, когда книга будет готова. «Если будет...» — вставляет непримиримый старик. «Когда будет...» — упрямо повторяет Бекимбетов. Мне он дарит красиво переписанные слова казахской песни. И я для него переписываю — ту, знакомую: «Летят утки. И два гуся...»

... Скользя по ослепительному снегу, сбегает к нашему вагону толпа ребятишек. Узкие глаза, сизый румянец на широких, сияющих

мордочках! И каждый думает, что только он догадался крикнуть: «Ергали Бекимбетович!»

Наш кандидат стучит в стекло. Оборачивает к нам потрясенное счастьем лицо.

— Почему так много детей?— шепчет Иван Афанасьевич.

Я пожимаю плечом. Мы стоим и смотрим, как он уходит, окруженный подвижной, гомонящей толпой. К плечу его приникла женщина в пуховом платке. Ребята забегают вперед, прорываются к нему...

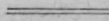
Уже в пути обнаруживаем, что сосед забыл на полке брошюру. Я смотрю обложку: «Ергали Бекимбетов. К вопросу о трудовом воспитании в начальных классах восьмилетней школы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук». Наискосок — надпись летящими, размашистыми буквами: «Уразбике, жене моей неразлюбимой». Из брошюры выпадает листок — переписанная мной песня.

Вот и узнала, кандидат каких наук ехал с нами в купе. Странно подумать, что только это сначала и было мне любопытно. А сейчас хочется все знать об этом человеке...

— Надо бы переслать ему брошюрку,— беспокоится Иван Афанасьевич.— Дорожит, наверно, ею. И вот беда — все адреса мне написал, какие могут понадобиться, а своего — нет...

— Ничего, ничего. Я все равно напишу. Такому человеку дойдет письмо. Люди разыщут.

— И то верно,— отвечает Иван Афанасьевич.

НА СТРАЖЕ МИРА

Полковник А. КАРБОВСКИЙ

СОЛДАТ МИРА

Сорок три года стоят на страже завоеваний Великого Октября овеянные славой побед Вооруженные Силы первого в мире государства рабочих и крестьян. Созданная гением Ленина, закаленная Коммунистической партией в суровых битвах с врагами коммунизма, Советская Армия с честью и славой выполняет свою историческую миссию.

Судьбы миллионов советских людей связаны с армией. Целые поколения прошли мужественную армейскую школу. Пожалуй, каждая семья нашего многонационального советского народа узлами родства связана с армией. Наша армия — народная, и в этом, прежде всего, ее сила, непобедимость. Воин Советской Армии — верный сын своего народа, беззаветно преданный ему и готовый в любой час на бессмертный подвиг во имя своей любимой социалистической Родины.

Все народы многонациональной советской социалистической семьи посылают своих лучших сынов в ряды Советской Армии, на защиту Родины. Русские и

украинцы, узбеки и белорусы, таджики, казахи, туркмены, киргизы — славные сыны всех наших народов — завоевывали Советскую власть в годы гражданской войны и иностранной интервенции, добывали победу в Великой Отечественной войне.

В числе героев сверкают имена славного сына узбекского народа Сабира Рахимова, казаха Амангельды и многих других.

Как в капле воды ярко отражаются лучи солнца, так в одном лишь эпизоде под Сталинградом отражены единство, братство, сплоченность воинов Советской Армии.

Маленькая группа наших героев обороняла под Сталинградом дом на своем участке фронта. Командовал этой группой сержант Павлов. Здесь фашисты понесли больше потерь, чем при взятии Парижа. В группе Павлова плечом к плечу с русскими, украинцами героически сражались узбек Тургунов, таджик Турдыев, казах Мурзаев и воины других национальностей.

Кровная братская дружба советских воинов, как и всего советского народа, воспитанная Коммунистической партией, бы-

ла и остается залогом непобедимости Советских Вооруженных Сил.

Вместе со страной с каждым годом совершенствуется и крепнет армия, растет ее выучка, боевое мастерство. Коммунистическая партия, народ вооружили армию мощной современной техникой, в том числе и самым совершенным ракетно-ядерным оружием, каким не располагает ни одна армия империалистов. Но главное — это морально-боевые качества наших воинов, что, в сочетании с мощным оружием и техникой, гарантирует непобедимость Вооруженных сил Советского Союза. Наша армия в расцвете своих сил и готова сокрушить любого врага, который попытался бы посягнуть на нашу родную землю, на интересы народа. Она, как гранитный утес, стоит на страже мира на Земле.

Богата славными боевыми традициями история Советской Армии, впитавшей дух великого советского народа, народа-созидателя, народа-героя.

Царский солдат...

Его не спрашивали, хочет ли он воевать и знает ли, за что он воюет. Его гнали на убой за царя и отечество. Об этом в России 300 лет заболится дом Романовых. Солдата презрительно называли «серая скотина» и «длущечное мясо». Но русский солдат воевал героически. Царь царем. А когда опасность угрожала отечеству — за него солдат дрался. Он не мог не защищать родную землю, ибо именно он был патриотом этой земли. За посягательства на родную землю были биты и шведы под Полтавой, и немцы под Псковом.

В тяжком ратном труде, с испепеляющей ненавистью в сердце к врагам-угнетателям, своим и чужим, солдат проливал свою кровь за родные поля. Он верил — эта земля его и она будет его!

В жарком горниле революции переплавился солдат. Он вышел из прокопченного блиндажа империалистической войны, пришел в Питер к Ленину за правдой. Этот человек с ружьем встал рядом с рабочим, приколот к папаче красную ленту и пошел со штыком наперевес и революционным пламенем в сердце в атаку против мировой буржуазии. С тех пламенных лет Октябрьской революции семнадцатого года русский солдат стал солдатом Революции...

С гордостью мы произносим это звание. В нем сила и мужество, беспощадность к врагам и высокое благородство, бескорыстие и самопожертвование.

Солдат Революции — это Феликс Эдмундович Дзержинский, отдавший свое сердце «временам на разрыв». Это Михаил Васильевич Фрунзе — герой, боец, полководец. Это — Климент Ефремович Ворошилов — «первый красный офицер». Это — Семен Михайлович Буденный — легендарный командарм Первой конной. Это — плеяда народных героев — Чапаев, Лазо, Блюхер, Пархоменко, Щорс, Котовский, Миршарипов. Солдат Революции знал за что он воюет: «Даешь Советскую власть!» И в этом была его главная сила. Он шел в смертный бой со штыком и гранатой и с песней:

Смело мы в бой пойдем,
За власть Советов,
И как один умрем
В борьбе за это!

Ему частенько не хватало хлеба и патронов, у него была холодная прожженная шинель и опорки вместо сапог. Он перевязывал рану рукавом своей пропотевшей рубашки. В нем был великой силы огонь души, вера в ленинскую правду. Он жаждал свободы своему народу, и эта жажда была сильнее смерти. Он свершил чудо, за которое благодарны ему потомки. Он грудью встал за Советскую власть и этой грудью, опоясанный пулеметными лентами, защитил молодую республику рабочих и крестьян.

Не только царские генералы — денкины, колчаки, врангели — эти опытные душители трудового народа, но и армии четырнадцати иностранных государств пытались свалить солдата Революции. Но он выстоял, одолел врагов.

Много подвигов совершено после гражданской войны. Но в веках останется светлый образ солдата Революции, образец беззаветной любви и преданности народу, героизма, самоотверженности. Его храбростью, благородством был поражен весь мир. Даже враги поражались мужеством солдата Революции.

Величественно стоит на правом фланге истории солдат Революции, овеянный бессмертной славой. О нем народ сложил легенды, поет песни.

Отремели грозы гражданской войны.
Солнце свободы озарило просторы нашей

Родины Советский солдат, унаследовавший героические традиции солдата гражданской войны, встал на пост охранять мирный труд своего народа.

Годы восстановления. Шумные, как штурмовые ночи Спасска, первые пятитетки. Советский солдат стоял на посту не с одним штыком и «лимонкой». Народ, недосыная ночей и недоедая, плавил лучшую в мире сталь для тракторов и стволов орудий, для шлотов и брони танков. Запели в небесах свои песни советские моторы.

Советский солдат был одет, обут, имел артиллерию, танки, авиацию, морской флот. Он пользовался благами революции — свободой, культурой. Он познал счастье труда на себя, на свою республику. Он изучал Ленина. И хотя он не был еще закален в огне сражений, он не струсил, когда враги пытались прощупать его силу, — он дал отпор самураю на Хасане, у Халхин-Гола, проучил генерала Маннергейма на Карельском перешейке. Он принес свободу своим братьям в Западную Белоруссию, Западную Украину.

Буржуазия, битая солдатом Революции, учла первые уроки, преподанные советским солдатом. Она двадцать лет готовилась к новому прыжку. Американские, английские, французские миллиардеры вскормили фашистского зверя в гитлеровской Германии, раздразнили легкими победами в Европе и толкнули его на советского солдата.

Гитлеровская армия, которая в 1941 году вероломно обрушилась на нашу Родину, — это была мощная ударная сила международного империализма. Прожженный империалист Черчилль говорил: «Пусть они убивают друг друга как можно больше...» Черчилли рассчитывали и на этот раз загрести жар чужими руками, ослабить Советскую армию и покончить с Советской властью.

Фашистский зверь был вооружен до зубов. Его поддерживал весь империалистический мир. Когда советский солдат обливался кровью от внезапного предательского удара, союзники «не могли» открыть второй фронт, «пока не будет прищита последняя пуговица к мундиру последнего солдата». Они откупались тушонкой. Нечего греха таить, очень трудно было советскому солдату. Но перед

ним стоял образ солдата Революции, традиции которого он унаследовал. И Александр Матросов грудью закрывал амбразуру дота, и в его крови захлебнулся вражеский пулемет; советский солдат Николай Гастелло направлял свой горящий самолет на колонну фашистских танков и сжигал их; черноморский матрос со связкой гранат бросался под вражеский танк...

В «блицкриг» верил не только обезумевший Гитлер. Верили рокфеллеры, морганы, черчилли... Они рассчитали, что в течение нескольких месяцев поставят на колени советского солдата и на этом кончится Советская власть. Об этом за них всех молил бога папа римский и посылал в помощь Гитлеру «голубые дивизии».

Но советский солдат встал насмерть на Неве и на Волге. Под Москвой солдат-панфиловец сказал: отступать некуда! Он понял, узнал врага, оправился от внезапного вероломного удара. Он перевязал свои раны потуже, крепче уперся в родную землю и, сжав до боли зубы, высоко поднял опаленное пожарами Боевое Знамя и свершил чудо так же, как свершил чудо победы солдат Революции, выстояв против военной интервенции четырнадцати империалистических государств в 1917—1919 годах.

На тысячи километров запылала земля под ногами врагов. Под Москвой, под Сталинградом, у стен Ленинграда, на Курской дуге — удар за ударом обрушивался на немецко-фашистских захватчиков. Это были удары по-русски, со всей силы, наотмашь! От таких ударов уже не поднимаются. Не подымались и фашистские захватчики. Березовыми крестами отметили они свой путь от Сталинграда до самого Берлина. Без передышки, по тем дорогам, по которым бежал в свое время Наполеон, побежали фашистские полчища. Это уже стало традицией. Хорошей боевой традицией русского народа.

От Сталинграда до Берлина советский солдат прошел полями сражений. Шел сквозь смерч огня и стали. Здорово шел! Ему некогда было переобуться, он гнал фашистских захватчиков, не давая им опомниться. Враг еще слото огрызался, как волк, загнанный в западню. Но не было у гитлеровца уже спеси, которой он набрался, завоеывая Европу. Умыва-

ясь кровью, он начал жаловаться на русские морозы, на распутицу. Что ж, русские морозы крепки, ничего не скажешь. Но бежал он все-таки от советского солдата.

Народы мира, затаив дыхание, смотрели, как шагал воин-богатырь. Смотрели и радовались. Зарево пожаров войны осветило этого богатыря во весь его могучий рост. Народы видели благородную его душу: куда ни приходил этот солдат, — там наступал мир. Бухарест и Прага, Будапешт, Варшава и София встретили хлебом-солью советского солдата, как брата, спасителя от фашистского зверя.

Сейчас знает весь мир: где ступил кованый сапог немецко-фашистского поработителя, там дымили печи освенцимов, там лилась кровь стариков, матерей, детей, там грабили, жгли, насиловали. Там из людской кожи делали перчатки. Потому была страшна и ненависть к пришельцу — извергу, убийце. Нет, его нельзя было назвать солдатом. Солдат — воин, защитник своего народа. Солдат — это храбрость, благородство.

Кого защищал фашистский ублюдок? Кто его приглашал в Болгарию, Чехословакию, Польшу, Венгрию, Румынию? Он обнаглел и осмелился переступить порог дома советского человека. И этот его шаг был роковым для него — шагом в могилу.

А разве американский завоеватель принес свободу на Тайвань, в Южную Корею, в Японию? Разве французский порабощитель вот уже семь лет расстреливает алжирцев не во имя рабства! Они недостойны звания солдата. Они служат империалистам, колонизаторам и защищают не благородное дело свободы народов и мира, а интересы кровавых, жестоких эксплуататоров.

* * *

Великая Отечественная война была самым тяжким испытанием, выпавшим на долю советского народа. Она показала все величие духа советского солдата. Солдатами мира назвал советских воинов Никита Сергеевич Хрущев.

С отеческой любовью, с гордостью смотрит советский народ на овеянные славой побед боевые Знамена своих защитников, воинов доблестных Вооруженных Сил Советского Союза, бдительно охраняющих созидательный труд строителей коммунизма, интересы нашей любимой социалистической Родины, всего социалистического лагеря.

Советский солдат отмечает 43-ю годовщину своей Армии не одиноким. В каждой стране лагеря социализма стоят на страже мира его верные соратники.

Могуч и непобедим солдат мира!

ТВОРЧЕСТВО ВОИНОВ-ТУРКЕСТАНЦЕВ

Выступают члены литературного объединения при газете ТуркВО «Фрунзевец»

Литературное объединение при газете Туркестанского военного округа «Фрунзевец» существует несколько лет. За это время его участники издали ряд книг на военно-патриотическую тему, приняты в члены Союза писателей СССР. Среди них — прозаик и поэт Борис Пармузин, поэт Георгий Свиридов, поэтесса Елизавета Видонова и другие.

В 1959 году в Государственном издательстве художественной литературы Узбекской ССР вышел сборник произведений воинов-туркестанцев «Жизнь — подвиг», в котором опубликовано 66 произведений 43 авторов. В этом году ГИХЛ УзССР выпускает этот сборник в переводе на узбекский язык, а также издает второй коллективный сборник «Богатые судьбы», объемом в 20 печатных листов.

В настоящее время в литературное объединение при газете «Фрунзевец» входит свыше 50 молодых армейских литераторов. Это — офицеры, сержанты и солдаты, воины, уволенные в запас, и служащие Советской Армии. Молодые поэты и писатели хорошо знают армейскую жизнь, тесно связаны с частями и подразделениями Туркестанского военного округа. В своем творчестве они активно разрабатывают военно-патриотическую тему, правдиво показывают героизм и мужество советских воинов в боях с врагами нашей социалистической Родины, современную жизнь Советской Армии.

Среди членов литературного объединения имеется немало талантливых людей, которые серьезно занимаются литературным трудом, непрерывно совершенствуют свое писательское мастерство. Это Герой Советского Союза полковник В. Карпов, автор ряда рассказов о современной жизни Советской Армии; полковник Д. Кочетков, написавший мемуарную книгу о Великой Отечественной войне «С закрытыми люками»; поэт майор Н. Борискин, издавший в прошлом году книгу стихов «Дорога в небо»; старший лейтенант П. Беляков, закончивший на днях работу над документальной повестью «Шагом марш!», майор запаса И. Каськов, автор повестей «Южный бастион» и «По паролю «Петроград», работающий сейчас над повестью «Кудрат» о солдате-узбеке; сержант запаса Д. Теплов, автор юмористических рассказов и басен; молодые поэты — майор В. Тютиков, капитан В. Назаров, ефрейтор И. Ружанский, младший сержант В. Дьяченко, старший сержант Г. Япринцев; рассказчики и очеркисты — майоры Б. Брюханов и Ф. Коновалов, майор запаса С. Дурникин, капитан А. Аверин, офицеры запаса П. Ястребов и Н. Гринев, служащая Советской Армии Е. Сараева и другие.

В работе литературного объединения продолжают активно участвовать писатель Борис Пармузин и поэтесса Елизавета Видонова. В прошлом году они находились в творческой командировке в войсках округа, собрали богатый материал для своих новых произведений о современной жизни воинов Советской Армии.

Члены литературного объединения в конце прошлого года обсудили обращение редакционной коллегии газеты «Правда» о создании книг очерков о наших современниках, одобри-

ли эту инициативу и решили принять активное участие в создании документальных произведений о лучших воинах-туркестанцах, о героях Великой Отечественной войны, о солдатах и офицерах, уволенных в запас и своим трудом участвующих в коммунистическом строительстве. Некоторые такие очерки уже написаны и опубликованы в газете «Фрунзевец». Лучшие из них войдут в сборник, который в настоящее время готовится к печати. Недавно литературное объединение решило на общественных началах издавать литературно-художественный альманах. Первый номер его будет выпущен к концу этого года.

В этом номере «Звезда Востока» знакомит своих читателей с творчеством некоторых членов литературного объединения при газете ТуркВО «Фрунзевец».

Полковник В. КАРПОВ

Дерзость

Рассказ

На одном из участков Калининского фронта стояло затишье, долгое время не наступали ни наши, ни немцы. Позиции на обеих сторонах были оборудованы добротно. Прорвать такую оборону, ой как тяжело! А ходить туда за «языками» — дело, прямо скажем, отчаянное.

А тут наше командование узнало, что фашисты производят перегруппировку, видимо, готовятся к наступлению. Всем частям была поставлена задача: добыть «языка». И начали тогда наши разведчики лазить по ночам к гитлеровцам, тормозить их по всему фронту. Обалдели фрицы от страха. У них даже приказ был специальный: выставлять в первой траншее на ночь полные подразделения — солдат от солдата в трех метрах. Попробуй, подберись!

Лазили и мы. Что ни ночь — две-три попытки, и все они кончались неудачно.

Долго я думал, отыскивая способ добыть «языка», но ничего подходящего придумать не мог.

Разведчик Саша Пролеткин однажды пожалел меня и сказал: — Не огорчайтесь, товарищ лейтенант! Будь у вас вместо головы — бочка с мозгами, и тогда в этих условиях ничего не придумали бы.

Но я продолжал искать. И однажды утром, когда сон буквально валил с ног после беспокойной ночи, в голове моей мелькнула очень простая мысль. Я подумал: «Если гитлеровцы ночью не спят, значит, спят они днем. Почему бы нам не воспользоваться этим?» Я хотел прогнать эту мысль, как нереальную: ночью ничего не получается, а днем — тем более ничего не выйдет. Но мысль не покидала меня. В конце концов я рассказал обо всем товарищам.

Сначала они мое предложение взяли под сомнение. Но потом обдумали, взвесили все «за» и «против» и решили, что дело вполне осуществимое. Мы выработали план и доложили его командованию. План был одобрен, и дальнейшие события разворачивались так.

Ночью шесть разведчиков с плащ-палатками и малыми лопатами отправились в нейтральную зону. Выбрали высотку вблизи от немецкой проволоки. За отдельными кустами, которые росли на высоте, вырыли глубокие щели. Верхний слой — дерн — был осторожно срезан. Землю же на плащ-палатках вынесли в лощину.

Работали с величайшей осторожностью и поэтому медленно. Довражеских траншей было не больше ста метров. Неосторожность могла погубить всю затею.

На день в щелях должны были остаться Макагонов, Коноплев и я. Ночь мы провели в землянке пехотинцев в первой траншее и перед рассветом подползли к укрытиям. Нам тогда уже спустили еду, воду, запас патронов и гранат. Затем над головой у каждого укрепили жерди и на них положили дерн. Не дожидаясь рассвета, разведчики удалились. Мы втроем остались в кромешной тьме.

Нам предстояло просидеть день, изучить режим противника, чтобы потом действовать наверняка.

Приближался рассвет. Мне был виден клочок неба. Сначала черного, как земля, что меня окружала, потом серого, затем синего и, когда взошло солнце, нежно-голубого.

Я осторожно поднял перископ и тут же опустил его. На меня смотрела одутловатая рожа гитлеровца. Даже рыжая щетина, торчащая на его рыхлых щеках, была мне видна.

Успокоясь, я сообразил: перископ, как ему и полагается, приблизил фашиста вплотную, в действительности же тот находился от меня метрах в шестидесяти. Я опять осторожно выставил перископ — гитлеровец стоял на том же месте. Сердце опять беспокойно запрыгало у меня в груди: уж очень близко он находился! Рядом с фрицем на площадке виднелся пулемет, правее и левее в траншее стояли другие немцы. Они разговаривали и почти не глядели в сторону нейтральной зоны. Ночь прошла, и они чувствовали себя в безопасности.

Немного привыкнув к такому соседству, я всмотрелся внимательнее. Кусты, за которыми мы располагались, находились на плоской высотке. Впереди, через все поле, тянулось проволочное ограждение. За ним вилась траншея, бруствер которой обложен травянистым дерном. От траншеи ответвлялось несколько ходов сообщения. Они спускались в лощину, а по лощине фашисты ходили в полный рост. Здесь же, в лощине, была видна дверь в блиндаж. Около нее умывались двое, один другому поливал из чайника.

К восьми часам движение у противника почти прекратилось, все ушли в блиндаж спать. Остался только рыжий у пулемета, бесцельно слонявшийся из стороны в сторону. Справа и слева от него, на значительном расстоянии, маячили такие же одинокие фигуры.

«На участке взвода оставлены три наблюдателя — по одному от каждого отделения», — подумал я.

Часа через два рыжего сменил худой белобрысый гитлеровец. Этот оказался более деятельным. Он поглядывал в сторону наших войск, иногда брался за пулемет, тщательно прицеливался, выжидал и вдруг запускал очередь.

В течение дня я познакомился со всеми обитателями блиндажа. Мне так хорошо запомнились их лица, что я бы и сейчас узнал любого, если бы встретил. Особенно запомнился рыжий, он за день так и не побрился.

Время тянулось медленно. Сидеть в одном положении нелегко: руки и ноги затекали, спину ломило, очень хотелось курить, иногда перехватывало горло и приходилось натягивать на голову телогрейку — на случай, если кашель прорвется. Обстановка была ясна. Оборона изучена до мельчайших деталей. А впереди еще весь день...

В сумерках все отделение гитлеровцев вошло в траншею. Я чуть не рассмеялся, когда они выстроились передо мной: получилось, как у артистов на концерте, выступали по одному, а на прощание все высыпали.

Противник готовился к ночи: укреплял оружие на деревянных подставках, чтобы в темноте вести прицельный огонь, пристреливался.

Когда стемнело, на душе стало спокойнее. Теперь мы были в своей стихии, ночь — союзница разведчика. В темноте мы, что рыба в воде.

Я не стал ждать, когда придут наши разведчики, разобрал перекрытие над головой и пополз к Макагонову. Он бесшумно выскользнул из своей норы и последовал за мной. Затем мы забрали Коноплева и направились в сторону траншей. Надо было встретить своих подальше отсюда. Малейшая неосторожность могла испортить дело.

Мы повстречались со своими в центре нейтральной зоны. Я обнаружил их, когда сошлись метров на двадцать. «Неплохо работают», — подумал я, глядя, как они стелятся по земле, словно тени, не производя ни малейшего шума. У меня глаз наметанный, я привык различать предметы и улавливать малейшее движение во мраке.

По плану наш самостоятельный выход не предусматривался. Пароль не был назначен, и разведчики могли принять нас за врага. Чтобы не произошла беда, я вполголоса окликнул:

— Саша! Пролеткин!

Это было надежнее всякого пароля. Тени замерли.

Мы вернулись к себе. Встретили нас словно после долгой разлуки, заботливо подставляли миски с горячим борщом, подкладывали ломти хлеба.

И ждали рассказа.

Я взял большой лист бумаги, расстелил его на столе и стал чертить. Макагонов и Коноплев дополнили то, что не было видно из моей щели или ускользнуло от моего внимания.

Вывод был один: взять «языка» днем можно. Но тут же возник вопрос: как с ним вернуться?

Можно выползти ночью к проволоке, окопаться, подождать, пока гитлеровцы уйдут на отдых, и проникнуть в траншею. Если удастся — взять часового, если нет — блокировать блиндаж и в нем захватить «языка». А дальше? Придется бежать через всю нейтральную зону с «языком», а нас уже обнаружат. Однако выход был найден...

Следующей ночью в нейтральную зону вышел весь взвод разведки. Мы отрыли еще пять окопчиков, рядом с прежними. Землю унесли с собой те, кто не участвовал в налете. На день нас осталось восемь. Когда рассвело, я увидел всех своих вчерашних знакомцев.

Утро разгоралось веселое, солнечное. Впервые в жизни солнечный свет действовал на меня угнетающе. Мы привыкли ходить на операции по ночам и в яркий день чувствовали себя неуверенно.

Гитлеровцы были спокойны. Как и вчера, они оставили наблюдателей, позавтракали и улеглись отдыхать в блиндаже. На посту, против нас, стоял рыжий. Сегодня он был побрит. Рыжий походил по траншее и остановился около соседа слева. Они о чем-то разговорились.

Мы и не предполагали, что удобный момент наступит так скоро. Саша Пролеткин, выскользнув из окопчика, ужом подполз к проволоке, перевернулся на спину и торопливо начал резать проход. Разведчики, затаив дыхание, следили за ним и за гитлеровцами. Последних мы держали на мушке. А Саша быстро кусал проволоку ножницами, продвигаясь между кольями.

Гитлеровцы ничего не замечали, они стояли в стороне и продолжали разговаривать. Саша махнул рукой. Из щелей поползли к нему еще двое. И в это мгновение собеседник рыжего, который стоял к нам лицом, закричал, показывая на ползущих разведчиков.

Две очереди раздались почти одновременно. Гитлеровцы не то упали, не то присели. Мы кинулись к проходу. Колючки рвали одежду и царапали тело. Разведчики, назначенные для прикрытия, прыгнули в траншею и побежали — двое вправо, двое влево. Они стреляли из автоматов по немецким наблюдателям, а те, перепуганные, с криком убегали прочь. Я, с группой захвата, кинулся к лежавшим в траншее фрицам.

Рыжий был мертв. Второй оказался живым. На правом плече у него куртка была красная от крови. Фашист держал в левой руке гранату. Макагонов вырвал у него гранату и отбросил в сторону, потом схватил его за ремень и поволок к проволоке. Фриц отчаянно забился и завизжал тонким поросычьим визгом.

Из блиндажа выбегали фашисты. Я оперся о край траншеи и дал по ним несколько очередей. Двое свалились на пороге, остальные юркнули назад в блиндаж. Я продолжал стрелять по двери. Макагонов в это время уже был за проволокой.

Отстреливаясь, мы начали отходить. Саша Пролеткин с двумя разведчиками уже выбрался за проволоку. Они залегли и открыли огонь, не позволяя фрицам стрелять в Макагонова.

Как только мы оказались за проволокой, я дал красную ракету — сигнал нашим артиллеристам, стоявшим у заряженных орудий с натянутыми шнурами. Ракета еще не успела погаснуть, как земля дрогнула и черной стеной вскинулась вверх.

Мы вскочили и, пригнувшись, побежали к своим. Снаряды повизгивали над нашими головами, земля вздрагивала под ногами. Немецкую оборону заволкло пылью и дымом. Артиллерия гитлеровцев открыла ответный огонь.

Мы остановились в нейтральной зоне между двух шквалов огня. Сейчас здесь было самое спокойное место. Наш пленник испуганно прижимался к земле.

Когда канонада стала затихать, мы уползли в свои траншеи.

Остаток дня мы ходили радостные, возбужденные. Дерзкий налет удался. Но когда вдруг подумаешь о том, что было бы при неудаче, мороз подирает по коже!

Кто был в таких переделках, знает, что это такое!

Ефрейтор И. РУЖАНСКИЙ

Часовой

Ночь в рассветной дымке тихо светится.
Ни души.

Лишь часового контур.
Да луна,
да ковш Большой Медведицы,
Непривычно близкий к горизонту.
Часовой шагами землю меряет —

Крохотную часть Узбекистана...
Далеко московские окраины,
Далеко до отчего порога.
Часовой припомнил
руки мамыны,
Сына собиравшие в дорогу.
Пальцы крепко стиснули оружие:
Наше счастье
разве нам не дорого?!
Чтобы быть влюбленным в жизни
кружево,
Незачем иметь большую бороду.
Нами счастье с малолетства узнано,
Мы росли,
свободой к небу подняты.
Годы жизни
не тюками грузными,—
Легким шелком
над людьми свободными.
...Ночь в рассветной дымке тихо
светится.
Ни души.
Лишь часового контур.
Да луна,
да ковш Большой Медведицы,
Непривычно близкий к горизонту.
Часовой шагами землю меряет,—
Малую частицу нашей Родины...
...Над губой пушок нежестким веером,
На щеке коричневая родинка.

Младший сержант В. ДЬЯЧЕНКО

Бессмертные

Когда-то он спал вот на этой кровати,
За тумбочкой этой корпел над письмом
Той девушке,
Что берегла для солдата
Любовь
И ждала, и мечтала о нем...
Но воем сирены внезапно тревога
В казарму солдатскую к нам ворвалась
И...

Ветер шальной.
А степная дорога —
Липучая солончаковая грязь!
Сполохами зарево...
«Это же склады!..
Соседние склады с оружием горят!
Ведь там же—винтовки, патроны, снаряды...»
За ним —
Грузный топот бегущих ребят...
А пламя бушует все ярче и ярче,
И слышно, как бревна складские трещат...
«Успеть бы, успеть бы, иначе,
Какой же я, к черту, советский солдат!»
...С водою ведро на себя опрокинув,
Он в самое пекло с разбегу нырнул...
Не думал о том,
Что навечно покинул,
Не знал,
Что тогда он в бессмертье шагнул.
Он делал,
Как совесть ему повелела,
И шел,
Куда долг перед Родиной вел...
Стихия огня на глазах свирепела,
Рубаха бумагой коробилась, тлела,
А он обливался, ругался
И — шел!
Что сломит солдатскую гордую силу?
И есть ли что в мире сильнее ее?
Из склада последний снаряд выносил он,
До чуба курчавого весь опален,
Когда затрещала и рухнула кровля,
Роем горячие искры взвились.
...Живую пурпурной солдатской кровью
Знамена по ветру волнами лились,
Рыдали тоскливые медные трубы,
И плакал дождем грозовой небосклон...
Кусая сухие дрожащие губы,
Полковник склонился: герою поклон.
Солдаты нахмурились резче и строже,
Прощаясь с товарищем верным своим,
И всем показалось, что Родина тоже
Склонилась в молчании минутном над ним...
Мы служим. Идет за учебными днями
Недель боевых непрерывный черед...
Белеет постель, как всегда, простынями,
Как будто солдата-хозяина ждет,
Как будто с наряда
Придет он усталый,
На ней отдохнет
Или так полежит...
Жизнь отдал солдат не за громкую славу,
Но славу обрел
И, конечно, по праву
Меж нами навечно останется жить!

Молодому солдату

Во имя счастья и свободы,
Во имя наших мирных дел
Ты, юный труженик завода,
Шинель солдатскую надел.
В одном строю с тобою рядом
Стоят такие же, как ты,
Из Кишинева, Ленинграда,
С Кавказа, с Волги, из Читы.
Вы — боевые побратимы.
И цель у всех у вас одна —
Чтобы никем не победимой
Была Советская страна!

Капитан В. НАЗАРОВ

Небо зовет

Я стою под звездным океаном
И гляжу, прищуривая глаз.
Может, о Сатурне думать рано,
О Луне и Марсе — в самый раз.
 Нам ли к звездным высям не стремиться,
 Изумившим спутниками свет?
 «В наших жилах кровь, а не водица», —
 Это ведь о нас писал поэт.
Удивляться нечему, что завтра
Наши звездолеты полетят.
Родины посланцы-космонавты!..
Я на них всегда равняться рад.
 За таких всем сердцем отвечаю,
 Славлю их бесстрашие и труд.
 Эти никогда не измельчают,
 Не собьются и не подведут.
...Я стою под звездным океаном
И гляжу, прищуривая глаз.
Может, о Сатурне думать рано,
О Луне и Марсе — в самый раз.

Два слова

В руке телеграмма:
«Любимая, жди!»
Два слова,
А сколько волненья в груди!..

Два слова,
А сколько желанного в них!
Солдат возвращается.
Парень. Жених...

Какое бы платье
Сегодня надеть?
Какую бы песню
На радостях спеть?

В глазах васильковых
Дрожит синева,
И кругом от счастья
Идет голова!

Большой Калужанин

Я таким его представляю...
Сон Калугу сморил давно,
Только в домике где-то с краю
Полыхает зарей окно.

Обыватель — калужский житель —
Судит-рядит спросонья так:
«Маракует глухой учитель.
Что не спится ему? Чудак...»

Если б ведали-знали люди!..
Чай остыл. До него ль сейчас?
Может, в сотый чертеж ракеты
Врос романтика жадный глаз.

«Все ли верно? Пока не поздно —
Тыщу раз переделай. Так,
Чтоб, стартуя в простор межзвездный,
Поклонился тебе земляк,

Чтобы вспомнил: не зря, пожалуй,
Коротал Циолковский век...»
Город спит. Лишь один калужанин
До утра не смыкает век.

Критическое положение

Веселый рассказ

С Лизой я познакомился на швейной фабрике. Мы туда на экскурсию пришли. Товарищи, конечно, машины разглядывают, а я все больше на Лизу смотрю. Хороша она! Брови шелковистые, взгляд лучистый,— стою возле нее и глаз не могу отвести. Ефрейтор Ложкин, секретарь нашей комсомольской организации, на язык остер. Проходит мимо и подковыривает:

— Что это ты, Снегирев, все у одной машины стоишь? Уж не пришел ли? Смотри, чтоб потом пороть не пришлось.

Застеснялся я, отвечаю:

— Откровенно говоря, не пришлось еще. Машиной люблюсь — забавная. Строчит, что мой автомат.

А машина и вправду очередями сыплет: тра-та-та-та, тра-та-та-та. То длинными, то короткими. Руки Лизы проворно снуют, строчку за строчкой гонят.

Однополчане уже в конец цеха ушли, а я и впрямь — будто пришитый. Хочу с девушкой заговорить, да слов не нахожу. Лиза тоже молчит, только голубые глаза нет-нет да стрельнут из-под русской челки. Стрельнут — и спрячутся, стрельнут — и опять спрячутся.

Дальше молчать стало неловко. Решился я и спрашиваю:

— А можно на столик руку положить?

Лиза улыбулась:

— Пожалуйста, кладите, машина не кусается...

И до чего же было обидно — только мы разговорились, подошел Ложкин. Он смело подал девушке руку, вежливо попрощался и, обращаясь ко мне, пробасил не совсем к стати:

— Вы, Снегирев, как — домой идете или на сверхсрочную здесь останетесь?

...Много времени прошло с тех пор: Лизу я больше не видел, хотя часто думал о ней. И вдруг...

В этот первый майский день жаркие солнечные лучи неудержимо лились в открытые окна Ленинской комнаты. Шаловливый ветерок охапками бросал в них смешанные запахи сирени и вишни. Радуюсь весне, за окнами громко чирикали воробьи. В комнате я был один. Рота готовилась к показательным спортивным соревнованиям. Проводились они в честь гостей, которые должны были сегодня прибыть к нам на Первомайский праздник.

Едва я успел запечатать письмо, которое написал бабушке, как вдруг открылась дверь и в комнату вошел несколько смущенный ефрейтор Ложкин, а за ним группа девушек. Все они были нарядны и, как мне показалось, очень походили друг на друга. Девушки хором сказали: «Здравствуйте!», а Ложкин подчеркнуто вежливо пробасил:

— Товарищ Снегирев, оставляю гостей на ваше попечение — минут на пять, не больше. Покажите им оформление комнаты, а я доложу командиру, что шефы пожаловали.

Извинившись перед девушками, Ложкин вышел.

Я растерянно смотрел на девчат. Никогда мне еще не приходилось выполнять такое сложное поручение. Но выхода не было, и я пошел к фотогазете, а девчата обступили меня с обеих сторон.

Долго соображал, с чего начать, и, наконец, решившись, заговорил торопливо и, как мне показалось, не своим голосом:

— Снимки эти, откровенно говоря, наш ротный запеваля изготовил. Сергей Снежинкин. Хорошо поет, Шаляпин — и только! А вообще-то здесь солдаты изображены, и облака вот над ними. Сами, небось, видите!

За спиной кто-то хихикнул, и мне стало ясно, что начал я не с той ноты. Чем бы дело кончилось, не знаю, если бы не раздался знакомый голос:

— А вас здесь почему-то нет, товарищ Снегирев...

Я повернулся и окончательно лишился красноречия. Передо мной стояла Лиза, стройная, серьезная. «Так вот откуда гости пожаловали», — подумал я и, машинально подав девушке руку, протараторил:

— Здравсьте! Сколько лет, сколько зим! Откровенно говоря, какими судьбами? Гора с горой, так сказать, сошлись... А на снимке, извините, меня нет, на кухне присутствовал, наряд вне очереди. Понимать надо!

И дальше понес такую чепуху — откуда только дар речи взялся! Не знаю, что бы я еще намолол, да только остановила меня девушка с толстенькими косичками. Хохотушка такая. Громче всех смеялась.

— Скажите, а это приятно, наверное, получать наряды, да еще без очереди? Я так люблю наряжаться!

— Очень, — говорю, — приятно. Получишь, а потом целые сутки на радостях, как угорелый, ходишь.

У доски отличников я бойчее повел себя, обвыкаться стал. Все подписи под фото одним махом прочитал, будто язык мне солидолом смазали. Лиза по правую руку стоит, внимательно снимки рассматривает. И вдруг говорит:

— А вас, товарищ Снегирев, и здесь почему-то не видно...

Я почувствовал, что лицо мое стало вытягиваться. Хохотушка на выручку поспешила:

— Ну что вы, девушки, напали на человека. Товарищ, вероятно, отсутствовал, когда фотографировали. Может быть, он в это время в гардеробной старшины был, наряды примерял...

Заплясали у меня снимки перед глазами. Смотрю на нашего лучшего пулеметчика Федю Шилова и не узнаю. Лицо вроде его, а уши к нему ефрейтора Свечникова приставлены, здоровенные такие! Вот, думаю, выручила! И куда только запропастился Ложкин?

Наступила неловкая тишина. И вдруг кто-то воскликнул:

— Смотрите, какая яркая стенгазета! Интересная, должно быть.

В ушах моих зазвонили колокола. Казалось, сотня пожарных машин въехала в комнату. Широко расставив руки, я решительно прервал гостям доступ к газете.

— Извините, — говорю, — туда нельзя. Там... военная тайна написана.

А сам сразу же представил такую картину: смотрит Лиза расширенными глазами на двойку, которая крепко ухватила меня большими щипцами за нос, и говорит печально: «А здесь вы очень похожи, товарищ Снегирев».

Хохотушка обязательно бы на выручку пришла. Наверняка бы сказала: «Страна должна знать своих героев. По носу и прищепка досталась!»

К счастью, этого не случилось. Дверь открылась, и в комнату подчеркнуто важно вошел ефрейтор Ложкин. Его сопровождала группа комсомольцев.

Ребята пригласили девушек на стадион. Соревнования вот-вот должны были начаться.

А вечером все собрались в клубе. То ли так совпало, то ли еще почему, а только мы с Лизой сидели рядом. Откровенно говоря, не без зависти смотрел я на пулеметчиков Шилова и Свечникова. Они сидели за столом президиума рядом с командиром части. В президиуме были и девушки с фабрики. Но, несмотря на зависть, настроение у меня было бодрое. Моя рука касалась руки Лизы, и девушка не возражала против этого. И я стал думать о том, как бы попасть в число тех, кто будет провожать девушек. Но когда, после краткого вступительного слова командира, председательствующий объявил: «Слово для доклада предоставляется ефрейтору Ложкину», мне стало не по себе. Кому-кому, а мне-то известны доклады Ложкина! Один на один, как две капли воды, походят. И все критика!

На всякий случай я отдернул руку от Лизиней руки.

Ложкин говорил сперва о дружбе и шефстве, потом стал называть имена отличников. Перечислял долго — примерных солдат у нас много, а потом начал рубить, что называется, с плеча:

— Но не думайте, дорогие гости, что у нас все хорошо учатся, с душой исполняют службу...

Я подальше отодвинулся от Лизы, вобрал голову в плечи. А Ложкин разошелся — не удержать. Есть, говорит, у нас солдаты, так сказать, тяжелые на подъем. Мало их, но есть. Дисциплина у них хромает и лень обуяла, Имена их...

Меня будто стеной придавило. На Лизу совсем не смотрю.

— Имена их я сейчас... называть не буду, верю, что к следующему вашему приезду они станут хорошими солдатами. Ну, а если нет...

Горячее всех аплодировал Ложкину я. Нет, пожалуй, еще и Вася Стегин. Он у нас тоже лодырь большой. Речь ефрейтора проняла меня, что называется, до слез. Хороший все-таки у нас секретарь, не подвел! На радостях я даже не заметил, как моя рука снова легла на руку Лизы.

А через несколько месяцев мой портрет висел на Доске отличников. Не верите? Приезжайте, сами увидите. Он и сейчас висит.

Медсестра

Мне с детских лет
Знакомо это слово.
Я много слышал
От солдат о нем,
Испытанных
В сражении суровом.
Не раз, не два
Проверенных огнем.
А ныне это слово
Произносят
Мои друзья
С душевной теплотой:
— Сестра, водицы,—
Заболевший просит.
— Еще, сестра,
Минуточку постой...
...Сестра в палате
Ночи проводила,
Когда в бреду лежал я
Чуть живой.
С лекарствами
Вливала бодрость, силу,
Забыв на время
Отдых и покой.
Теперь понятней
Слово мне.
Не скрою —
Я смысл его
Душою разгадал.
Ее зовут
Все войны сестрою,
А я б по праву
Матерью назвал.

Старший сержант запаса Е. ВИДОНОВА.

Туркестани, бэ

По пескам указана дорога.
Вязнут ноги, воздух раскален.
Командир заботливо и строго
Оглядел уставший батальон.
До бровей бойцы от пыли серы,
А шагать еще немалый путь.

Гимнастерки, словно из фанеры,
Просолены потом — не согнуть.
И ему, комбату, ворот тесен,
Хоть и не в новинку тут служить.
Чем труднее путь — нужнее песня,
Без нее солдатам не прожить.
— Запевай!—

И с песнею чеканной
Взвод за взводом плечи расправляя,
Саксаул у дальнего бархана,
Как малец, на цыпочки привстал.
И не верит он, король пустыни,
Что вот тут в песках поет народ,
Где с небес, от зноя тускло-синих,
Солнце с каждым часом поддает...
Но поют бойцы, за ротой рота...
И комбат поверил всей душой:
Если здесь управилась пехота,
Доведется — выиграет бой!
А вернутся в лагерь туркестанцы,
Смоют пыль походов и бросков,
Наведут опять на кирзу глянец,
Будто и не видели песков.

Твой ровесник

Суть не в этом — улицею сельскою
Или же притихшим городком
Ты идешь под звездами апрельскими
С самым лучшим в мире пареньком.
Шелестят акации над крышами.
Ночь да вы — на целый свет вдвоем,
И едва ли вы сейчас услышали
В дальнем небе самолетный гром.
Вам любовь, как ласточка залетная,
Подарила песенку свою.
А ведь где-то есть дорожка взлетная
И аэродром в глухом краю.
Там сейчас не думают об отдыхе
(Пусть сегодня не об этом речь).
Ваш ровесник в эту полночь в воздухе,
Чтобы ваше счастье уберечь.

Рассказ командира

Еще сто лет на свете проживу,
Но и тогда забыть смогу едва ли,
Как мы стояли насмерть за Москву,
И все ж ее врагу мы не отдали.

...От силы в месяц раза два тогда
Я брил пушок, начавший пробиваться,
Над чем не забывали иногда
«Бородачи» во взводе посмеяться:

«Петро и взводным стать уже успел,
Хоть каждого, считай, из нас моложе,
А все же мало каши, видно, съел:
С усами, бедный, справиться не может!»

Шел день за днем, за боем — новый бой,
Во взводе об усах давно забыли:
По шраму над обветренной губой
О возрасте моем теперь судили.

Теперь со мной о всех своих делах
«Бородачи» охотней рассуждали
И, спящего, в землянке на ветвях,
Не раз своей шинелью укрывали.

Забыть ли мне команду: «Взвод, за мной!»
И посвист мин, и танков громыханье...
Как что-то разорвалось за спиной,
Потом... потом неделя в бессознание...

Очнулся: нары... голова в бинтах...
На стуле рядом — девушка в халате...
И снова закружилось все в глазах,
И снова в бой идут со мной ребята.

А днем спустя пришел ко мне солдат,
Что шел в свое село родное с боем,
И весть принес мне горькую в санбат:
— От взвода нас осталось только двое.—

Достав кисет, добавил тихо он:
— Еще бы, может, жил во взводе нашем
Насмешник безобидный Агафон,
Да он тебя прикрыл от мины вражьей!—

Еще сто лет на свете проживу,
Но и тогда забыть смогу едва ли,
Как мы стояли насмерть за Москву,
И все ж ее врагу мы не отдали!

На марше

Пурга бежит по полю
Разведчицей врага.
Глаза солдатам колет
Иголками пурга.

Под ветром дрогнут зябко
Снега, бинтов белей.
Рыдает горько бабка
Над грудями углей.

...Спешим, разрывы близки,
До фронта час пути.
Патроны сжаты в диске,
Как ненависть в груди.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ДНЕВНИК

Вместо предисловия

Летом 1949 года, положив в карман пиджака творческую командировку от журнала «Новый мир», поэт Семен Гудзенко поехал в части Туркестанского Военного округа. Ему было тогда всего 27 лет, но большая часть его взрослой — если так можно сказать — жизни была связана с армией. Девятнадцатилетним юношей-студентом он пошел добровольцем на фронт: служил в парашютно-десантных частях, участвовал в рейдах по тылам врага, был тяжело ранен. По выходе из госпиталя снова пошел на фронт и провоевал до конца войны. Несколько первых книг его стихов были целиком связаны с Великой Отечественной войной, с нашей армией, это были книги непосредственного участника войны, молодого солдата, для которого армия оказалась школой мужества, школой благородного человеческого воспитания.

Война окончилась, но армейская тема продолжала волновать поэта. И вот у него возникла мысль, поддержанная редакцией «Нового мира», написать новую книгу о нашей армии мирного времени.

С этим была связана первая поездка Гудзенко в Среднюю Азию; результатом этой поездки оказалась талантливая поэма «Дальний гарнизон», посвященная жизни воинов Туркестанского Военного округа.

Поэма была закончена, напечатана, высоко оценена печатью и читателями, но поэту захотелось вновь вернуться к этой теме, поехать опять в те места, которые он полюбил, встретиться с людьми, с которыми он душевно сблизился.

Осенью следующего, 1950 года, Гудзенко вновь поехал в части Туркестанского Военного округа.

Результатом этой второй поездки был большой цикл «Туркестанских стихов», внутренне продолживших его поэму «Дальний гарнизон».

Отрывки из дневников Семена Гудзенко, к которым я пишу это маленькое предисловие, как раз и связаны с этими двумя его поездками в Туркестанский Военный округ. Это рабочие заметки человека, хорошо знавшего нашу армию, любившего ее и много думавшего о том, какое нелегкое, но необходимое и благородное дело — армейская служба не только в военное, но и в мирное время. В этих дневниковых записях нашло свое отражение и то, что наша армия — это армия народа, горячо отстаивающего мир, и то, что это, одновременно, армия, всегда

готовая мужественно встать на защиту своего Отечества, на защиту завоеваний революции.

Думается, что и сейчас, через двенадцать лет после написания и через восемь лет после безвременной смерти поэта, его армейские дневники будут с интересом прочитаны и армейским и штатским читателем. В них есть подлинное знание жизни, есть душа и ум — поэтому они не постарели за минувшие годы.

Константин СИМОНОВ.

Год 1949

Ташкент. 1 июня.

В Голодной степи, которую еще Ленин мечтал озеленить, идут грандиозные работы. Там, впереди, бывшие фронтовики и солдаты-туркестанцы. Вот она, реакция после войны! Читай, Ремарк!!! Подрывники рвут землю на голодностепском канале, строят Ферганскую ГЭС и другие ГЭС на каналах. Туда зовут добровольцев, предупреждая их, что в степи нелегко. Интересно.

Все, с кем ни говорю, от генерал-лейтенанта до старшины — разному, но с гордостью говорят о Кушке и просят разбить миф о ее ужасах. Хотя мне кое-кто и говорил, что сидел на гауптвахте за отказ ехать туда. Это слюнтяи, любители удобств и денег.

Учеба идет всюду. И это чувствуется во всем.

7 июня. Казарма.

Первую ночь провел в казарме. Вечером, после разговора с лейтенантом Чепуриным—ладным, в португелях, в приспущенных гармоникой сапогах, длинноватым и широкоплечим, ровесником, мало воевавшим, но очень полюбившим воспитывать солдат,—прошел по пустым еще казармам. На крыльце одной из них играл на аккордеоне солдат, а вокруг пели. Я решил, что аккордеон—это трофей войны. Нет, оказывается, сержант с 1944 года копил деньги, чтобы приобрести эту музыку. Теперь ночью, когда я вернулся, он еще перебирал лады.

— Что делаете?

— Учусь. Днем времени не хватает.

Его отправили спать. Он урывками учится. Так и старшина Михеев, в каптерке которого я спал, мечтает выучиться на шофера, хотя танки всех мастей водит. Танки и машины, война и мир — вещи разные.

Неожиданно быстро разговорился со старшиной Михеевым и сержантом Аржановым — сибиряками, хорошо повоевавшими. Они о себе подробно рассказали: как нужны их руки дома, как затянута служба, но — но международное положение не позволяет! И о новобранцах. Пришли новички.

Михеев рассказывает:

— Я до 1947 года не знал, что такое увольнение в город. Все в землянках да в пути. А их как на курорте встречали.

В этом рассказе нет неприязни, есть гордость за путь фронтовика и в то же время понимание того, что армейская жизнь меняется: главное не воевать, а воспитывать.

О себе, уже когда легли, он хорошо рассказал: как приехал домой, как бросил вещи у знакомой и двадцать пять километров шел по боло-

там, по грудь в воде, шел семь с половиной часов, потому что забыл дорогу. А на вечерке в селе (за Омском, вверх по Иртышу) его не узнали, — родная сестра не узнала, мать в обморок упала.

И Аржанов говорил, как девушки подросли, как ровесницы стали женщинами и матерями.

Вопрос «жди меня» и сейчас важен для солдат.

Офицер, как учитель, по фамилиям должен знать солдат, сержантов.

Начинается день в батальоне.

Развод на занятия.

— Здравствуйте, товарищи курсанты! (солдаты!).

— Здрав желаю, товарищ майор!

И эхо все это точно повторяет. Стоят бойцы в панамках, сержанты в пилотках. С медалями, орденами.

С утра, часов с 5-ти (подъем в 5—6), знакомый стук шагов, команда: «Выше колено!», «Песню!» — и песни — ладные, бодрые — в еще не окрепшей жаре. Утро прохладное.

Занятия по теме «Великая Отечественная война». Четко, грамотно отвечают курсанты. Может быть, мне кажется, но они и лучше нас (в 1941) учатся, и четче у них шаг, и сложнее песни. Наверно, кажется.

Строй с песней, даже взводный, производит на меня неизгладимое и сентиментально-располагающее впечатление.

Михеев — очень хозяйственный, глубоко порядочный, и это у него в крови. Так армия укрепляет сильных людей: их «заграница» не могла погубить.

— Посмотрите на соседние казармы — стыд. А мою побелили, крышу саманом сам залатал.

О брате, который бросил жену с детьми и ругает мать:

— Я ему написал, что ты ведь мне теперь за отца и должен учить жизни, а сам что делаешь?

На войне братья Михеевы списались и решили встретиться, но поехав по параллельным шоссе — Берлинскому и Бреславльскому — разминулись.

Рота выходит на марш.

Напевая, солдаты чистят, протирают оружие, лопаты.

Потом их строят, комроты объясняют задачу, кто плохо обут — здесь же на земле переобувается, перематывает портянки. Комроты спрашивает:

— Больные есть, освобожденные? Шаг вперед!

Но, как на войне, с первого раза никто не выходит, хотя до построения кое-кто роптал, жаловался. Но вот один за другим выходят несколько человек. Я жду, что выйдет левофланговый, худенький, в больших сапогах. Но он не выходит. Вышли довольно сильные хлопцы: у одного прокол ноги, у другого малярия. Вот это первый шаг слабования. Помню, как я заставлял себя не делать этого в походе в 1941 году.

Но вот ряды еще раз сдвоены — и рота выходит.

Марш начался.

Пыльный большак и усыпанная галькой проселочная дорога. Степь и песок и пшеничные, уже дозревающие, массивы. Рота идет повзводно, на привалах заваливаются в кюветы, в ямы, задрав ноги, или садятся в колючие зеленые кустики. Жара. На привале, мне, пожалуй, даже не поверят, старший сержант Алексей Минин достает томик А. С. Пушкина «Драмы» и начинает звонко вслух читать из «Бориса Годунова». Рядом сидят его дружки, старослужащие, им, ходившим на

войне по 150 километров, этот марш — орехи. Они улыбаются, слушают.

В каптерке сладковатый запах махорки.

Вывесил на стенку старшина свои ордена и медали.

Вместо пепельниц — гильзы от снарядов, панцирь черепахи — трофей: пустыни.

Разговорился с сержантами. Хорошо знают Твардовского. Сержанты воевали; тут и хохол Лавриенко, и тяжеловатый, с Азовского моря — Бедный, — поэт, частушечник, образованный. В своем углу, чуть отделившись от курсантов, они читают вслух Чехова и хохочут.

Старшина Михеев великолепно командует ротой, но как солдат уже перезрел — томится без дела, часто спит, просится в отпуск. Такой же Аржанов — писарь роты, восвал. Это нормальная реакция фронтовиков, прослуживших долго, но не считающих военную специальность своею навсегда.

8 июня.

В 6.30 урок по вождению танка. На ровной пыльной площади туркмены объезжают скаковых коней. Кони привыкли к танкам. Курсантов учат — плавно, не рвать; регулируя газом, начинать движение. Они ходят по кругу. «Любишь кататься — люби и таночки водить!»

Караульный Крутовский читает «Рудина». Как это ни странно, классическая книга крепче дружна с армейцем, именно дружна — она не выходит из взвода, из роты: Чехов, Пушкин, Тургенев. Новинка прочитывается и, если даже запоминается, — вылетает из подразделения, не задерживается.

Опять вел беседу с курсантами. Ребята они хорошие. Говорили о том, как трудно привыкать к военной службе, о том, что девушки не дожидаются. Вот у курсанта В... жена уже вышла за его товарища. Потом вели разговор о том, что есть и хорошие жены, девушки. Женат бывший шофер Виноградов. Он положительный человек, но, как всякий шофер, привыкший подчиняться только себе, с ленцой, не хотел вчера идти на марш. Ребята чистили старательно оружие, в сапогах, трусах, майках. И вдруг их прорвало, и они, похвалив сержанта Бедного, старшего лейтенанта Бронникова, которые «как отец родной» справедливы, внимательно объясняют все, не срамят перед всем взводом, а делают внушение в уголке, — ополчились против лейтенанта Ч... Мне стало ясно: Ч... — отличный спортсмен, ходок, стрелок и, по молодости и не очень большому уму, а также некоторому пижонству, обижает курсантов. Он не строг и не справедлив, он — драчлив, раздражительно придиричив. Ребята хвалили капитана Пинчука (он до 15-го в отпуске). О нем тоже — как об отце, как о человеке, которого все уважают за то, что болеет за роту, не грозит, не дает взысканий, а учит, натаскивает, советует, опекает.

Да, да, опекает. Их еще надо опекать, не раздражаясь и не насмехаясь, объяснять по нескольку раз, и результаты будут потрясающие.

Есть среди них и такие, которые решили стать офицерами. Неожиданно таким оказался слабенький, рыжий, весь в крупных веснушках,

бывший оптик Акинин, который из карабина на стрельбах сегодня ни разу не попал.

На стрельбах среди увалов, песчаных и лессовых осыпей и бугров стоят машины. Стук автоматов, звонкие выстрелы из карабинов, которые больно отдают в плечо. Солнце палит невыносимо. Ребята стреляют, повторяют положение о стрельбах и условиях. Почти все увлечены, краснеют промазавшие.

9 июня.

Вчера узнал о том, что у сержанта Журавлева осуждена мать на 15 лет за кражу зерна. Майор Кальченко посоветовал затребовать копию приговора, помог написать прошение в Москву, дважды отпускал сержанта. И вот вчера пришло письмо. Мать уже дома.

Сейчас вернулся из отпуска рыжий курсант Либубер. У него умер отец. Он говорит дневальному:

— На заводе меня так приняли! Отца хорошо похоронили, и памятник хороший.

Было бы странно, если бы было по-другому.

В армии любят веселых и справедливых командиров, понимают острое слово. Взахлеб рассказывали мне сержанты М. Швецов и В. Бедный — добрые фронтовики — о своем командире полка, который когда-то был старшиной в роте И. Е. Петрова. О его прибаутках и речах на разводе и поверке.

Ехал на самоходке. Ее вел курсант Лобода. Он волновался, все время говорил:

— Тушуюсь, а теоретически знаю.

Он рвал с места, не мог регулировать газ. Пылища дичайшая — в переднем люке стоит солнечным столбом, как в соборе.

Дружба у старых солдат — отличная, веселая, подшучивают друг над другом.

На Украине тактические занятия отдых — природа какая! А здесь пески — выйдешь и сразу язык на плечо.

10 июня.

Сегодня с утра поверка. Марш со знаменем, стрельба, строевая, устав.

Курсант Ткачев плотничает. Упрямо копил и купил фотоаппарат. Деньги зарабатывает, делая по ночам чемоданы из фанеры.

Шевцов — старый солдат, хранит немецкую карту последнего района боев за Потсдам.

Старшину собирают в отпуск. Старший сержант Шевцов дал ему свой гвардейский значок и орден Славы. У того утеряны. Дают чемодан, идут провозить.

Солдат-мечтатель навел зенитный пулемет и задумался, глядя внимательно, неотрывно.

— Чего видишь?

— Синее небо...

«Кухня, кухня, я «сачок», дайте каши черпачок». Это солдаты смеются над симулянтами — «сачкующими».

Когда к Шевцову приходит в гости его старый друг из другой роты, он читает ему что-нибудь из Чехова и заразительно смеется.

Я, как старик, умиляюсь ребятам. Мне будет трудно с ними расставаться, какие они разные, развитые, сильные и веселые.

11 июня.

С утра на стрельбах. Лагерь палаточный, невдалеке от города. Артиллерист — старший лейтенант, который экстерном окончил 2 курса юридического факультета, вел стрельбу из орудия по «танкам». Это макеты-диновки из камыша на металлическом каркасе и салазках, которые подтягивают на тросе, наматывая его на колесо машины. В пустыне еще не выгорела вся колючка, зеленые кустики, песок, жаворонок висит — восходя вверх и бросаясь вниз... Я смотрел в стереотрубу: как в фотоаппарате — ясно, четко и близко весь пейзаж и мишени. Потом поехали на полигон, где учатся пулеметчики. Почти все танкисты. Брала Берлин. Танки идут, пыля, стреляя из орудий и пулеметов. Носков говорит, что 5 лет тому назад они боялись выехать в барханы — их напугали, что в песках от жары умирают в танках.

Танки возвращаются, гремят. Рядом бьют ручные пулеметы. Жаворонок не унимается. Еще стоят столбы пыли после разрывов. Кажется, что война не прекращалась.

Двенадцать верблюдов. Ведет их один старик на ишаке. Саксаул укреплен двумя связками с боков. А рядом танки.

12 июня.

Туркменский дождь — пыльные столбы до небес.

Как дети, солдаты несут мне по вечерам альбомы с фотографиями — из дома и уже армейскими: скуластые братишки, сестры, девушки с косами, курносые.

Просто, не стесняясь, дают кипы писем.

Старшина Саржантаев из Зайсана, татарин, аккуратный, маленький, подтянутый. Он ведаёт учебными классами. Хочет учиться дальше. Хороший знаток танка.

— Техника идет вперед. Все учатся. Приеду домой, пойду учиться. Мы в армии ставим вопрос о вечерней школе.

Взвод пришел с учения — соль на гимнастерках выступила.

Солнце нехотя сдает пост молоденькой луне, дает наставления, указания.

Крутовский — курсант, 1928 года рождения, из Талды-Кургана. Кончил семь классов, учился 6 месяцев на сапожника, стал мастером и появились свои ученики. Отличник круглый. Примерный, уважаемый солдат. Учится легко, но привыкать было трудно, да и заинтересованности не было. Занимается прилежно и много, а в первые дни казалось, что не хватает времени. Он сидит рядом, стирает гимнастерку, погоны. Конечно, ребята многие смеются над маленьким, лопухим Крутовским, но он себя в обиду не даст. Машины, старые танки

зовет ласково «лайбами» или «гробами с музыкой». Хочет быть офицером. Конечно, молодому парню быть сапожником не по душе. Из дома пишут, что трудно с обувью, с лесом для крыши, но корова есть, хлеб есть и живут неплохо, живы, здоровы, чего тебе желаем, учись, сынок. Пишут о налогах: на корову 220 литров в год. Большой налог. Отец-старик пишет: «Учись, если есть возможность». Батя пишет, что он был солдатом в старое время и знает: если будешь следовать уставу — нигде не пропадешь. Одно плохо — мало пускают в город. Послал фотографию, родные пишут: «Почему такой худой, может, болен?» Но он не волнует домашних, не просит денег, как некоторые.

В армии «заочницами» называют девушек, с которыми переписываются, не зная их.

Крутовский говорит, что он письма девушкам пишет в стихах.

14 июня.

Венедикт Бердюгин из Семипалатинска. Его дядя — шофер — Павел Тарасович Плоскачев, брат матери, служил здесь же, в Краснознаменной кавалерии в 1928 году, жил в той же казарме. Там, где теперь танковый парк, были конюшни.

Урок по электрооборудованию ведет лейтенант Безукладников. Ясно, что такие предметы расширяют кругозор молодого паренька из села, из захолустья. Электричество идет в танки для запуска, для освещения, для поворота башни, для спуска пушки и пулемета, для вентиляции, для связи. Курсанты дремлют, и лейтенант неожиданно командует: «Встать!» Они встают, садятся, и сонливость исчезает.

15 июня.

В песках — как в доменной печи.

На саженцах — маленьких, художочных — привязаны бирки из фанеры с фамилиями солдат, посадивших деревца.

16 июня.

В 5 часов заехал генерал. Дорога. Снова с утра стрельба. Пустыня еще не раскалена, поют жаворонки, как в степи. Пахнет травами. Гвардии старший сержант А. Киноти, наводчик В. Лавриков стреляют по танкам прямой наводкой. Попадания отличные. Гремит оружие, облака взрывов заслоняют танки, которые плывут по увалам.

Офицеры бегут к мишеням — они увлечены, веселы. Это энтузиазм бывалых солдат.

В 5—6 часов в пустыне прохладно, в 7—8 начинает припекать, а потом в палатке 50 градусов и выше, как в домне, как в бане.

Всю ночь в палатках идет обсуждение дневных стрельб. Непосвященному непонятно, что значит: «клянул снаряд», «стрелял с минусом», «стушевался наводчик».

Танк вел курсант. Он засел в яму, основной водитель прибежал — ему жаль родную машину. Человек с танком, как и весь экипаж между собой, необычно дружны — семья... Лязг гусениц, рев моторов.

Танки плывут по пескам, покачиваясь, как на волнах, на сыпучих ребристых барханах. Покачиваются и пушки, как хоботы. Песок густой пеленой, как дымовая завеса, застилает всю машину до башни, забивается в люки, во все отверстия.

21 июня.

Всю дорогу парень-украинец рассказывал о чудесных видениях в Ташкенте, Фрунзе — все вплеталось в его рассказ, получая значение и необычайность: и трамваи, и чай, и девушки, и дожди, и хлеба — с головой укрывающие. Второй его земляк — шофер на «студере» из каракулеводческого совхоза. Здесь же ехала молодая туркменка с дочкой и сестрой, старик-туркмен — в прошлом учитель. В соседнем купе ехали выводок женщин-спекулянтток. Их встречали на всех станциях. Что-то передавали, ругались, считали деньги. Одна — массивная голова — поучала младших законам и традициям ремесла. А шофер, отвозивший мать к отцу в Киргизию, где купили новый дом, старик-учитель, подсевший туркмен-кооператор, люди трудовые с неприязнью говорили о «тех».

22 июня.

Прибыл в Кушку, которую знал по школьной географии. В долине, зажатой холмами, лежит поселок Кушка, дома — по холмам, холмикам, увалам. Я уже слышал о всех достопримечательностях — хорошей воде, кресте в честь 300-летия дома Романовых, холодных ночах, ветре-афганце.

Командир части — рыжеватый, худошавый — ходил по саду (возле штаба). Это сад будущего — пока там только саженцы урюка да трава по колено в воде. Урючины посадили в этом году. Здесь же есть участок, буйно заросший карагачом, акацией, вербой, кленом, тополем. Это — питомник. Озеро сделали, в нем купаются солдаты, вода проточная, чистая.

Говорят, Куприн писал здесь «Поединок». Если это не так, то любопытно, как народный слух, молва.

23 июня.

Был на строевом смотре. Сразу бросается в глаза разница с танковыми частями. Здесь больше простых крестьянских парней. Командир и его замполит чем-то похожи друг на друга, как жена и муж после долгой совместной жизни. Пели «Взвейтесь, соколы!» Маршировали под оркестр, и я чуть не прослезился, когда шли за знаменем, чеканя шаг. Что с нервами? Конечно, у пехоты вид бедный, незащищенный. Пехоте трудней — меньше лоска, достатка, уверенности.

Лазил в гору к знаменитому кресту (300-летие Романовых). Говорят:

— Вы едете в Кушку? Там крест.

Однажды мне даже сказали:

— Крест каким-то Романовым...

На кресте, как на горах Крыма, краской — фамилии, прибыл или убыл, число и больше ничего. Наверно, грустя при прибытии и веселясь, убывая.

«Гарнизону и рабочим депо крепости Кушка.

Президиум ЦИК Советов ТССР, отмечая боевые заслуги бойцов и рабочих крепости Кушка, с беспримерным героизмом отстоявших в период гражданской войны от натиска белогвардейцев крепость Кушка, оказавшуюся в то время, с падением Мары и Байрам-Али, советским островком в тылу у белогвардейцев; не поддавшихся авантюре белогвардейских парламентаров, прибывших в крепость Кушка с целью достигнуть соглашения для извлечения из крепости всего боевого снаряжения; сумевших, имея всего 30 человек гарнизона, с десятком рабочих депо под ближайшим руководством бывшего генерал-майора Во-

стросаблина отбить атаки белогвардейцев на крепость и спасти военные богатства крепости Кушка, впоследствии использованные для снабжения частей Красной Армии всего Закаспийского фронта,— награждается орденом Трудового Красного Знамени.

Был на суде. Жара. Судят старшину-фронтовика, который самовольно ушел к девушке часов на пять. Душно, у защитника-туркмена расстегнута рубашка. Лениво задает вопросы свидетелям — сержантам — председательствующий. Потом говорит прокурор и туркмен-защитник. Как я ни чувствую правоту суда — мне он кажется жестоким, хотя без суда нельзя.

Сейчас армия очень хорошо подготовлена, сплочена, в 46-м этого еще не было — была послевоенная вольница.

Казах-минометчик увлеченно рассказывает о стрельбах, о том, как командир его похлопал по плечу и сказал: «Молодец», о том, что командир ему обещал отпуск. У казаха сердитое скуластое лицо, а парень он отличный, милый.

24 июня.

Читаю «Поединок» Куприна: какая пропасть между прошлым и настоящим отдаленных гарнизонов, какая разница — в основном, в сердцеvine, хотя детали повторимы.

Залез на гору и, как всегда, разговорился с солдатами. Начало всех разговоров: жалобы на отсутствие отпусков, неподходящее обмундирование. Красивый сержант из-под Орла, в трусах и шляпе из газеты, он весь в татуировке—на руке кушкинский крест и надпись: «Кушка»; веснушчатый, маленький крепыш из Ташкента; мордастый, положительный сержант и много других — ввязывались в разговор. Интересного много. Вчерашний старшина Лысов осужден на год. Солдаты, конечно, недовольны. Рассказывают, как трудно служить, но загорелись, когда речь зашла об успехах батальона. Я хотел пойти на тактические учения, но они мне сказали:

— Пехоту нашу пешком не догонишь! И на «виллисах» догнать трудно. Мы быстрее танка идем.

Пехота здесь, действительно, хорошо натренирована, вынослива: марши — 150 километров — по пескам, по увалам делают без напряжения.

Бич Кушки—южный ветер—афганец. Он, как по расписанию, дует с 11-ти часов до 4-х. Песок, поднятый ветром, закрывает солнце, в походе приходится одевать противогазы, спать, завернув голову в шинель, утром трудно вылезти — столько намело песку.

Бывает, что, попав в смерч, солдаты отбиваются от колонны и вынуждены ночевать в пустыне.

Ездил в лагерь. В палатках оставлены земляные «кровати» — нары, насыпи, на них циновки из мяты, полыни, а поверх полная постель. Низенькие, чуть повыше палаток, топольки, вербы прикрывают от песчаных дождей; вода подпочвенная неглубоко, и она идет на умывание. Все устроено очень любовно: погребок для питьевой воды, клуб, спортгородок. Здесь живут артиллеристы.

Снова мне говорил один подполковник, что Куприн жил здесь, писал о том, как один офицер выкатил пушку на высоту и бил по дому, где наслаждался его соперник.

Кушка живет культурно. Лекции о Китае, о брюшном тифе, о романе «Сталь и шлак», гастроль Ашхабадского русского театра с большим репертуаром от Шиллера до Софронова.

Сейчас в армии необычайная страсть к книгам (в основном, к прозе). На каждом шагу встречаешь солдата с книгой — под машиной, в танке, у палатки в лагере, после нарядов в постели. У библиотеки стало в несколько раз больше читателей, читальный зал не вмещает всех желающих.

Бассейн, который стал гордостью всех кушкинцев, выстроен комсомольцами, и его полушутя-полусерьезно называют комсомольским озером.

Косалапов — хороший командир и самый примерный читатель. В его формуляре записаны: «Эконом. география», «История СССР», Шолохов, Вирта, Гончаров «Обрыв», Симонов «Рассказы», Гроссман «Степан Кольчугин», Коновалов «Университет», Лесков и Гашек, Павленко «Счастье» и «На Востоке», Л. Толстой и О. Форш.

Сегодня воскресный день: футбол, костер и открытие пионерлагеря, соревнование по плаванию, обсуждение романа «Сталь и шлак», в театре — «Коварство и любовь», в кино — «Лермонтов», в парке — танцы, в бассейне — купание.

Воскресный день кончился «Коварством и любовью» в клубе и костром в пионерском лагере. На костре дети пели, танцевали, много декламировали. Как всегда, конца у программы не было, потому что все юные кушкинцы хотели показать себя в разных жанрах. Толстый мальчик Виля Харитонов читал Пушкина, потом Крылова, потом пел песни из кинофильмов, потом держал ноты своего товарища-скрипача, который меня утром в парке остановил вопросом:

— Скажите, пожалуйста, в Москве есть соленоидный поезд?

— ???

И снова я вспомнил Куприна! Как мы в дальних заштатных гарнизонах резко ушли вперед, особенно в культурной жизни офицеров, их семей и солдат.

Вечером шла кинокартина. Оркестр играл в парке.

В этот же день футбол закончился со счетом 2:0 в пользу пехотинцев Андреева. По местному радио передавали большой концерт самодеятельности, и я читал стихи.

27 июня.

Сюда переселился еще дед Давиденко из Черкасского района, а отцу было 12 лет. Двое сыновей остались, но один (т. е. дядя) вернулся домой. Речка была узенькая, 50—100 метров, а теперь — 300; вся была в камышах, кругом — колючка. В 1918 году Сливичкий и фон Шульц бежали в Афганистан, генерал Востросаблин остался у красных. Наступал на Кушку Зыков с бандой из Тахта-Базара. Моргун-

нов — телеграфист на станции — возглавил реввоенкомат. Его расстреляли, и теперь в честь его — Моргуновка. Был здесь эшелон сипаев, но ушел. Запасы в Кушке были большие, на 5 лет. В Кушке, Моргуновке (тогда Алексеевка), в Полтавке были добровольческие отряды, дети и старики стояли на сопках, наблюдали.

Председатель колхоза «Труд» — Сергей Васильевич Давиденко родился здесь, это уже третье поколение здесь, на юге. Есть уже дети — четвертое поколение.

28 июня.

Сейчас один танковый инженер снова завел разговор о Куприне и Кушке. Как видно, просто рассказы о тяжелом армейском быте принимаются на адрес Кушки.

Крепость Геок-Тепе брал генерал Скобелев и полковник Куропаткин в 70-х годах. Под стены подводились фугасы. Теперь эти стены на южной стороне похожи на дувалы с окошками — низкие, глиняные заборы.

За окнами вагонов весной шевелятся пески — идут стада черепах. С первой жарой они до осени зарываются в песок, ища прохладу.

Утро начинается игрой оркестра, зорей горнистов, топотом по плацу.

Рядом Индия, хребет Гиндукуш. На машинах приезжают иностранцы, берут бензин, покупают сахар, ткани и др.

Южный ветер, очень быстрый, идет из Индии.

Барханы увязаны травой салин — с длинными кривыми корнями.

29 июня.

Только мы отъехали, в вагон вошел Давиденко и, как со старым знакомым, улыбаясь, поздоровался со мной, потом с достоинством подал руку генералу:

— Председатель колхоза Давиденко.

И этого здесь не могло быть когда-то, чтобы поселенец или внук поселенца ручкался с генералом из Ташкента.

Разговорились. Поезд набрал скорость. Давиденко оживился и потянул нас к окну.

— Вот это наш ячмень молотят. Хороший ячмень. Вон там виднеется наша пшеница. А там животноводческий хутор.

Поля колхоза от афганской границы тянулись в глубь страны...

Вечерело. Сопки, которые в этом месте подходили вплотную к дороге, темнели. Солнце заходило за них, как за дувал. Потом оказался тоненький бледный месяц, даже не серпик, а скорее всего серьга из девичьего ушка. Саксаул, казалось, отряхнув пыль, как и люди, задышал легче. Жара спала.

Светало. Над буро-зеленой степью обнаружилась багровая полоса, как отсвет далекого пожара. Полоса росла и, неожиданно, стала огненным шаром, вырвалась в небо. Рассвело. Пустыня еще не раскалена, она обманчиво прохладна, но через пару часов...

1 июля.

Ровно через месяц снова в Ташкенте. Прилетел за три часа. Внизу под самолетом пески, пустынные горы, высохшие реки. Потрясающее зрелище: кажется, что лежишь над рельефной картиной из папье-маше или замши. Песок разного цвета: оранжевый, желтый, серый, бурый. Есть полосы черные, есть темно- и светло-зеленые (это посевы или кустарники у арыков). Белеют солончаки, правильными кубиками падаются дома. Пустыня очень ощутима, выпуклая, резко пересеченная дорогами и реками. За Сыр-Дарьей начинается оазис, защищенный горным хребтом. Много зелени, ровные лесозащитные посадки над арыками, много воды: озера, бассейны, хаузы, реки, ручьи, болотца. Ташкент с высоты город большой, но разбросанный и невысокий. Зеленый.

Вчера в последний раз виделся со знакомыми ребятами. Они вернулись со стрельб, стреляли, метали гранаты, почти все выполнили, общий бал «отлично». Встретили меня как родного. Майор Кальченко рад, что его курсанты хорошо занимались. Курсанты и сержанты подзагорели, похудели, но бодрые и крепкие. Жара невыносимая в песках, спали под небом, не боясь фаланг и зем-земов (огромных ящериц). Прохладно было к утру. Шевцов запустил бородку (по фронтовой привычке). Его называют Вершигора. Шевцов снова с Чеховым. Взял 4—5 тома и блаженствует.

Рассвет в 6 часов начинается петушиной какофонией, в которой можно уловить правильное «кукареку» способных кочетов. Потом начинают трубить ишаки и маневровые паровозы. Солнце выходит уже после этой увертюры. Идет оно не спеша, как избалованный публикой актер. Утром в пустыне, да и в городах предпустынных, прохладно и не хочется верить, что через пару часов начнется форменное поджаривание живых людей. На песок босой ногой не ступишь и с непокрытой головой не выйдешь..

10 июля.

Шел с И. Е. Петровым от штаба. Говорили о Кушке. Он там с Курбаткиным провел 1931 год.

— Это было золотое и горячее лето.

К Кушке Петров неравнодушен. Подробно рассказывает о ней и спрашивает.

Сад у него или, вернее, цветник большой.

— Сам вырастил старые яблони и посадил цветы: розы, гладиолусы. Здесь же лимоны в кадках, зреет виноград.

Его адъютант подражает ему и в этом. Он тоже водил меня по маленькому дворику вокруг одной урючины и сливы.

Петров — человек. Приятно, что о кушкинском ловеласе С... — на мое о нем отрицательное замечание — сказал:

— Терпеть не могу, — подхалим.

Фамилий и географических названий знает тьму...

Год 1950

2 октября

Полковых оркестров перезвон
Будит на рассвете гарнизон.

Солдаты очень тонко и точно распознают своих командиров. Вот комбат, из месячного отпуска вернулся в пески через три месяца, со справками от врачей. И в каптерке между собой старослужащие ухмыляются.

— Я за семь лет ни разу не обращался в санчасть,— говорит мне Швецов.— Один раз только заболел живот на танцульке и то не ушел до конца. Жалко было.

Об этом же комбате мне говорили генерал и офицеры, ссылаясь на тот же случай. А они с солдатами не сговаривались.

Выгоревшее за лето обмундирование заменено перед осенним смотром новым, еще коробящимся.

Фронтовые солдаты и офицеры настроены по-боевому. Военный заряд не пропал до сих пор, передавшись лучшим людям из пополнения. Армия у нас сейчас в полном порядке. И если нас тронут, то — держись! Разговор о борьбе за мир. Старший сержант Бедный — здоровяк, фронтовик, жалеет, что мы не можем поддать американцам в Корею.

— Мы хотим мира, но они ведь все равно лезут!

Потом плетется разговор о фронте. Воспоминания о фронтовых временных связях. И все-таки симпатии на стороне скромных семейных офицеров. Это очень приятно. Только теперь замечаем мы, что командиры, у которых в этом смысле было не все благополучно, подрывали безвозвратно свой авторитет. На войне казалось, что солдаты этого не замечают,—завидуют, одобряют, но во всяком случае не осуждают.

Однообразие армейской жизни, распорядка быстрее и эффективнее закаляют человека. Писать можно и об однообразии, которое в армии обретает поэзию высокого, напряженного и благородного труда.

Снова крутят патефон. По вечерам, до самого отбоя, ребята пляшут вокруг него, откалывая самые невообразимые коленца. Сержант любит грустные песни о разлуке и неразделенной любви. Он по несколько раз слушает одну и ту же песню. Он казах из Зайсана, что на Иртыше, на границе с Китаем. Скоро ему домой, но если демобилизация выйдет не летом, когда можно добраться домой по реке, он останется в армии еще на год.

Сержанты и старшины роты сколочены в крепкую и дружную семью со взаимным уважением и помощью, с прощением грехов и т. п. Без них офицер не может наладить работу во взводе, в роте, в батальоне.

3 октября.

Гарнизон живет предстоящей инспекцией, жены говорят об инспекторской проверке, мужья в поте лица готовятся к ней, дети играют во дворах в инспектирующего.

В гарнизоне, небольшом и дальнем, от удач и неудач в полку зависит настроение всего городка.

Трудно иногда сегодня в офицере увидеть героя недавней войны. Вот простоватый на вид Р... У него 6 орденов, он герой Днепра, Курской дуги, его в упор расстреливали немцы, он командовал группами прорыва. А теперь белит Дом офицеров, строит склады и т. п. Вот культмассовый инструктор Жук. У него орден Славы, он был смелым солдатом, старшиной, замполитом, а сейчас заворачивает самодеятельностью и ходит фронтовой походкой, не сгибая колен. А ведь Р... воевал на Хасане и на Халхин-Голе. Да и Жук нюхал порох. А вот внешне и даже после нескольких разговоров героев в них не узнаешь. В этом прелесть и сила нашего народа и, особенно, солдат.

Многие офицеры еще не хотят понимать трагедии первых лет войны и того, что мы плохо готовили народ, мало ему говорили о тяготах войны, о тяжести боев, о силе нашего противника. Теперь поэты и прозаики только так и должны воспитывать народ.

Шевцов и Бедный служат уже подолгу. Удовлетворение от службы в одном: как из неотесанных ребят их стараниями на глазах получаются опытные солдаты, молодые гвардейцы, — молодоговардейцы, как зовет их Бедный.

4 октября.

Пришел в батальон, где жил прошлым летом. Почти все сержанты и офицеры на месте. Снова, как в 1949 году, трудно без волнения смотреть на солдат, на знакомых ребят уже с гвардейскими усами, с начищенными медалями и орденами. Они готовятся к проверке.

Я снова в каптерке. И ребята те же: старшина Шевцов и Сармантаев, старший сержант Бедный и Трясучев — из бывших курсантов, сержант Яценко. И разговоры о поэзии, о том, как ее критикуют. Они следят за всем очень внимательно.

В каптерке играет патефон — премия роте за самодеятельность, играет — и от этого становится грустновато. Шевцов и Бедный приняты в партию и остаются на год сверхсрочно. У Михеева и Минник — дети и жены. Много за год утекло воды.

Шевцов рассказал, как на полевых учениях по ночам было холодно спать в песках. Солдаты копали неглубокие ямы, жгли на дне колючку и потом, укрывшись с головой плащ-палаткой, спали как на печи, выгребая сначала золу.

Приятно смотреть на коренастых, в хорошо подогнанном обмундировании солдат призыва 1948—1949 годов, которые не нюхали пороха. О них фронтовики уже начинают говорить с уважением. Так выковывается новый тип солдата мирного времени. Он служит рядом с воевавшим — под его влиянием, подражая ему. Тот, кто падал под фугасными бомбами, атомным — не молится.

Ткачев был год тому назад приспособленцем и ловчил. Он делал из фанеры чемоданы для солдат, словчил на баян и т. п. Теперь его не узнать. Он старшина.

Михаил Шевцов ночью дважды читал поэму. Впервые я услышал, что надо бы еще побольше написать о строевой, физподготовке и т. п. Он чудесно рассказывал, как приезжал в Дзауджикау к девушке, которая учится в пединституте и с которой он уже знаком третий год, правда, больше по письмам. Переписывается он с ней часто, а вот виделся всего два раза. Искал ее, нашел в общежитии. Зовут ее Любовь Кошечкина. Она блондинка, веселая, из соседней станции на Лабэ, где-то под Армавиром. Шевцов рассказывал с чудесными подробностями о том, как приехал в город, как поселился в гостинице, как надел мундир (без ремня), как надраил сапоги, ордена и медали и пошел искать свою любимую. Как нашел ее в общежитии, как высыпало в коридор много девушек, и он боялся обознаться, броситься не к ней, как по смеху узнал свою Любу, как вошел к ней в комнату, как она готовилась к экзаменам по литературе — читала Белинского, Чернышевского, Тургенева. Как ждет его и т. п. и т. п. С чудным юмором, с целомудрием бывалого солдата, откровенно, не стесняясь, как очень честный и здоровый человек, рассказывал он всем о своей любви.

Приходили к ним старшины, офицеры, солдаты, а Шевцов все рассказывал и рассказывал, и всем было очень интересно слушать о любви двух хороших молодых людей. И похабники терялись, и юноши светлели, и мне казалось, что самая лирическая поэзия рождается на пыльном армейском дворе.

Шевцов своей девушке подарил набор духов, букет цветов, конфеты. Он ее еще даже не поцеловал. У него во взводе был художник, тот нарисовал девушку с фото.

Шевцов писал ей обо мне, о «Дальнем гарнизоне». Она прочла. Я ей написал письмо о Шевцове, пусть бережет любовь. Он читает гораздо больше и активнее почти всех офицеров своей роты.

Жену надо готовить из невесты, как солдата из новобранца: закалять физически и идеологически. Идеологически можно в письмах.

5 октября.

Сегодня весь день просидел с солдатами в казармах. Снова, как год назад, листал альбомы у Саргантаева с заглавием «Годы моей службы», у Шевцова — с фотографиями знакомых девушек и открытками. Разговор вился вокруг любви, семьи. Шевцов очень любит детей. Во всех смыслах это положительный герой романа о солдатах после войны.

Солдат не хочет воевать,
Не потому, что слаб,
Не потому, что без него
Войну придумал штаб.
Солдат не любит воевать
Не потому, что трус —

но если его вынудят воевать, он будет драться героически и бить наотмашь. Но если придется воевать, то уже, наверняка, рядом с фронтовиками, всегда готовыми воевать, как в коробке спичек, воспламеняются и молодые, завидующие старым солдатам, повидавшим Европу и Азию.

10 октября.

Ночь в сборах. Все на машинах, с частыми остановками вытягивается из города колонна.

Рассвет в горах, похожий на осенние горы Крыма; пестрота листьев: желтых, красных, зеленых, орех и акации, густо запыленных у дороги. Дорога — серпантин — вьется с трудными изгибами. Трава выжжена, стерня — колючая. Горы с каменными осыпями, с мягкими складками.

11 октября.

Солдаты в выжженной степи, в развалинах глинобитных кишлаков занимают оборону. На спине спят стрелки, солнце печет сонных и спящих. По пыльному полю, по корявой пашне с высохшей стерней тянут связь. И вдруг в этой, так напоминающей войну степи, лейтенант кричит:

— Рядовой Матросов!

Я вздрагиваю. И однофамилец великого мальчика с огромным вещмешком, с карабином, скаткой, флягой бежит к своему командиру.

Темнеет здесь, в долине, окаймленной горами, необычно быстро. И слышны на пашне, где разместился полк, голоса:

- Соколов! Где ты?
- Куда идти, Андреев?
- Мамаджанов! Где ты?

И вдруг знакомый голос Чапаева, и на маленьком, как освещенное окно, экране, возникает фигура знаменитого полководца. Это солдаты крутят «Чапаева».

Мы спим на машине, разувшись, укрывшись шинелями, рядом незнакомые танкисты. Ночью пылят рядом танки. Приподнимая с лиц шинели, солдат ищет какого-то Новикова. Так проходит первая, холодная к утру, ночь в поле.

Пришел майор и сказал, что в Корее бои идут уже севернее 38-ой параллели. И стало еще яснее, еще значительней учение в этой проклятой выжженной местности.

Вечный спор: капельмейстер просит разрешения на игру. А начштаба заставляет музыкантов копать окопы. Спор горячий. Правы, частично, обе стороны.

Часть живет размеренно, но, как всегда, в обороне, до подхода «противника», лениво, без энергии, без динамики. Горячий чай из котла, из железных кружек на подножке вкопанного в пашню пыльного ЗИСа; солдат — на скатке, с автоматом, заснувший сходу на пригорке под палящим солнцем; как это все томительно знакомо и напоминает юность, лето и осень 1941 года. Я сразу привык к портянкам и сапогам, к шинели и гимнастерке. Видно, военные привычки — на всю жизнь! Неплохо и это.

Здесь, в степи с сухой стерней — желтой и колючей, насыпаны могильные курганы, ровные, куполообразные холмы. На вершине кургана КП комбата. Комбат, окончивший академию им. Фрунзе, вел авангард. У него порядок. Он ясно и властно дает указания своим офицерам, объясняя ориентиры, давая сведения о «противнике», соседях. По карте засекаются населенные пункты, лежащие по пути следования. Все, как на войне. И разговор ведется о Средней Азии, о борьбе с басмачами за колодцы.

На кургане дует проклятый резкий ветер. Начштаба растолковывает комроты обстановку:

— Мы имеем дело с сильной армией...

Вот это уже правильная постановка вопроса. 1941 год не должен повториться.

В батальоне молоденькие прилежные солдаты — служат по три месяца — рождения 1929—1930 годов. Старослужащие считанные, 6—7 человек. Эти с ленкой учатся, но загораются, когда пахнет боем, походом. Новобранцы старательно окапываются, переползают, бегут на вызов. Они еще не солдаты, но уже и не штатские. Постепенно трудная служба, пустыня и жара делают их бойцами.

Плохо, что в воспитании солдат отсутствует военная романтика. Вот ведь романтикой гражданской войны еще до сих пор живет училище имени Ленина в Ташкенте. Почему нет новой романтики, которая так нужна? Гордость быть сильным и смелым солдатом решает исход боя.

На дне оросительного глубокого арыка, как в окопах, разместились пушкари, стрелки, пулеметчики. Я иду за связным — молдаваном. Вот артиллеристы читают книжечки из библиотеки «Советского воина», читают газеты, все это им принесли книгоноши.

Разговор о демобилизации. Ярошенко с другом собирается уходить. Уходят и другие, они, как Шевцов, не боятся начинать все сначала. А тот немного грустит.

Лейтенант Батрадинов — пулеметный взвод — учится заочно в институте иностранных языков.

Хлопок в этом году небывалый. Высокий, густо запыленный, особенно у шоссе, он доставляет много радости солдатам-узбекам.

В коробку от мины писарь складывает бумаги штаба. Сверху всех бумаг, папок, уставов он кладет книгу Тургенева «Новь», которую читает в свободные минуты.

12 октября, 5 часов утра.

Подняли батальон в 4 часа, торопили солдат во тьме. И вот уже смех, стук лопаты о лопату. Батальон живет веселой жизнью молодых, здоровых людей. Где-то режут моторы машин, которые готовятся повести пехоту в «бой».

Вчера у НП снова для батальона давали «Чапаева». Почти всю картину многие знали наизусть и заранее повторяли хором слова Чапаева, Фурманова. Правда, многое уже казалось сейчас, да еще в армии, в поле, неправдоподобным, но вся картина — шумная, честная и поэтичная — волновала нас. И снова вызывают смех слова Петьки:

— Тихо! Чапай думать будет.

И снова хочется плакать, когда тонет Чапай. В степи, в темноте особенно остро чувствуешь и жизнь, и героизм прошедшего и предстоящую трудную жизнь.

Томительное ожидание, и вот после марша «бой». Старые солдаты нервничали на походах:

— Разве это война!

— Почему остановились на горе?

И вот по пашне, под зябь, бежит пехота, — пушки, пулеметы.

...Мы лежим на переднем крае с пулеметчиками. Рядом рядовой Матросов. Его спрашивает пулеметчик Чемурханов:

— Будешь сегодня закрывать своим телом амбразуру?

— Вот кухня придет, закрою.

Все смеются.

...Один пулеметчик, протащив станок на горбе 7 километров, говорит:

— Сюда бы американцев, сказали бы им пару теплых слов.

— Почему?

— Не было бы их, не служили бы уже.

Правда, конечно!

...Местность: перевалы и долины, поросшие польню, сухой колючей травой, ковыльком. Между перевалами — пашня, крупно перепаханная земля.

Кишлаки — глинобитные, на выгоревших склонах. Кажется, что здесь прошла действительно война. И столбы черного дыма, и стрельба из карабинов и пушек, и запах пороха — все это в кишлаках создает впечатление войны. Пушки извергают с пламенем гул; крик, потные лица пехотинцев, чумазных танкистов.

Картинно по буграм, по черным полям идут танки, и в облаке дыма и пыли бежит в атаку пехота.

Степь выжжена под пашню. Она вся в черных пятнах, как пантера.

...Небо в легких розовых и лиловых полосах, матовое и спокойное, как на картине. В степи прохладно, в падах уже стелется туман. Темнеет, расплывается лиловый тон и исчезает розовый. Молдаванин Бумбак лежит рядом со мной и говорит о том, как трудно ему было в первые разы бегать по этим холмам с ручным пулеметом и как сейчас легко и просто.

Я все время, глядя на солдат, думаю о том, что мы мало даем им романтических книг об армии. Ведь как волнует их то, что генерал Петров был комполка, а полковник Денисов — старшиной у него. И вот же выросли оба! Вот он жезл маршала в ранце солдата. Об этом нужно писать.

13 октября.

Сегодня затишье перед наступлением. Еще затемно, часов в пять, раздавалась стрельба на передовой. Это разведка «противника» пыталась пройти в наши порядки. Встаем с машины, где спали, и сразу же пьем горячий чай. Кухня с кашей заблудилась на курганах.

Сегодня отдых. С... сам только приехавший сюда, сказал мне, что я поэмой отпугиваю молодое пополнение, что я придумал «дальний гарнизон», а для Родины все близкие. Это потому-де, что мне из Москвы все гарнизоны дальние. Вот еще одно несерьезное отношение к делу воспитания солдат. Не зная еще округа и Азии, жары и песков, он уже ратует за легкий путь, за розы и мимозы. Буду спорить и отстаивать свою правду.

14 октября.

Жара и холод, холод и жара —
Вот распорядок туркестанских суток.

Сегодня наступление. Днем мы во втором эшелоне. С НП наблюдаем «бой» первого эшелона. Стрельба, разрывы. Столбы дыма и пыли, гул самолетов, идущих в пике, создают обстановку боя. И вот уже издали видна пехота, атакующая за танками обороняющегося «противника».

Пехота любит идти на танках. Машины наши по бездорожью жмут, как в сказке.

Город Н. Мы должны его брать. Он — простой районный городок — кажется нам чудесной столицей. Когда в движение приходит машина, военный дух поднимается у всех людей.

По берегам узкой и быстрой реки глинобитные кибитки и дувалы, ишаки кротко пощипывают траву, и над всем этим пыльным захоластуем курлычат журавли, улетающие в теплые страны. От всего этого очень грустно.

15 октября.

Вчера вечером приехал в лагерь руководства. Здесь — рай. Чистые постели, отдельные палатки и прочая прелесть. Сейчас снова выеду в поле и снова увижу запыленных и усталых, но бодрых и задорных солдат. Да, только преодолевая трудности (гигантские по своему разнообразию и количеству), солдаты становятся настоящими воинами, и только так нужно об этом писать.

Мне сказал вчера один капитан-туркестанец:

— Правильно вы написали: «По колену пыль, по пояс пыль, по грудь».

Эти слова мне дороже многих речей «за» или «против».

Слаженность, которой не было в первые дни, появилась молниеносно в день «боя». Напряжение и задорный азарт заставили действовать всех умнее и проворнее. И вот уже хриплые голоса радистов, передающих закодированные приказы: «Вольфрам, Вольфрам, я — Веревка, выполняйте 333». И в двух километрах от радиста моментально снимаются с места танки, неимоверно пыля, как в дымовой завесе. И за танками бежит пехота, и навстречу с криками «ура», — контратакующие «южные».

Современный бой механизирован до предела. И вот, уже заняв линию обороны, преследуя «противника», пехота грузится на машины и по горам и по долам мчится вперед. И НП на «газиках», вездеходных и устойчивых, перемещается быстро вперед. И все начинается снова.

В Корее плохо. Американцы перешли параллель. Китай не допустит их до своих границ. Пахнет порохом, и поэтому с еще новой силой встает вопрос о литературе, посвященной послевоенной армии. Об этом надо писать и говорить, чтобы не оказаться в неоплатном долгу перед народом.

Наблюдаю «бой» с господствующей высоты. В стереотрубу и бинокль видны танки и пехота, которые обтекают город Н, сбивая обороняющихся. И снова за танками бежит пехота, которую подвозят машины. И снова подтягивается и палит артиллерия. И снова авиация штурмует атакующие колонны. Мне на НП трудно, т. к. я не вижу человека, бегущего в атаку, а вижу в стереотрубу черные точки. Мне думается, что генерал, поднявшийся на НП и не побывавший в окопах, не поносивший солдатскую шинель, — в конце концов потерпит поражение, ибо он жертвует солдатами, изматывая их и не ценя. И еще потому, что не представляет себе на практике, что такое бежать в пыли за танком, что такое идти в атаку. Вот об этом и думал.

Иванов командует обороняющимися в районе кладбища. Он толстоват, даже с бабьим лицом, где еще капелька — и уже будут отталкивающие черты, но пока он симпатичен, добродушен и, как видно, знает дело. Его солдаты контратаковали «противника». И на вопрос:

— Какая была атака?

Ответил:

— Очень красивая. Давно такой не видел.

И все улыбнулись.

Кончилась «война», взят город Н, отходят на отдых. Полуголые крепьши моются у реки и арыков. Здесь же в боевых порядках обедают, поставив котелки на крылья автомашин, на землю, на броню танков.

16 октября.

Палатки стоят под урючинами, и низко, почти касаясь уже побавровевших листьев длинными хвостами, шныряют сороки.

Я снова приехал в Туркестанский Военный округ к друзьям-солдатам, старшинам, сержантам, офицерам. И снова, как год тому назад, встретила меня осенняя страдная пора поверок, сменившая летнее горячее время учебы. Здесь, в дальнем гарнизоне, в лицо вам дышит пустыня — горячая и безлюдная. Пески подступают к самому городу, и сразу же за границами военных казарм начинаются степи, поросшие колючкой, а за ними — пески, озелененные саксаулом. Но жара и пески не были летом помехой для туркестанцев. И поэтому на осенней поверке они с таким блеском стреляли по движущимся по барханам мишеням, совершали ночные переходы, пели и маршировали на плацу. Фронтовиков среди солдат уже нет. Есть немного сержантов и старшин сверхсрочной службы, которые нюхали порох и по соседству с которыми мужают сегодня молоденькие новобранцы. Это сверхсрочники воспитывают пополнение, и высокая выучка в содружестве с военным опытом и ярким солдатским рассказом о фронте — делают свое большое дело: новички становятся солдатами сильными, умелыми, ловкими.

...Мы шли по оазису с его зелеными садами и хлопковыми полями, с корявыми деревьями грецкого ореха, с землей, изрытой арыками и желтой от стерни; мы шли по пыльным предгорьям, шли побелевшие от мелкой лессовой пыли, измученные бесконечными увалами и перевалами, верблужьими тропами и однообразием холмов. Машины и танки творили чудеса, и после нас картографам придется наносить десятки новых дорог, ибо там, где прошла машина или танк, накрепко впечатана в степь колея, новая и вечная.

17 октября.

Парад. На пыльной площади выстроены солдаты только-только вернувшиеся с учений. Торжественен и праздничен весь ритуал этого полевого парада. Командир на коне объезжает строй, немногоголосое, но твердое «ура» провожает его. И вот оркестр и мальчишки-сигналисты открывают музыкой парад. После парада командир жмет руки всем офицерам. До этого уходит с плаца оркестр, и его мелодия, все затихая и затихая, навеивает грусть, как всякое расставание...

Прошли перевал. В городе готовились к встрече. У ручья мылись и брились после последнего рассветного перехода солдаты и офицеры. Выжидание было томительное. Жены приходили узнавать, девушки в школах и вузах по нескольку раз рассыпали и снова собирали букеты осенних цветов. И вот в 2 часа у обелиска Победы собрались горожане по обеим сторонам улицы и, наконец-то, показали первые машины. Грянул оркестр. И полетели в руки, в грудь, в голову бойцам букеты, пачки папирос. Цветы, не долетая, падали на мостовую, и их снова бросали солдатам. Приподнятое настроение горожан оттеняло улыбку гордость хорошо поработавших солдат.

ДОРОГАМИ ПОБЕД

Очерк

Густые, сизые грозовые облака шли с запада, сверкая зигзагообразными молниями. Гром смешивался с грохотом артиллерийской стрельбы и разрывами авиационных бомб. На земле шел бой. По холмистым полям под Ельней ползли фашистские танки, а за ними, рассыпавшись в цепь, наступали солдаты в мундирах мышиного цвета. Навстречу им прямой наводкой били советские артиллеристы, бронбойщики из длинных противотанковых ружей, в окопах бойцы готовили связки гранат.

Фашисты спешили сломить советскую оборону до начала дождя.

Ярким пламенем взорвался снаряд на борту танка, слетела башня. Другой танк с перебитой гусеницей, развернувшись на месте, подставил советским бойцам моторную часть, и через какую-то долю минуты черное облако дыма взвилось над стальной громадиной. Вспыхнули и остановились еще несколько танков. Пехота фашистов залегла.

— Захлебнулась! — удовлетворенно сказал командир полка и, обращаясь к своему заместителю, приказал: — Товарищ Рахимов, отправляйтесь в третий батальон. Мы оторвались от соседа. Поставьте бронбойщиков на танкоопасных направлениях, а пулеметчиков между ними.

Рахимов — высокий, подтянутый, с бронзовым загаром на лице, взглянул на карту и выскочил из окопа. За ним выпрыгнул солдат. Перебегая открытые места, они устремились к холму с березовой рощей.

Небо как будто прорвалось — хлынул проливной дождь. Струи воды окатили полковника и солдата. Взмокли гимнастерки. На передовой стрельба прекратилась. Но когда Рахимов стал подниматься на холм, несколько снарядов разорвалось в лесу и, как по команде, загрещали автоматы. Глухо застрочили пулеметы. В роще показались бойцы в мокрых зеленых гимнастерках, убегающие в тыл. Рахимов выхватил пистолет и закричал:

— Стой! Назад!

Перед ним остановился солдат и, преодолевая одышку, глухо сказал:

— Танки прорвались. Утюжат окопы.

— Стой! Назад!—еще громче крикнул Рахимов.

Солдаты остановились.

— За мной!—скомандовал он и бросился в рощу. Солдаты, сначала нерешительно, потом быстрее побежали за Рахимовым.

На опушке два немецких танка «утюжили» окопы, фашистская пехота приближалась к роще.

— Гранаты!—приказал Рахимов.

Сержант и солдат, находившиеся недалеко от полковника, вытащили из сумок гранаты и, укрываясь за стволами берез, побежали к танкам. Кто-то из них метнул гранату. Один танк остановился. Дым от взрыва закрыл немецкую пехоту. Второй танк развернулся и начал отходить.

— Вперед! За Родину!..—закричал Рахимов.

И бойцы, несколько минут назад дрогнувшие перед танками противника, дружно подхватив «ура», бросились вперед. Фашистские солдаты, не ожидавшие контратаки, смешались, остановились и побежали назад. В гуще контратакующих советских солдат разорвалась мина. Рахимов упал.

Вечером в медсанбат к раненому приехал командир полка.

— Ваше вмешательство спасло положение,—сказал он Рахимову.—Третий батальон держится. Получен приказ— прочно держать оборону. А вы отправляйтесь в госпиталь, лечитесь, поправляйтесь. Вернетесь — наступать будем.

* * *

Сложная обстановка создалась на фронтах Великой Отечественной войны, когда Сабир Рахимов, после излечения прибыл в отдел кадров Южного фронта. Фашистские полчища подошли к Москве и, стремясь захватить столицу нашей Родины, начали стягивать силы с других фронтов. Советское командование принимало решительные меры для срыва замысла противника. Сабир Рахимов немало удивился, когда в приемной начальника отдела кадров Южного фронта встретил многих знакомых офицеров из резервных частей.

— Полковник Рахимов, к генералу!

Рахимов поднялся со стула, оправил аккуратно выглаженную гимнастерку, поправил снаряжение, посмотрел на блестящие сапоги. Заметив на них еле заметный налет, он отошел в угол, вынул из кармана брюк суконку и быстро смахнул пыль.

— Видать, в кавалерии служите,—заметил сидящий недалеко полковник.

— Точнее — служил,—ответил Рахимов и направился к двери кабинета.

— По вашему вызову — полковник Рахимов,—представился он генералу.

— Садитесь, товарищ полковник,—предложил генерал.—Как себя чувствуете после ранения?

— Прекрасно!—ответил Рахимов.—Готов сегодня возвратиться в полк. Хотелось бы знать, где он теперь.

— Об этом потом,—прервал генерал, заглядывая в личное дело, лежащее на столе.—Скажите, где ваши родители, как они живут?

— У меня нет родителей. Отец умер, когда я был еще ребенком. Семья осталась большая. Пришлось идти в пастухи. Когда подрос — в 1922 году вступил в Красную Армию. Окончил Бакинское объединенное военное училище, стал командиром сабельного взвода. Так началась военная жизнь. Женился. Жена сейчас живет на родине — в Ташкенте. Недавно прислала письмо. Пишет, что дома все хорошо, желает быстрее возвратиться с победой.

Генерал обратил внимание на орден Красного Знамени на груди полковника.

— За что получили награду?—спросил он.

— Это давно...—ответил Рахимов.—В 1927 году. Тогда я служил командиром эскадрона в Узбекской конной дивизии. Как вы знаете, в те годы у нас в Средней Азии еще были басмачи. Они терроризировали население. Дивизии было приказано ликвидировать отряды басмачей, действовавшие в Восточной Бухаре. Теперь это территория Таджикиской ССР. И вот, в операции против басмачей мой эскадрон зашел глубоко в тыл противника. Когда началось общее наступление нашей дивизии, батальон ударил с тыла. Это решило исход боя, и басмачи были разгромлены. За это я и был награжден.

— Хорошо,—сказал генерал.—Теперь прошу слушать меня. Полк, в котором вы служили, находится в боевых порядках обороны Москвы. Он полностью укомплектован командным составом, и нет нужды менять командиров, которые уже втянулись в жизнь полка. Принято решение—назначить вас командиром стрелкового полка дивизии, которая находится под Ростовом-на-Дону. Как вы на это смотрите?

— Благодарю за доверие.

— Завтра зайдете в общую часть, там для вас будут подготовлены все необходимые документы, маршрут следования и срок прибытия к новому месту службы. Желаю успехов, товарищ Рахимов!

* * *

В Новочеркасск, где располагался штаб дивизии, Рахимов ехал на попутной машине. Километрах в десяти от города пришлось остановиться. Девять фашистских пикирующих бомбардировщиков, как коршуны, парили над дорогой. Комья мерзлой земли далеко разлетались от разрывов бомб. А из города слышалась канонада.

— Что такое?—спросил Рахимов.—Говорили, что город наш, а идет бой.

На его вопрос ответил шофер: когда вчера он выезжал, штаб дивизии был в городе.

Опасения оказались напрасными—то был лишь авиационный налет фашистов на город. Штаб дивизии расположился в пригороде, на берегу реки Аксай, в землянках и подвалных помещениях.

— Рад, рад,—ответил командир дивизии на представление полковника Рахимова.—Два дня назад получил телеграмму о вашем назначении и жду. Полк, которым вы будете командовать, прекрасный: почти все солдаты, сержанты и большинство офицеров—рабочие, шахтеры Донбасса. Народ храбрый, мужественный, выносливый. Командир полка две недели назад попал под бомбежку. Война!.. Имейте в виду,—он оставил светлую память о себе, солдаты любили его за храбрость и душевность...

Полк стоял в обороне. Ночью командир дивизии сам проводил Рахимова на командный пункт, созвал всех командиров батальонов и офицеров штаба, представил нового командира и пожелал боевых успехов. После его ухода Рахимов подробно ознакомился с обстановкой, расспросил об обеспечении подразделений боеприпасами, продуктами, обмундированием и, распуская подчиненных, предупредил, что завтра ознакомится с передним краем обороны, расстановкой огневых средств, инженерными укреплениями.

Когда командиры ушли, к Рахимову подсел комиссар полка, уже немолодой, коренастый, с небольшими усиками, батальонный комиссар Осипов. Он начал разговор не по-военному:

— Вы извините меня—я не военный, полгода не прошло, как надел шинель. До этого на партийной работе был, секретарем райкома партии в Запорожье.

— Очень хорошо,— обрадованно ответил Рахимов.

— Полк,— продолжал Осипов,— в основном сформирован из рядов народного ополчения Донбасса и Запорожья. Добровольцы. Небольшая часть из кадровых подразделений, отходивших с Украины. Шестьдесят процентов личного состава— члены партии и комсомольцы. Все до начала войны, в разное время, служили в Красной Армии. Так что военную выучку, а теперь и опыт, имеют. Дисциплина крепкая. Трусов не любят.

— Хорошо,— сказал Рахимов.— Хочу попросить вас: завтра после знакомства с боевыми порядками собрать коммунистов. Хочу познакомиться с ними и поговорить.

— Сделаем,— согласился комиссар.— Конечно, будут не все, но актив соберем...

* * *

Ветреная, морозная ноябрьская ночь 1941 года в придонских степях выдалась безоблачной. Серп луны в окружении миллионов мерцающих звезд плавал в темном небе. А за пригорком взлетали огненные шары ракет, освещая землю мертвым светом. Трещали автоматы, переключаясь с глухим пулеметным тараканием.

Рахимов, в сопровождении начальника разведки полка и солдата с автоматом, вышел из землянки.

— Расскажите вкратце, что знаете о противнике,— попросил он начальника разведки.

— Перед нами действует армейская группа противника под названием «ЮГ». В составе ее танковая армия Клейста. Фашистам удалось захватить ворота Кавказа — город Ростов-на-Дону. Они, обходя наши войска с юга, намереваются нанести удар в направлении Баку и на север, по восточному берегу Дона. Перед полком действуют части 16-й танковой дивизии, которой командует генерал-майор Хубе. Но, как вчера показал пленный офицер, сегодня в ночь их должны заменить и направить под Москву.

— Смена произошла?

— Неизвестно. Ведется усиленное наблюдение и действует одна разведывательная группа с задачей взять «языка».

— Результаты наблюдения и разведки доложите, как только они будут известны.

На наблюдательном пункте первого батальона Рахимова встретил командир и повел по ходу сообщения на передний край. Полковник, медленно проходя по траншее, убедился, что оборона организована со знанием дела: подступы перекрываются пулеметным огнем, на танкодоступных направлениях стоят пушки для ведения стрельбы прямой наводкой. Командир батальона доложил, что места скопления противника держатся под сосредоточенным огнем артиллерии.

У огневой пулеметной точки Рахимов зашел в ячейку и приказал солдату:

— Доложите сектор обстрела.

Солдат назвал ориентиры и указал на колышки, забитые около ствола пулемета:

— А это для ведения ночной стрельбы по особо опасным направлениям. Днем пристреливаемся, а на ночь забиваем колышки, чтобы пулемет не повернуть куда не следует.

— Хорошо,— удовлетворенно сказал Рахимов и, выйдя из ячейки, предложил спутникам:— Присядем, покурим.

Рассветало... Рахимов вынул из планшета карту, внимательно осмотрел местность. Впереди, на бугре, раскинулась большая стани-

ца с церковью в центре. Многие дома были кирпичные. Сады и деревья на подступах к домам вырублены.

— Станица Аксайская, опорный пункт фашистов,— доложил командир батальона.— Кирпичные дома приспособлены под огневые точки пулеметов и противотанковых пушек. Предполагается, что на колокольне наблюдательный пункт.

— Сбить ее надо,— сказал Рахимов.

— Пробовали. Уйму снарядов израсходовали. Много прямых попаданий было, а все стоит.

— Мины на подступах есть?— спросил командир полка.

— Обнаружены лишь на дороге при въезде в станицу. В других местах минных полей нет. Да и не должно быть — фашисты предполагают наступать.

Рахимов возвратился на командный пункт поздно вечером. Его встретил начальник штаба докладом:

— Получена частная боевая задача: завтра с утра начать наступление и овладеть станицей Аксайская...

* * *

На рассвете во время артиллерийской подготовки бойцы полка преодолели замерзшую реку Аксай, но не успели добежать и до провального заграждения, как фашисты открыли ответный ураганный огонь. Бойцы залегли.

Рахимов, стоя на наблюдательном пункте, понял — провал. Соединившись по телефону с командирами батальонов, приказал:

— После нового артиллерийского налета, продолжать наступление.

Прибывший из штаба дивизии капитан, внимательно следил за ходом боя, но ни во что не вмешивался. «Контролер!— зло подумал Рахимов.— Проверяет, способен ли командовать».

Взвилась красная ракета. Бойцы поднялись, побежали. Снова заработала артиллерия противника. Первый батальон залег.

Рахимов приказал начальнику штаба:

— Управляйте боем по плану!— и, выпрыгнув из ячейки наблюдения, побежал в направлении первого батальона.

Через полчаса Рахимов, расстроенный и взмокший, вернулся на наблюдательный пункт. Начальник штаба доложил:

— Батальоны вернулись в исходное положение. Началась эвакуация раненых. Звонил командир дивизии, спрашивал вас.

Полковник подумал: «Ну, начинается. Держись!» Молча подошел к полевому телефону, снял трубку и снова положил ее. Громко спросил самого себя:

— Чем все это объяснить?

Стоявший рядом капитан из штаба дивизии сказал:

— Мне думается, вам следовало бы первым батальоном обойти станицу, создав угрозу с фланга, а двумя батальонами ударить в лоб.

Рахимов сердито посмотрел на него и спросил:

— Капитан! Вы знаете узбекского писателя Алишера Навои? Читали когда-нибудь его произведения?

— Знаю,— ответил капитан.— Читал. А что?

— В одном произведении он мудро писал, что всякий считает себя великим полководцем, наблюдая бой со стороны.

...Вечером Рахимова вызвал командир дивизии. Войдя в землянку, полковник вяло представился:

— Товарищ генерал, прибыл по вашему приказанию.

— Здравствуйте, товарищ полковник!—сказал командир дивизии, вставая из-за стола и протягивая руку.— Садись, поговорим. Хвалю! Хвалю! Неплохое начало... Только вот бегать с наблюдательного пункта в боевые порядки не рекомендую. Командир должен не в атаку ходить, а управлять боем,— командовать, дирижировать, так сказать.

Рахимов непонимающе смотрел на генерала широко раскрытыми глазами.

— Что смотрите? Не согласны?

— Нет, не то. Что бегал, это правда, нехорошо. А хвалить за что? Задачу мы не выполнили.

— Выполнили. Отлично выполнили,—веско сказал командир дивизии и разъяснил:—При постановке задачи, из соображений тактических, не всегда указывается истинная цель некоторых мероприятий. Цель вашего наступления— разведка боем. Нам было известно, что враг собирается снять несколько дивизий и перебросить на другой участок. Нам не была точно известна система укреплений и насыщенность огня в этом опорном пункте. Вы помогли нам. А теперь готовьтесь к наступлению. К настоящему, разгромному наступлению.

* * *

В ночь на 27 ноября 1941 года войска Южного фронта начали контрнаступление на города Ростов-на-Дону и Таганрог.

Полк, которым командовал Рахимов, получил задачу: наступать в обход станицы Аксайская, чтобы нанести удар с тыла немецкому гарнизону и разбить его. Получая приказ, полковник вспомнил капитана, что был у него на наблюдательном пункте в день разведки боем, и подумал: «Сообразительный. Верно говорил...»

На участке прорыва полка оказались незначительные группы боевого охранения частей противника. На рассвете полк, взаимодействуя с соседними частями, обошел станицу и неожиданно ударил с тыла. А к полудню вышел к небольшой замерзшей речке, на крутых берегах которой укрепились отступающие фашисты. Рахимов собрал командиров батальонов и приказал:

— Атакует первый батальон, отвлекая противника на себя. Артиллерия бьет по сигналу—две зеленые ракеты. Второй и третий батальоны одновременно начинают прорыв на левом фланге без артподготовки.

Маневр удался блестяще.

На подступах к Ростову-на-Дону Рахимов, осматривая местность, снова думал: «Какой маневр предпринять, чтобы ворваться в город?»

На левом фланге, где стояли покрытые снегом деревья сада, он заметил ложину, которая огибала улицу и скрывалась в постройках. Решение родилось быстро: роту автоматчиков послать по ложине, прорваться в тыл врага, поднять там панику, а в это время полк ударит в лоб...

Подшел незнакомый офицер в казачьей папахе, с красным башлыком на плечах:

— Где я могу видеть полковника Рахимова?—спросил он.

— Я,—ответил Рахимов.

— Офицер связи кавалерийского полка, старший лейтенант Краснов прибыл уточнить план взаимодействия.

— Отлично!—обрадовался Рахимов и, проверив документы офицера, изложил свой замысел.

Кавалерист внимательно выслушал, сделал отметки на своей карте и спросил:

— Ваше время?

— Если вы готовы, начало в 17 часов.

— Доложу командиру...

В вечерних сумерках кавалеристы и бойцы полка Рахимова одновременно ворвались в город. Фашисты дрогнули и на других участках фронта. К утру 30 ноября их уже не было в городе. Полк Рахимова, вместе с другими частями фронта, двинулся на Таганрог.

Через два дня комиссар подал полковнику Рахимову газету, сказав:

— Почитайте, свежая.

Рахимов прочитал сводки Информбюро, статью о значении контрнаступления на Южном фронте, сказал:

— Хорошо.

— Что, хорошо?— спросил комиссар.

— Разгром хороший получился.

Комиссар показал на первую полосу, где был опубликован список награжденных офицеров и солдат Южного фронта. Рахимов прочитал: «Орденом Красного Знамени». Пробежал глазами по фамилиям и вдруг вскопил:

— Полковник Рахимов Сабир...

— От души и сердца поздравляю.

* * *

Шел 1942 год. Дивизия стояла в обороне на восточном берегу низовьев Дона. На переднем крае обороны продолжалась перестрелка. А где-то севернее, в верховьях Дона, кипел бой,— там непрерывно ухали разрывы снарядов.

Командир дивизии, вызвавший к себе Рахимова, сказал коротко:

— Вас на завтра вызывает командующий фронтом.

Рахимов осторожно осведомился: по какому случаю командующий фронтом вызывает командира полка?

— Не могу знать,— ответил командир дивизии.— Я получил короткую радиограмму.

...Ровно в пятнадцать часов Рахимов докладывал о своем прибытии командующему Северо-Кавказским фронтом маршалу С. М. Буденному.

— Абсолютно точно,— отметил С. М. Буденный.— Что очень важно для командира: не раньше и не позже, а точно в назначенный срок.

Он спрашивал об обстановке на участке полка, характере немецкой тактики на Дону, обеспеченности войск и боевом духе солдат. Когда доклад был окончен, Буденный сказал:

— Намерены назначить вас командиром дивизии. Бои предстоят тяжелые. Задача: чего бы это ни стоило не допустить врага до бакинской нефти. Готовы ли вы принять командование дивизией в такой сложной обстановке и обеспечить выполнение задачи?

Рахимов некоторое время обдумывал вопрос, затем решительно ответил:

— Я боец. Готов к выполнению любых задач, которые поставит командование.

— Ну вот и хорошо. Мне известна ваша боевая сноровка под Ельней и под Ростовом-на-Дону. Правильно делаете: умелый и своевременный маневр на войне— это победа.

* * *

В конце лета 1942 года войска Южного фронта под натиском превосходящих сил противника вынуждены были отойти на более выгодные для обороны рубежи.

Дивизия полковника Рахимова заняла оборону в кубанской станице на берегу не широкой, но полноводной реки Ея. На улице станицы около колодца с журавлем стояло десятка три повозок, груженных домашним скарбом. Суетились станичники, жались к родителям присмирившие дети. Едва погасла вечерняя заря, обоз под командованием кубанца с длинной белой бородой, в старой широкополой шляпе, двинулся по краснодарской дороге в горы. Тут его и повстречал полковник Рахимов, возвращавшийся в станицу. Больно сжалось сердце: каково-то людям покидать насиженные места?

Но не все уходили из станицы. Ночью к Рахимову пришел кубанец без левой руки до локтя.

— Меня в настоящее время зовут Алешкой,— представился он.

— Садитесь, вожак партизан,— пригласил его полковник.

— Вы знаете?— спросил кубанец.

— Да,— сказал полковник, которому командование сообщило о том, что здесь, на случай отхода наших частей, остается подпольная группа, с которой ему надлежит наладить связь и оказать помощь. И Рахимов, выслушав просьбу кубанца, сделал все, что надо. И вовремя.

Утром, когда солнце еще не осветило землю, на станицу набросились фашистские бомбардировщики, с северного берега реки загрохотали пушки. Примерно через час полковнику доложили:

— Фашисты форсировали реку, переправили шесть танков и до батальона пехоты.

Рахимов крикнул:

— Адъютант!

И, намереваясь выпрыгнуть из ячейки наблюдения, бежать туда, где образовался прорыв, хотел приказать ему: «За мной!», но вовремя опомнился и приказал:

— Заместителя ко мне!

Заместитель оказался тут же, в траншее. Его Рахимов и направил на левый фланг, в полк, который не выдержал натиска врага. От командира противотанкового дивизиона он потребовал: немедленно перебросить одну батарею на левый фланг, а командиру артиллерийского полка приказал сосредоточить огонь по переправе немцев, разрушить переправочные средства.

На левом фланге разгорался жаркий бой. Рахимов следил за его развитием. Когда прорвавшаяся фашистская группировка была сброшена в реку, он доложил обстановку в штаб фронта.

Четыре дня дивизия Рахимова отстаивала рубеж обороны. Семь раз фашисты пытались форсировать реку, два раза уже высаживали десант, но ни разу успеха не добились. А в ночь на пятый день прибыл офицер связи штаба фронта с приказом: «Отойти на новый рубеж...»

— Почему?— спросил Рахимов.

— Восточнее вас прорвалась крупная группа противника с танками, на море враг захватил город Ейск.

Вызвав начальника артснабжения, Рахимов приказал:

— Свяжитесь с Алешкой-безруким, оставьте ему возможное количество мин и боеприпасов. Дивизия отходит на новые рубежи.

* * *

Немецко-фашистские оккупанты, не считаясь с потерями, рвались в глубь Северного Кавказа. В половине августа 1942 года дивизия Рахимова остановилась за Майкопом в Апшеронском лесу. Впервые за долгие дни боев личный состав дивизии получил отдых. Часа в три дня, когда Рахимов уже проснулся, прибыл офицер связи. «Приказ»,— подумал Рахимов. Но офицер передал ему конверт без сургуч-

ных печатей. В небольшой препроводительной бумажке сообщалось, что посылается письмо трудящихся города Сухуми бойцам и командирам — защитникам Кавказа. Предлагалось с содержанием его ознакомиться личный состав...

Бойцы дивизии молча слушали проникновенные слова письма, которое читал начальник политотдела:

«Дорогие братья! Славные защитники Кавказа! Примите большевистский привет, который от всего сердца шлют Вам трудящиеся Сухуми... Ваша организованность, дисциплинированность, выносливость и мужество изматывают силы врага. Ваши могучие удары он испытал на своей спине... Каждый из вас, защищая свой рубеж, пусть помнит, что за его спиной стоит страна, народ, семья, которые ждут скорейшего разгрома врага».

Отвечая на призыв трудящихся города Сухуми, бойцы и командиры горячо говорили о своей преданности партии, народу, о готовности выполнить свой воинский долг. Последним взял слово полковник Рахимов.

— Фашисты рвутся к Баку... Их пленяет запах советской нефти. Дадим твердое, советское слово — не пустим фашистов к Баку! Не видать захватчикам бакинской нефти!

Громкое, раскатистое «ура» разбило лесную тишину.

Ночью был получен приказ...

И снова схватки с жестоким врагом, снова днем и ночью свист пуль, разрывы снарядов и бомб.

Когда замкнулось кольцо окружения немецких дивизий в Сталинграде и войска Сталинградского фронта вышли за Дон, дивизии Закавказского фронта получили приказ о наступлении. 16 января начала прорыв вражеской обороны Черноморская группа войск, в которую входила и дивизия полковника Рахимова.

Задача предстояла нелегкая: разбить фашистские войска на укрепленной полосе обороны в предгорьях, выйти на Кубанскую равнину, пробиться к железной дороге и шоссе, которые открывают путь к сердцу Кубани — Краснодару.

Дивизия полковника Рахимова наступала на правом фланге. Прорвав основную линию обороны противника, она вышла на простор Кубанской степи, покрытой небольшими высотами, между которыми гнездились станицы. К одной из них подошла дивизия.

— Подступы к станице заминированы. На высотах вокруг населенного пункта проволочные заграждения в пять рядов, через каждые 50—60 метров огневые точки. В садах крайних домов стоят пушки на прямой наводке, — докладывал начальник разведки полковнику Рахимову, разложив перед ним карту. Командир дивизии сказал:

— Пойдем, посмотрим на местности.

Рахимов с разведчиком поднялись на высоту, с которой хорошо просматривалась станица и местность вокруг нее. Расположившись за кустом с неопавшими сухими листьями, командир дивизии в бинокль стал изучать расположение противника. В ранних сумерках хорошо были видны широкие улицы станицы, разделенной на две половины горной речкой. На главной улице высилось трехэтажное здание с колоннами и сооружением, вроде башни, на крыше.

— Это что такое? — спросил Рахимов разведчика.

— Раньше в этом здании был клуб, как говорят местные жители. У немцев в нем был какой-то штаб и гестапо. Штаб переехал. Предполагаю, что в башне наблюдательный пункт.

Рахимов делал на своей карте только ему одному понятные отметки.

— Вы связались с дивизией, которая слева от нас?

— Так точно.

— Где ее передовые части?

— Видите, за высотой, слева станицы, силосную башню?

— Ну, вижу.

— Один из полков находится за этой башней.

— Так это километра три.

— Четыре с половиной,— уточнил разведчик.— Соседняя дивизия, используя то, что в полосе ее наступления не было укрепленных районов, зашла с фланга фашистской группировки, расположенной в станице.

— Вот и прекрасно!— сказал Рахимов, укладывая бинокль в футляр.

Возвратясь на командный пункт, командир дивизии приказал начальнику штаба:

— На 22 часа собрать всех командиров частей — своих и приданных. Поставьте начальнику разведки задачу: во что бы то ни стало к утру захватить «языка».

И, обращаясь к начальнику политотдела, сказал:

— Дорогой, поедем на часок в гости к командиру соседней дивизии, чайку поьем. У нас, узбеков, есть хороший обычай — поздравлять соседей и приносить подарки, когда у них произошло что-то хорошее — родился сын или там урожай хороший, лучше чем другие, снял. А сосед на четыре километра опередил нас в наступлении.

Начальник политотдела, поняв, что поездка «в гости» таит другой смысл, охотно согласился.

Рахимов, положив в огромный штабной кожаный портфель какой-то причудливый, с двумя объективами, трофейный фотоаппарат и большой артиллерийский бинокль, сказал:

— Это будет подарок.

— Таких вещей, надо думать, и у соседей немало,— возразил начальник политотдела.

— Это не важно, важен подарок.

* * *

Командиры частей дивизии и приданных подразделений были в сборе, когда Рахимов с начальником политотдела вернулся из «гостей». Командир дивизии, не тратя времени на разговоры, пригласил всех в дом и сразу же попросил:

— Прошу раскрыть карты.

Охарактеризовав расположение противника и его силы, Рахимов поставил задачу: ночью, под командованием заместителя командира третьего полка передовому отряду с противотанковыми пушками и пулеметами, используя успех левого соседа, зайти в тыл противника, отрезать пути отступления группировке, находящейся в станице. Саперному батальону к утру проделать проходы в минных полях, поставить указатели. Всем частям дивизии утром, после артподготовки, начать решительное наступление.

Однако бой разыгрался не совсем так, как предполагал полковник Рахимов. Передовой отряд еще до начала артподготовки, пользуясь темнотой ночи, сбил оборону противника и вышел на красnodарскую дорогу. В станице начался переполох. Об этом рассказал захваченный разведчиками пленный.

Рахимов, получив донесение командира передового отряда об успешных действиях и показаниях пленного, отменил намеченную артподготовку и приказал немедленно перейти в наступление, имея в боевых порядках полковые пушки на прямой наводке.

Утром через станицу прошло около пятисот пленных.

...И снова бои.

Как и другим частям, дивизии полковника Рахимова пришлось преодолеть три линии вражеской обороны на подступах к Краснодару, многочисленные противотанковые рвы, минные поля. После освобождения города Краснодара дивизия вырвалась к морю.

И здесь, когда дивизия остановилась в обороне...

Самолет ПО-2 приземлился. Из него вышел генерал штаба фронта, сел в ожидавшую машину и направился на командный пункт дивизии. В присутствии офицеров дивизии генерал торжественно вручил полковнику Рахимову орден Суворова и зачитал письмо: «Согласно Указа Президиума Верховного Совета от 8 февраля 1943 года Вы награждены орденом Суворова II степени. Не имея возможности лично вручить Вам этот орден, посылаю его вместе с письмом. Поздравляю Вас с достойной наградой и желаю дальнейших успехов в Вашей боевой деятельности и личной жизни.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. Калинин»

Еще через несколько дней полковника Рахимова телеграммой вызвали в штаб фронта. Вернулся он через три дня в форме генерал-майора Советской Армии.

* * *

Генерал-майор Сабир Рахимов погиб в боях с фашистскими захватчиками в последние месяцы Великой Отечественной войны. В столице нашей республики — Ташкенте, на одном из обелисков братских могил в центре города прикреплена мраморная доска с надписью:

Гвардии генерал-майор

САБИР РАХИМОВ

1902 — март 1945

Имя верного сына узбекского народа, внесшего большой вклад в борьбу с фашистскими захватчиками, отдавшего жизнь за счастье и процветание нашей Родины, — Сабир Рахимов увековечено названием улицы в столице республики, школы, где он учился, колхоза в Калининском районе. С чувством глубокого уважения его имя называют в войсках Туркестанского Военного Округа, на встречах молодежи с ветеранами войны, поэты слагают песни о герое Отечественной войны.

В. ЛАРЦЕВ, Р. ШАГИНЯН

КОММУНИЗМА ЗРИМЫЕ ЧЕРТЫ

(К проблеме становления коммунистического характера в советской литературе последних лет)

В настоящее время советский народ, осуществляя великие предначертания XXI съезда партии, отдает все свои силы строительству коммунистического общества.

Исключительно важное значение приобретают сейчас вопросы коммунистического воспитания. Они неотделимы от экономических задач. Об этом со всей ясностью и конкретностью говорил Н. С. Хрущев на XXI съезде партии, на Всероссийском съезде учителей 9 июля 1960 года: «Мы решаем сейчас две исторические задачи — создание материально-технической базы коммунизма и воспитание нового человека. По сути дела, это единый процесс. Если мы отстаем с образованием и воспитанием советских людей, то неизбежно затормозится все дело строительства коммунизма».

Воспитание современного советского человека, в котором так ясно проступают черты человека коммунистического общества, неразрывно связано с повышением общей культуры, с пристальным вниманием к искусству и литературе, к развитию разных видов творчества. Именно поэтому в последние годы развитие советского общества вызвало к жизни ряд новейших форм в экономической и культурной жизни: соревнование за вы-

сокое звание бригад и предприятий коммунистического труда, создание народных университетов культуры, широкое развитие вечернего и заочного образования, новые методы в работе художественной самодеятельности, в лекционной пропаганде, широкая сеть самообслуживания и т. п.

В деле формирования нового человека, человека коммунистического общества, особенно большая и почетная роль принадлежит сейчас нашим деятелям литературы и искусства.

Литература современности войдет в историю нашей духовной культуры и как «живое, трепетное зеркало» (Горький) эпохи развернутого коммунистического строительства, и как начало формирования новой фазы в развитии социалистического реализма, фазы первых поисков и попыток создания художественной концепции коммунистического характера. На эту сторону развития советской литературы указал в своей речи на встрече руководителей партии и правительства с представителями советской интеллигенции 17 июля 1960 года секретарь ЦК КПСС Ф. Р. Козлов: «В ряде произведений, напечатанных в журналах и вышедших отдельными книгами, отражены черты, рождающиеся в жизни человека ком-

мунистического будущего. Поиски писателей в этом направлении заслуживают внимания и всемерной поддержки».

Мы живем ныне в то время, когда, благодаря ежедневно совершающимся у нас коммунистическим преобразованиям, особенно интенсивно становится действительностью предвидение Маркса, связывающее производственный, материальный прогресс, «новое проявление человеческой сущностной силы» при социализме с «новым обогащением человеческого существа».

Среди многих произведений последних лет, воссоздающих богатого, «эмансипированного», по словам Маркса, все свои «человеческие чувства и свойства» человека наших дней, человека строителя коммунизма, как-то особенно выделяется «Знакомьтесь, Балугев» В. Кожевникова, повесть, весь пафос которой заключен в ее, употребим слово самого же автора, «человекопоклонстве» — не в умильном и созерцательном любовании человеком, не в ложном и вредном обожествлении его, а в живом художественном показе того, что «сейчас человеком трудно быть», ибо «каждый от другого полную высоту души требует». Суть этого, вызванного нашей героической современностью, коммунистического «человекопоклонства» глубже и полнее всего выражена в таких словах повести Кожевникова: «...чем ближе мы к коммунизму, тем ярче, разнообразнее и оригинальнее становятся наши люди, и так упорительно наблюдать свободный расцвет особенностей каждого, — эти особенности нужно только научиться понимать, — и отдавать симпатию не самым покладистым, а тем, кто яростно стремится стать лучше, чем он есть».

Почему же для определения пафоса «Балугева» выбрано именно это слово — «человекопоклонство»?

Во-первых, потому, что оно не случайно, отнюдь не походя вложено в уста одного из героев повести и как раз в том эмоционально-смысловом своем наполнении, которое делает это слово таким же художественно экспрессивным воплощением образного ключа произведения в целом, каким в пьесе «На дне» Горького стало крылатое выражение Сатина: «Человек — это великолепно, это звучит гордо...»

Во-вторых, потому, что убежденность в пафосном, «ключевом» значении этого

слова утверждается и усиливается другими очевидно «человекопоклонными» по своей идейно-художественной направленности местами повести.

В-третьих, потому, что «человекопоклонство» действительно может служить обозначением той концепции характера нашего современника, того образа нашей действительности, того эстетического ее ощущения, что создается всей атмосферой повести, ее художественной логикой и осознается читателем как особое, по своему впечатляющее явление стиля литературы социалистического реализма наших дней, литературы, воссоздающей «коммунизма зримые черты» (В. Маяковский).

О «человекопоклонной» эстетической заданности повести «Знакомьтесь, Балугев» говорят два признания ее автора из статьи «Ощущение времени».¹ Одно из них раскрывает авторскую концепцию современности как концепцию героического человека: «Наше время вобрало все героическое прошлое... В него вошел и человек первых пятилеток, и человек, который поднимался на вершину духа в годы Отечественной войны и стал сейчас строителем коммунизма». Другое определяет путь художественного воплощения этой концепции, путь, предполагающий активное и любознательное, любовно заинтересованное непосредственное вмешательство автора в воссоздание образа нашего современника, путь, как замечает сам В. Кожевников, «контакта, сопереживания».

Отсюда и чрезвычайно важная, в самом широком смысле этого слова, конструктивная роль автора в развертывании повествования и композиционной организации повести. Это, очевидно, и дало право В. Литвинову в статье «Держание»² утверждать, что сюжетом повести стал ход авторской мысли... В «Балугеве», разумеется, есть и собственно сюжет — развертывание и анализ характеров в конфликте, через систему событий, действий и пр. В. Литвинов, не оговаривая этого специально, очевидно, стремился явственнее подчеркнуть, что в повести автор, в отличие от традиционного развертывания сюжета, не растворяет своего

¹ «Литература и жизнь» 15 июля 1960 г.

² «Литературная газета» 21 мая 1960 г.

отношения в самой повествовательной ткани, а сознательно во всем строе своего произведения делает видимой для читателя «дирижерскую палочку» своей мысли, своей эмоциональной оценки (через «контакт, сопереживание») изображаемого.

Горький называл литературу «трибуной для всякого человека, имеющего в сердце горячее желание поведать людям о перестройке жизни и страданиях человеческих, о том, что надо увенчать человека, и о необходимости для всех людей свободы, свободы, свободы!» Русская классическая литература дала сокровищнице мировой художественной культуры немало творений с могучим гуманистическим пафосом, рассказывающих о «страданиях человеческих», произведений, ставших, по выражению Горького, «песнями в честь свободы», созданий потрясающих, говоря его же словами, «упорными поисками всеобщей, всеосвещающей правды». Литература социалистического реализма заявила о начале новой эры в художественном развитии человечества, сделав своим пафосом поэзию «перестройки жизни», поэзию, по известному определению Горького, «обогащения жизни разумом и воображением», поэзию «борцов против мертвой, окаменевшей действительности, для создания новых форм социальной жизни, новых идей». Поэтому-то советская литература, как никакая другая, увидела свое главное призвание в необходимости «увенчать», возвеличить человека-борца и создателя.

Когда Балуеву его сын Костя сказал: «На мраморных стенах Дельфийского храма была высечена в камне надпись: «Человек — мера вещей», — отец, истолковывая этот афоризм в соответствии со своими взглядами, торжествуя заявил: «Сначала человек его построил, здание, и только тогда стал мерой вещи, им созданной. Это правильно, согласен с твоими греками. Без дела ни человек, ни его культура существовать не могут. Начало всему — деяние».

«Человекопоклонство» в повести В. Кожевникова идет от того, что Горький называл «уважением к человеку-творцу», от понимания социалистического реализма как метода, который «утверждает бытие как деяние», от горьковского завета: «Основным героем наших книг мы должны избрать труд, т. е. человека, ор-

ганизуемого процессами труда..., человека, в свою очередь организующего труд более легким, продуктивным, возводя его на степень искусства». «Человекопоклонная» тенденция «Балуева» вытекает, таким образом, из самого существа художественной концепции человека, созданной социалистическим реализмом, непосредственно соотносится с одной из главных, магистральных традиций нашей литературы.

Однако повесть Кожевникова верна горьковским заветам творчески: она не ученически следует им, а развивает их в духе времени. Отталкиваясь от горьковской концепции социалистического человека, автор «Балуева» ищет новых путей поэтизации нашего современника, деяний его сегодняшнего дня — строительства коммунизма. Повесть увенчивает человека не только свободного, «человека вечного человека», но и человека богатого духовно, эстетически, эмансипирующего всего себя, все свои чувства от всяческой материальной зависимости (в повести Балуев говорит о том, что «реальный коммунизм» сводится «к освобождению человека от всяческой материальной зависимости»), человека, который в самом действительном и строгом смысле этого слова может быть таким, каким он должен быть.

Человек, перед которым преклоняется автор «Балуева», — это человек «завышенной нормы», «полной высоты души», человек, в котором «прекрасное, редкое» становится таким, каким оно может и должно быть. Словом, это человек с задатками коммунистического характера, и главным образом потому, что он — лишь в коллективе и благодаря коллективу гармонически развивающаяся индивидуальность. «Каждый должен в своем сердце понимать и беречь каждого человека, — говорит заглавный герой повести Кожевникова, — для себя беречь, потому что все на всех работают и все во всех заинтересованы. А отсюда мораль: от нравственности каждого человека зависит мое материальное, жизненное благополучие. Так, значит, дерись за каждого человека как за свое личное счастье!».

Важно, что В. Кожевников развывает этот взгляд на коммунистический характер в том направлении, которое

подсказывается современностью, которое диктуется практикой и задачами нашего сегодняшнего дня, борьбой за наше ближайшее завтра. Однако еще ценнее то, что он делает это как подлинный художник, что ему действительно удается образно воссоздать, как «человек человеком делается», что он поистине **показывает** борьбу за каждого человека («как за свое личное счастье»).

Мы совсем иначе начинаем верить рассуждениям Балужева, когда видим его живущим и действующим согласно этой своей «философии», когда она, эта «философия», воспринимается нами как стержень, как пафос его живого, художнически изображенного характера. Именно таков в повести Балужев в самый напряженно-торжественный, ответственнойший момент протаскивания дюкера через реку: «Развернув свиток схемы протаскивания дюкера, последний раз сверив чертеж с тем, что было в натуре, Павел Григорьевич никак не мог сосредоточиться на бумаге. Его не беспокоило, совпадает ли начерченное с действительностью — здесь все было правильно, его тревожило другое: не произошло ли за эти сутки что-нибудь такое, что могло нарушить самочувствие людей, от которых зависел исход операций».

Вот Балужев, «напряженно, вдавливая до боли в глазницах окуляры бинокля», всматривается в лицо Мехова, «стараясь обнаружить то, что сейчас беспокоило его и тревожило». Он же пристально наблюдал до этого за Лупаниным — не написано ли на его лице выражение «отчаяния, какое бывает у человека, отвергнутого любимой девушкой», опасаясь, что Капа Подгорная могла со свойственной ей прямоотой и откровенностью сказать любимшему ее Лупанину о своем согласии выйти замуж за Шпаковского. Тут же Балужев переводит бинокль на Вавилова, всматривая, не обижен ли он, не задел ли случайно его самолюбия Лупанин — «ведь обиженный человек утрачивает инициативу и в ходе дела ничего не захочет подсказать Лупанину, когда тот будет нуждаться в совете».

Это и означает умение руководить, как выражается Балужев, «с глазу на глаз», готовность «драться за каждого человека, как за свое личное счастье», — и не продекларированное умение, а претворившееся в кровь и плоть образов. Мы не ощущаем надуманности, «подстроено-

сти» этой сцены потому, что этой «балуевской философией» живут и Лупанин, и Вавилов, и Мехов; потому, что сами эти герои в развертывающемся перед нашими глазами эпизоде — не статисты, расставленные на месте действия так, как это угодно автору, а полнокровные, жизненно достоверные характеры, у каждого из которых есть непосредственно воспринимаемое нами «прекрасное, особенное, редкое». И очень немалую роль в создании художественной убедительности этой картины играет то, что в ее построении самым активным образом участвует «сдержанный в самой своей взволнованности и «нервности», характерный для современного советского человека разговорный склад речи», как верно определил его Я. Эльсберг¹, склад речи, в котором «отражается сложное поступательное движение нашей жизни».

Эта утверждаемая В. Кожевниковым необходимость для нашего современника в любом деле ощущать «локоть товарища», свою прямую заинтересованность в нем как члене единого трудового коллектива пронизывает не только страницы повести, рассказывающие о протаскивании дюкера. Этот коллективизм составляет важнейший принцип организации всей системы образов повести. По верному замечанию В. Литвинова (его рецензии в «Литературной газете» мы касались выше), название повести — «Знакомьтесь, Балужев» — парадоксально. Действительно, критик прав, когда, доказывая эту свою мысль, говорит: «Чтобы узнать Балужева, надо прежде узнать Зайцева и Пеночкину, и Босоногова... и потолочника «графа Шпаковского»... и многих других, оставивших частицу своего характера в облике Балужева».

Взаимодействие и «сцепление» образов друг с другом, раскрытие всей полноты художественного обобщения, заключенного в каждом из них, через систему связей и отношений между ними — всеобщий закон искусства. Однако он, этот закон, предстает в «Балужева» в своем новом явлении. Суть дела в том, что система образов этой повести создает, как верно выразился В. Литвинов, «собирательный портрет коллектива», но не по совсем обычному для прошлого опыта на-

¹ Я. Эльсберг. «За изучение, против фразы», «Литературная газета» 10 сентября 1960 г.

шей литературы принципу: все хоть сколько-нибудь примечательные герои «Балуева» несут один и тот же — положительный «эстетический заряд», действием повести не движут те или иные формы конфликта, прямого столкновения, «сшибки» между ними. Герои повести — бойцы одного фронта, плечо к плечу выполняющие каждый на своем участке одну большую операцию, их общий враг — «гиблое болото поймы» и полноводная река — «ее ложе надо прошить трубопроводом, по которому будет мчаться тутим сиреневым потоком газ».

Горький писал о том, что «советская литература создает свою эстетику на основах эпического героизма трудовых процессов и основах классовой борьбы, а после победы в этой борьбе — основанием эстетики послужит борьба с природой». Хотя и не наступило еще предсказанное Горьким время, когда безраздельным основанием эстетики социалистического реализма послужит борьба с природой, но оно близится, черты его зримо проступают в нашей действительности. И не является ли своеобразной и по-своему уместной «разведкой будущего» в главном удавшаяся попытка Кожевникова создать повесть, основанием эстетики которой начинает служить борьба с природой? Это вторжение в эстетику грядущего, думается, и помогло во многом автору «Балуева» в том, чтобы сделать систему образов повести носителем коллективизма высшего типа, коллективизма коммунистического, который уже в наши дни возникает в трудовых коллективах типа «балуевского», коллективах, где «дерутся за каждого человека, как за самого себя».

Устремленность в будущее — это качество повести В. Кожевникова обратило на себя внимание всех критиков, писавших о ней. Автор «Балуева» действительно владеет тем «редким умением смотреть на настоящее из будущего», без которого невозможно понять, что такое метод социалистического реализма.

Это видение «действительности будущего», формирующейся в настоящем, в процессе его революционного развития и преобразования, — не догматический канон, механически уравнивающий, нивелирующий творческие индивидуальности советских писателей; оно непосредственно вытекает из коммунистической партийности нашей литературы, обеспечи-

вающей, говоря словами Ленина, «простор личной инициативе и индивидуальным склонностям», простор «мысли и фантазии, форме и содержанию».

Разве не показательно именно в этой связи то, что в прошлом году у нас появилась книга А. Аграновского с поистине парадоксально звучащим названием «Репортаж из будущего». Никто еще в литературе не брал на себя миссии очевидца... будущего, не пытался сочинять о нем, как прямо заявляет А. Аграновский, «не роман, не сказку, а честный репортаж». И дело здесь не в богатстве воображения автора столь необычного репортажа, не в экспериментаторском складе его писательского дарования, хотя и нельзя отказать А. Аграновскому ни в том, ни в другом. Дело в том, что наше время, как никакая другая эпоха, сделало особенно очевидным одно простое и чудесное свойство будущего — то, что, скажем словами Аграновского, «завтрашний день наступает сегодня», что «его делают люди знающие, опытные, смелые». Дело в вытекающих из этой особенности нашей действительности возможностях социалистического реализма, позволяющих художнику, оставаясь реалистом, «двигаться» по времени, стать очевидцем грядущего.

Читая книгу Аграновского, мы начинаем жить, употребим выражение самого автора, «как бы двойной жизнью».

С одной стороны, перед нами проходят картины настоящего: достижения, проблемы, планы и их творцы — революционеры, мечтатели нашей науки и техники; нынешний «обыкновенный», «одноэтажный, пыльный» городок Энск, его дела и люди. Здесь рассказ о том, как «писалась удивительная поэма о большом будущем маленького Энска», проглядывающем пока... «сквозь прозрачную кальку», рассказ о проекте Энского Центролита, который «придуман, осметчен, утвержден» и уже стоит на пороге своего превращения в реальность.

С другой стороны, в книге Аграновского есть репортаж о собственно грядущем: автор, а вместе с ним и мы становимся «очевидцами будущего», переносимся «на пять-шесть лет тому вперед», совершая экскурсию по уже сооруженному и работающему Энскому Центролиту.

Аграновский честно придерживается правил репортажа — он художнически материализует в настоящем времени, так

сказать, спроектированное будущее. Но он не обходится, как признается сам, без известного «коэффициента вымысла». На страницах интересующей нас сейчас главы «Это было в 196... году» появляется «Молния»: «На третьем участке цеха спецспособов литья задерживается подача титановых створок для Межпланетного Корабля «СССР-12»...». Ниже, верный уговору быть только репортером, автор прерывает свою «поездку в будущее» и кается в том, что историю с «молнией» он «от начала до конца выдумал». Но признание это завершается таким, как бы вскользь брошенным, но попадающим прямо в «яблочко» замечанием: «Впрочем, и тут, если правду говорить, меня беспокоит совсем другое: не останется ли моя мечта?». Ведь Аграновский очень и очень прав: тому, кто в своем видении будущего идет от нашего настоящего, действительно может угрожать опасность отстать — даже при самой трезвой и самой смелой оценке нашего сегодня оно способно оказаться в своих потенциальных возможностях дерзновеннее проникающей силы человеческого воображения.

В том, что А. Аграновский «коэффициент вымысла» повергает все более стремительными темпами перехода нашего будущего в настоящее, все более возрастающим «выигрышем времени», в котором «основной смысл и главный пафос семилетки», — в этом заключается одна из весьма знаменательных примет художественного освоения грядущего в наши дни. И с ней нельзя не связывать тот особый ракурс, в котором предстают перед нами в книге Аграновского «коммунизма зримые черты», образ «действительности будущего». В этом образе столь же ошутимо дыхание нашей героической современности, сколь заметна и «гербовая печать» самого писателя — своеобразие его «индивидуальных склонностей и вкусов», его творческой «мысли и фантазии».

Среди наиболее значительных произведений последних лет, обращенных всем своим пафосом в коммунистическое завтра, особенно выделяется масштабностью и глубокой оригинальностью воссоздания нашего, используем известное герценовское выражение, «кипения вперед», «Поэма о море» А. Довженко. Сомневающимся в художественном многообразии, стилевом богатстве явлений нашей современной литературы можно было бы порекомендовать сравнить «Поэму о море»

с «Репортажем из будущего», разумеется, отнюдь не забывая о нетождественности эстетического качества этих разных по материалу и жанру, по содержанию и форме, но в то же время близких друг другу своей большой заинтересованностью в нашем грядущем, своей настоящей современностью произведений. Разве не бросится в глаза каждому точность, достоверность, квалифицированная деловитость и выверенная мечтательность репортажа А. Аграновского и лирическая взволнованность, монументальность и романтическая пригодность образа «действительности будущего» в сценарии А. Довженко?! И разве не согласимся мы без всяких обиняков с уместностью и плодотворностью этих столь не похожих друг на друга путей художественного оживотворения коммунистических, устремленных «на пять-шесть лет тому вперед» начал нашей современности?!

Впечатляющая сила «видения будущего» (этими словами В. Шкловский определяет, отличая «видение будущего» от его предвидения, особый склад дара Довженко-художника) в «Поэме о море» своим главным источником имеет «родственное внимание» ее создателя к возвышенному и прекрасному, перспективному и бессмертному в нашей жизни. «Я всегда считал, — утверждает как свое авторское кредо А. Довженко, — что искусство должно уметь увидеть красоту в человеке, оно должно обрести крылья».

Один из героев «Поэмы о море», председатель колхоза Зарудный, в недовольстве на «скупость» проекта Дома культуры говорит: «Полторы тысячи бархатных кресел, не меньше! Картины — чтоб краше, как в храме! Чтоб все в нем веселило душу! Чтоб красота меня обязывала и возвышала». Проникновенным изображением этой «веселящей душу», «обязывающей и возвышающей» красоты Довженко и удавалось «в настоящем дне» точно указать будущего человека (В. Шкловский), быть «инженером» его рождающегося на наших глазах духовного мира.

Вот почему любимые герои Довженко — «великие маленькие люди». Вот почему поистине «ключевой» для «Поэмы о море» в целом, для художественной атмосферы и «идеологической температуры», в которых формируется в сценарии образ

нашего настоящего и будущего. является такая авторская ремарка, посвященная «маленькому водителю грузовой машины Кравчине»: «Если скульпторам когда-либо придется в новом городе на площади (над широкой рекой) ставить памятник доброму человеку, лучшей модели, чем Иван Кравчина, им, пожалуй, не найти».

Эта статуарность лепки образа нашего современника заостряется по контрасту снижающей, разящей силой сатиры против людей «с совестью клопа». Есть своеобразная черта нашего времени в том, что для обличения «клопоного» существа всяких голиков Довженко не понадобилось прибегать, как это доводилось Маяковскому-драматургу, к условному перенесению сценического действия в эпоху коммунизма, к «машине времени» — от пошляков и туенядцев, бюрократов и чинуш несет «клопом», когда они оказываются в «Поэме о море» рядом с «маленькими великими людьми», с Иваном Кравчиной, например, человеком сегодняшнего дня, в котором светится наше сияющее завтра. Авторская «осанка» в «Поэме о море» как-то очень органично, на основе зоркого, проникновенного видения нашей современности «сцеплена» с гневным авторским «вон!», брошенным прямо и непреклонно в лицо подлецам, себялюбцам, бюрократам и хамам, цуровящим из своих щелей проползти в создаваемый народом светлый «храм будущего».

Не знающая полутонов, красочная, зажигательная, празднично-романтическая «действительность будущего» предстает перед нами в сценарии Довженко во всей полнокровной реальности настоящего — его комедий и трагедий. В этом и выявляется одно из магистральных направлений в современной литературе социалистического реализма, направление, у которого будут свои новые находки, новые пути и формы.

«Вещи познаются через сравнение», — говорил Белинский. Возвращаясь к превращенному разговору о теме будущего в повести В. Кожевникова, мы попытаемся воспользоваться этим правилом. Его-то, собственно, имея в виду, мы и обращались к репортажу А. Аграновского и сценарию А. Довженко:

Многое роднит «Балуева» с «Поэмой о море»: и там и здесь оказываются поистине сквозными авторские раздумья о коммунизме (герои Довженко и Кожевни-

кова настолько пристально вглядываются в будущее, что им есть дело до того, «будут ли страдать при коммунизме», доживет ли до него ревность); этой лучезарной, вдохновенной идеей и тот и другой художник «мерят», если перефразировать известный стих Маяковского, людей и дел «сорта». Близки друг другу повесть и сценарий по своему эмоциональному деймотиву: «Как прекрасен мир и как прекрасна жизнь!» — восклицает автор «Поэмы о море»; «И сейчас, смотри, как красиво жить на свете!» — говорит своему сыну заглавный герой произведения Кожевникова. Оба писателя как бы приглашают своих читателей воочию убедиться в том, что, скажем словами Балуева, «вот-вот уже в руках это время коммунизма, и в каждом человеке хоть чуточку, да светит оно». Своим высшим художническим долгом они считают — найти и показать «драгоценные черты нового сознания», опознать «счастье борьбы, предельных напряжений, воли, трудов». Так понимал его, счастье, герой Довженко генерал Федорченко.

А сравнивая «Балуева» с «Репортажем из будущего», нельзя не заметить известной внутренней переклички между этими произведениями в очень примечательном для них обоих ощущении **материальности** коммунистического идеала, в воссоздании нашего движения к нему через изображение всенародного творчества, его подлинно революционных для всей человеческой истории производственных, экономических форм. Сближает произведение В. Кожевникова с книгой А. Аграновского его, так сказать, хороший (художнически освоенный) техницизм, наличие в нем публицистического начала, предстającego иной раз в виде выдержек из «почти непереваренной», как выразился В. Литвинов, «записной книжки журналиста», вникающего в технологический труд газопроводчика.

Однако при всем этом повесть Кожевникова весьма ощутимо отличается от «Репортажа» Аграновского и сценария Довженко самим характером видения будущего, самими особенностями его образного воплощения. Материальная, производственно-техническая основа коммунизма, интерес к которой связывает «Балуева» с книгой Аграновского, предстает перед читателем повести Кожевникова прежде всего и главным образом как человеческое

деяние, насквозь пронизываясь пафосом «человекопоклонства», тогда как отнюдь не в последнем «весь гвоздь» «Репортажа из будущего». И если уж брать «человекопоклонную» тенденцию, то именно ею в наибольшей мере тяготеет «Балуев» к «Поэме о море». Столь же, однако, тяготеет, сколь и существенно различается. Есть в повести Кожевникова одно очень многозначительное место, прямо соотносящееся с той показательной для «Балуева» эстетикой «борьбы с природой», о которой речь шла выше.

«После того, как наловчились сохранять плети труб от ярости океана в самом океане, будто на складе,— рассказывает Кожевников об одном из эпизодов прокладки в годы войны дюкера для снабжения флота топливом в открытом океане,— Петухов в брезентовом балахоне выходил в штормовую погоду на берег и разговаривал с океаном:

— Что, слабак против нас оказался? Слабак!— И отмахивался рукой от белых ключей сохнувшей солью белой пены. Однажды, вернувшись в барак, он сказал:

— Силен человек, силен».

Но эта сцена, которая могла бы напомнить нам о довшенковском восторженном преклонении перед Человеком, получает чисто кожевниковский разворот в следующем сразу же за нею авторском размышлении: «И это (слова Петухова о мощи человека) было правдой. Но, увы, если бы современный ваятель захотел бы запечатлеть образ строителя, проложившего по дну океана гигантский дюкер в годы войны, он не рискнул бы для этой цели взять натурщиками ни Петухова, ни Бубнова, ни Босоногова. И может, правильно. Зачем потомкам ломать себе голову над загадками: как это так, столь далекие от совершенств телесной гармонии личности — и вдруг передают марморную эстафету героизма, богатырского подвига».

Вспомним Ивана Кравчину из «Поэмы о море», которого сценарист считает «лучшей моделью» для скульпторов, задавшихся целью создать «памятник доброму человеку», и мы начнем зримо представлять тот водораздел, от которого, питаемая одним источником, потекут в разных направлениях стихии, составляющие природу довшенковского и кожевниковского «человекопоклонства».

В кожевниковском любовании «настоящим человеком», человеком с искрой

коммунизма чувствуется нечто толстовское, фадеевское. Герои «Балуева», начиная с заглавного, совсем, воспользуемся словом самого автора, не «покладисты», в любом из них найдешь «сучок и задоринку», «чудинку», словом, то, что действительно заставляет каждого «яростно стремиться стать лучше, чем он есть». В характерах, развернутых в повести Кожевникова, есть что-то парадоксальное, как-то напоминающее Левинсона из «Разгрома» — «правильного человека» с внешностью «гнома». И думается, что за этим стоит у Кожевникова по-своему преломленное, быть может, опосредствованное фадеевской традицией, толстовское диалектическое видение мира, стоит, столь изумительно развитое у «великого писателя земли русской», умение художнически исследовать и показать внутреннюю противоречивость бытия, отношений сущности и явления в самом человеке и его окружении.

У того самого слесаря-монтажника, который, ехидно-торжествуя разговаривая с океаном, назвал его «слабаком», «ноги были изогнуты рахитом — следы голодовки в Поволжье, глаза водянистые, смиренные; он награжден грижей за гражданскую войну в Сибири...». «Но ведь только он, — пишет тут же автор, — мог по десять часов подряд, захлестываемый океанской волной, навешивать грузы на трубы дюкера». Петухов же, говоря товарищам о том, что освобожденный от фашистов народ «голым и голодным предстанет», советовал: «Поскольку мы здесь в привилегированном положении, надо копить, что для тебя излишне, а потом в подарок освобожденному населению». Возвращаясь с работы в остекляневшей ото льда одежде, он долго не раздевался, чтобы не ломать спецовку, стоял перед печуркой и дождался, пока одежда оттаеет. Переодевался в сухое, «он замечал огорчительно: «На худом теле бельишко быстрее снашивается. Стирается о кость, вот что». Такой этот «великий маленький» слесарь-монтажник, который, однако, будучи «столь далеким от совершенств телесной гармонии», не годился в натурщики ваятелю.

Комсомолец Виктор Зайцев сквозь жерло огромной трубы добровольно вызвался протащить трос. И вот как автор рассказывает о его подвиге. Он «все сильнее ощущал тяжесть троса, тяжесть промокшей одежды, задыхаясь в промоглой,

едкой духоте, продвигался уже не ползком, а корчась всем телом». Истерзанный физически и нравственно, он, чтобы «не было так страшно думать о смерти», стал думать вслух. «Слушая свои слова, грозно усиленные эхом, разговаривал уже с ними, с этими оторванными от себя словами.

— Мне больно дышать! — жаловался Зайцев.

— Может быть, тебе вентилятор поставить? — издевался другой Зайцев.

— Бросить петлю и ползи обратно, ведь нет же больше сил.

— Первое, что увидят, это твою мокрую задницу, и ты ею вывалишься из трубы на землю.

— Стоит лечь на спину, положить на грудь фонарь, помигать — и тебя вытянут тросом обратно. Выползешь ногами вперед. Скажешь честно: «Не смог».

А мама ползла с обеспамятевшим раненым отцом! Потом, когда сама обеспамятела, ее нес отец... И она лежала на нем вздутым животом, где скорчившись, как сейчас, был уже ты... будущий Виктор Зайцев».

Вот она, живая диалектика подвига: мы видим, как его героическая сущность проходит в своем явлении «сквозь строй» аффектов страха и малодушия, неизменно торжествуя, однако, над ними и пронизываясь в этих тяжелых испытаниях, поведенных писателем с трезвой и бескомпромиссной правдивостью, романтикой возмужания, романтикой столь же мучительного, сколь и высокого рождения Человека. Есть большая правда в этом воспоминании Виктора о матери и отце — перед нашим взором юноша, которому настал черед взять в свои еще неопытные руки эстафету «героизма, богатырского подвига». Это не та «мраморная эстафета», в натурщики для которой не годился Петухов, а та эстафета борьбы за новую жизнь и нового Человека, в которой по праву одним из лидеров может считаться этот слесарь-монтажник.

Исполнен тонкого и мудрого психологизма тот момент рассказа о подвиге Зайцева, когда он, «замкнутый в трубе, обессиленный, впервые за два года громко и нежно сказал:

— Папа, папочка! — и совсем по-детски: — Я больше не буду так с тобой, папочка (Виктор порвал с отцом, после смерти матери женившись на другой). — Я сегодня же у тебя письмом прощения

попрошу. Сегодня же, сразу, как вылезу, сразу напишу!

И он стал быстро двигаться по трубе, цепляясь за стены всем телом. волоча за собой трос».

В этом ребячески-непосредственном примирении с отцом — первый поступок повзрослевшего и возмужавшего душой юноши, человека, который уже действительно может «быстро двигаться по трубе».

Здесь-то и сказывается особенно определенно оригинальность художественной концепции «действительности будущего» в повести Кожевникова. Нам представляется, что автор «Балуева» проявляет особую склонность, «родственное внимание» к «диалектике будущего», к самому процессу рождения нового, «будущего» в человеке, к его формам, законам. Нетрудно заметить, что в данном случае Кожевников идет от определенной, имеющей свой богатый опыт традиции советской литературы. Вспомним, что показ диалектики рождения будущего — сильнейшая и важнейшая сторона построения образа Нилковы в горьковской «Матери», что она красной нитью проходит в «Поднятой целине» Шолохова, «Разгроме» Фадеева, в романе «Как закалялась сталь» Островского, в «Людях из захолустья» Малышкина и др. Есть нечто знаменательное в том, что в наши дни Кожевников опирается преимущественно на эту традицию (в той или иной мере она сказывается и в других произведениях современности, но не столь ярко, пафосно, как у Кожевникова). Думается, что «диалектика будущего» — детище эпох «великих переломов», эпох развернутых наступлений на старое, решительных моментов формирования нового сознания. Разве не в пользу этого мнения говорят сами названные выше произведения?! Разве не об этом свидетельствует «Балуев» — повесть, написанная, что называется, по свежим следам принявшей всенародный масштаб борьбы за коммунизм, произведение, рисующее процесс формирования коммунистического сознания!

Исторически небывалое время и питает те своеобразные пути, которыми идет, отталкиваясь от великой традиции своих предшественников, Кожевников в воссоздании «диалектики будущего». Отсюда, от ощущения нового, коммунистиче-

ского, тесно связанного с социалистическим «сегодня», и возникает та парадоксальность, та противоречивость отношений сущности и явлений в изображаемых Кожевниковым характерах, ситуациях и т.д., которых мы коснулись выше. Мы считаем нужным вернуться к этой особенности «Балуева» снова, потому что придаем ей отнюдь не второстепенную роль.

Читавшим «Балуева» известно, какую существеннейшую сюжетную функцию выполняет в повести провал торжественного, поистине начинавшегося как праздник протаскивания джокера через реку. (Бетати, уже в таком развороте сюжета можно усмотреть установку на изображение превратности, парадоксальности отдельных звеньев, моментов становления нового, «будущего»). Так вот, сама причина, сама авторская мотивировка срыва кульминационной операции с джокером таит в себе тоже парадокс диалектики развития, диалектики вторжения в душу человеческую поэзии преобразования жизни, покорения природы. Именно так в повести осмысливает свое «посрамление» Балуев. «Завалил трактор Зенушкин? — размышляет он. — Значит, у парня душа восторженная! Завалил потому, что с восторгом работал. Восторг подвел! А завтра этот восторженный парень с такой же дерзковенной удалью, как Лупанин, сделает такое, что считается невозможным. Побольше бы таких людей восторженных!».

И автор «Балуева» не только очень знаменательным казусом с трактористом Зенушкиным, но и многими иными раскрывает поистине неисповедимые пути рождения нового в своих героях — Зине Пеночкиной и Кале Подгорной, в «графе Шпаковском» и Марченко и др.

Однако раскрытие противоречивости пробуждения в человеке нового, коммунистического составляет лишь одну сторону, одно звено, хотя и немаловажное, диалектики будущего», развертывающейся в повести Кожевникова. В ней мы как бы видим спиральевидность процесса развития: не случайно Балуев в процитированном выше отрывке ставит рядом имена Зенушкина и Лупанина. Сегодня Зенушкину его работа приносит в прямом смысле этого слова головокружительный восторг, завтра она станет для него тем вдохновенным искусством, до высот которого уже поднялся Лупанин. Так «действительность будущего» начинается в «Балуеве» пред-

ставать в своем новом для нашей литературы аспекте, сущность которого объясняется такими, не раз проходящими в повести раздумьями автора: «Мне кажется, если человек умеет работать для собственного удовольствия, испытывая самозабвенное наслаждение от своего труда, то можно считать, что он уже стоит одной ногой в коммунизме».

Немного таких литературных произведений, где бы, подобно тому, как это делается в повести В. Кожевникова, краны-трубоукладчики сравнивались с оркестром, а машинист-трубоукладчик — с органистом; где бы шов электросварки сопоставлялся с художественной каллиграфией, а сам мастер — с пианистом (ведь прозвали же виртуоза «графа Шпаковского» Ваном Клиберном); где бы проводилась параллель между выражением лиц рабочих перед ответственной операцией и обликом актера, стоящего «в сумерках кулис перед выходом на блистающую светом сцену». И все это в «Балуеве» не производит впечатления надуманности, натянутой «остраненности», а, напротив, впечатляет, органически вяжется с характерами, «сцепляется» с образом художественного целого. Так, воспринимая вот эту картину: «Не одетая в футировку окончичность джокера, юсмоленная битгумом, лежала на береговой круче, лоснясь, точно колонна, высеченная из мрамора. В наделанном остром оголовье джокера было нечто ракетообразное...» — воспринимая эту картину, мы ощущаем вторжение в стиль классического живописания мощного дыхания современности, эстетики технического гения человека. Точно так же в силу этой слитности с эпохой, в процессе чтения повести Кожевникова место привычного словосочетания «герой труда» начинает непременно замешать необычно звучащее — «художник труда».

Сознаемся, иной раз кажется, что автор не совсем полагается на «союзническую» настроенность читателя и поэтому снова и снова — то средствами словесной живописи, то художественной медитации, то публицистики — возвращается к утверждению эстетического начала труда. Но таким уж, наверно, бывает подчас удел писателя, поднимающего новый пласт — ведь литература наша еще не увенчала «художников труда», ведь изображение самих трудовых про-

цессов как «творчества по законам красоты» находится еще в стадии своего становления, только начинает утверждаться в арсенале социалистического реализма. И быть здесь одним из пионеров — значит не только стоять на пороге эстетики грядущего, но и переступить его, значит ухватить начало того витка «спирали развития», взлет которого непосредственно ведет к эпохе полной победы коммунизма.

В великие эпохи обостряется чувство времени. Они порождают ощущение связи времен, они делают нас особенно чуткими к диалектике, как выразился Горький, «трех действительностей» — прошлого, настоящего и будущего. И потому, что невольно начинаешь думать об этом, читая повесть В. Кожевникова, она — глубоко созвучное умонастроению человека наших дней произведение.

Автор «Балуева» нашел один из верных и вое в чем очень поучительных путей художественного воссоздания единства времени в его «трехмерности». Характернейшая особенность повести — «броски во времени» (так называет сам автор включение в повествование картин прошлого, насыщение его раздумьями о будущем), взятые в непосредственном отношении к настоящему, «работающие» на него и потому поддающиеся «монтажу» в непрерывном потоке событий, развертывающихся на глазах читателя.

«Время — штука материальная, — говорит заглавный герой своему сыну Косте. — И все весомей оно от созданий рук человеческих». Для обострения ощущений «весомости» нашего настоящего В. Кожевников и обращается в повести к прошлому и рождающемуся в современности будущему. А той основой, на которой автору удается, скажем словами Белинского, «прозревать историческую связь явлений» и показывать сдвинутость времен, твердость и непреклонность нашего движения «вперед и выше», оказывается деяние, творческая сила свободных рук человеческих. Она то, зримо представляя перед нашими глазами в картинах прошлого и настоящего, порождая в нас видение будущего, и цементирует различные хронологические пласты повествования в эпическое «сейчас», которое обладает самой большой выразительностью и действенностью, дает наиболее обогащенное и интенсивное эстетическое переживание как самой

нашей современности, так и ее вдохновляющих перспектив.

Читая «Балуева», мы как бы приобретаем к стихии вечно устремленного вперед Времени, Времени, которое работает лишь на тех, кто делает его весомей «деяниями рук человеческих». Вспомним заключительный абзац повести: «Обдавая запахом ветра и железа, промчался без остановки новый состав. На платформах стояли, прикрытые брезентом, гигантские машины, косая бахроме сосулек свисала с крыш вагонов». Есть в этом образе мчащегося состава, отнюдь не случайно данного в самом конце повести, нечто символизирующее облик и ритм нашего времени, нечто такое, что воскрешает в нашей памяти вдохновенный гоголевский образ России — «птицы-тройки».

Показ мощи и неодолимости нашего движения к коммунизму стал теперь одной из центральных тем «всесоюзной» литературы. Писатели союзных республик в последнее время немало поработали над созданием образа нашего современника, многие черты которого зачастую оказываются воплощением характера человека завтрашнего дня. Примером могут служить такие произведения узбекских художников, как талантливый, задумчивый роман Ш. Рашидова «Сильнее бури», тонко отделанная «Птичка-невеличка» А. Баххара, свежая «Хилола» И. Рахима.

Роман Ш. Рашидова «Сильнее бури» весь дышит современностью. Его главная тема — изображение наступления дехкан на целину, их борьбы за увеличение производства хлопка. Хорошо выражают ее многие целеустремленные, звучащие как лозунги, названия глав: «Борьба продолжается», «Куй железо, пока горячо», «Перед наступлением», «На переднем крае», «С народом горы своротим», «Труд — наше оружие» и др.

Ш. Рашидов по-новому ставит и решает проблему творческого созидательного труда, вопросы быта, коммунистической морали; очень показательны для романа глубокие авторские раздумья над жизнью сегодняшнего и завтрашнего дня Узбекистана. На всем протяжении своего произведения писатель ратует за воспитание нового человека, призывает быть чутким к нуждам народа, «беречь людские сердца от холодных ветров».

Основные герои романа — и старшее поколение и молодежь — живут одним

устремлением: как можно скорее покончить с еще оставшимися пережитками старого в сознании людей, добиваясь того, чтобы труд, направленный на процветание республики, стал радостным творчеством для всех. Особенно примечательны образы парторга колхоза Алимджана и его жены — председателя сельсовета Айкиз. Это новые люди, в которых «светит» время коммунизма».

Алимджан и Айкиз постоянно ведут борьбу с рутинерами, с теми, кто удовлетворяется достигнутым и не думает о завтрашнем дне, с такими, как председатель колхоза Кадыров, который, стремясь прожить без тревог и волнений, во время обсуждения вопроса о целинных землях развязно заявляет: «Вам мало задач, которые стоят перед нами сегодня, вы хотите признать их у завтрашнего дня!». Но завтрашний день торопить не надо, он сам к нам придет! И так скажу: «Дорогие, протягивай ножки по одежке. Дай бог текущий план выполнить. А с целинной придется обождать».

Алимджан и Айкиз — и практики и мечтатели. Они знают, «каких успехов можно достичь, торопя завтрашний день, стараясь приблизить будущее». Этим людям «милее то, что труднее достается».

Показательно для основного направления романа и развитие образа Муратали — представителя старого поколения хлопководов. Муратали — честный труженик, много сделавший для своего колхоза. Но он долго и мучительно ищет ответа на свой вопрос — как поступить сейчас, когда многие колхозники все силы отдают покорению целинных земель, покидают свои старые, обжитые места и переселяются в новые дома на только что освоенных землях. Ему трудно расстаться со своим старым кишлаком, старым урюковым деревом, за которым он ухаживал, которое он растил, как дитя, на протяжении всей своей жизни, ему трудно покинуть дом, где жили его предки. В конце концов он убеждается в правоте молодых — Алимджана и Айкиз, своей дочери Мехри — и переселяется в новый кишлак. Здесь он обретает счастье. Его взгляд теперь устремлен в будущее, и он очень хочет дожить до коммунизма, увидеть его своими глазами.

Ш. Рашидов в своем романе много места отводит изображению сдвигов в мировоззрении людей старшего поколения,

умело раскрывая диалектику нового и старого в их сознании. Интересна такая деталь. Муратали, переселяясь в новый дом, где есть печка, притащил и старый сандал. «Печка печкой, — говорит он, — а без сандала старикам никак нельзя». Это наводит писателя на такие размышления: «Айкиз стало и смешно и грустно... Еще недавно сияли перед ней степные просторы, которые не охватишь взглядом. Когда смотрела она в необозримую даль, ей казалось, что она смотрит в будущее. Муратали прав: они сделали в этом году широкий, могучий шаг в будущее, в коммунизм! И этот же Муратали приволок с собою в светлый завтрашний день память седой старины, сандал!».

В финале романа Ш. Рашидов создает «осердеченный» образ завтрашнего дня своих героев, образ «далекой дали времени». Обращаясь к Айкиз, он говорит: «Целина поднята, но борьба не окончена, Айкиз!». Тебе и твоим друзьям предстоит еще перепахать, очистить от сорной травы души иных из твоих земляков. Много впереди трудных дел!.. В грядущих днях и в далекой дали времени видятся тебе новые замыслы и свершения, борьба и победа..

Хормангляр, дорогие друзья!»

В последних строках романа Ш. Рашидова так же много «воздуха» и окрыляющей перспективы, как и в концовке повести В. Кожевникова. И не удивительно: персонажи узбекского романа «Сильнее бури» и русской повести «Знакомьтесь, Балуев» живут и работают в то счастливое время, когда, как сказал герой Ш. Рашидова директор МТС Смирнов, «мечты — свершаются, а свершения — рождают новую мечту. И нет остановок на нашем пути в будущее..»

Сейчас, когда идет всенародное обсуждение произведений, выдвинутых на соискание Ленинских премий, нам хочется присоединить и свой голос к многочисленным голосам читателей, единодушно выразивших одобрения романам В. Кожевникова и Ш. Рашидова. Это произведения поистине достойные высокой награды, ибо они смело и своеобразно, с высоким художественным мастерством решают важнейшую проблему современной литературы — социалистического реализма — проблему становления коммунистического характера.

Сатира и Кашпор

Розовой пеной вздуваются под ветром кусты сирени. В кабинет врываются возгласы детей, играющих в саду, гудки грузовых автомашин, привозящих бревна для строительства дома отдыха.

Исполняющий обязанности инспектора областного отдела культуры Мавлян Бердыев устало потягивается и несколько минут тоскливо смотрит вдаль, где у самого подножья желто-зеленых гор себребрится узкая полоска реки.

Мавлян Бердыев не замечает, как в кабинет, дважды спросив разрешения и дважды не получив ответа, входит молодой человек с аккордеоном за плечами и останавливается у порога.

Подняв голову и заметив настороженно застывшего у дверей молодого человека с каким-то ящиком за плечами, Бердыев поморщился и недовольно пробурчал:

— Кто такой? По какому вопросу?

— Извините меня, — смутился молодой человек с аккордеоном, — извините, пожалуйста, — повторил он. — Я... Я думал... Моя фамилия Джураев... Видите ли... я руководитель художественной самодеятель-

ности... Мы разучили одну замечательную песню... всем нравится... все поют ее и в нашем колхозе и в других, а заведующий районным отделом культуры товарищ Ахмедов запретил петь... эту песню... очень, говорит, подозрительная песня. Принесите, говорит, мне специальное разрешение из областного Управления.

— Ну и что? — нахмурил брови Бердыев. — Правильно говорит Ахмедов. Мало ли какие песни вы захотите петь...

— По моему, это недоразумение, — мягко сказал Джураев и в его спокойных,

умных глазах вспыхнули насмешливые искорки, — если вы разрешите — я спою эту песню и все станет ясным.

Бердыев тяжело вздохнул, беспомощно заерзал в кресле и, придя, видимо, к выводу, что от Джураева не так легко отделаться, безнадежно махнул рукой:

— Пойте! Только с условием: побыстрее и покорооче... В общих, так сказать, чертах...

Джураев проворно извлек аккордеон из футляра, стремительно пробежал пальцами по клавишам

Мих. Мелкунов
ТЩЕТНАЯ
предосторожность

Рассказ

и, продолжая широко улыбаться, звонко и весело запел:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой,
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.
Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла...

— Одну минуточку, — прервал Бердыев Джураева и, указав на стул, добавил: — Садитесь, товарищ, все ясно...

— Конечно, ясно, — просиял Джураев и, собираясь вместе с инспектором областного отдела культуры посмеяться над незадачливым Ахмедовым, торопливо уложил аккордеон в футляр.

— И эту песню забраковали?! — спросил участливо Бердыев, постукивая карандашом по стеклу письменного стола.

— Представьте себе, забраковали, — развел руками Джураев и сел на стул.

— Правильно сделали, — изрек вдруг Бердыев и уронил на пол карандаш.

— Как же правильно? Эта песня... — привстал Джураев, но Бердыев жестом посадил его на место.

— Не перебивайте, — строго сказал он и, подняв карандаш с пола, ловко бросил его в пустую чернильницу, — правильно, говорю, сделали, что забраковали. Песня в целом подозрительная, а местами весьма...

— Но ведь эту песню...

— Не перебивайте, — нахмурился инспектор и, достав карандаш, добавил: — Сначала меня послушайте, а потом я вас послушаю... Что можно сказать о вашей песне? Музыка, вообще говоря, ничего, терпима, а вот слова... Слова подозрительные...

— Товарищ Бердыев, — начал было Джураев, но замер на полуслове, встретившись с гневными глазами начальства.

— Не перебивайте, — снова, уже сквозь зубы, процедил Бердыев. — Вы человек культурный и должны знать, что кроме текста су-

ществует еще и подтекст, и с этим нельзя не считаться... Давайте разберемся... «Расцветали яблони и груши». Ну, это еще туда-сюда, а вот «поплыли туманы над рекой» — явно неграмотная фраза. Сами подумайте: как это можно вдруг поплыть над рекой? Плыть можно по реке, а над рекой не плавают, а летают или в крайнем случае порхают. Далее: «Выходила на берег Катюша». Туманно. Неконкретно. Зачем выходила — непонятно. В какое время дня выходила — тоже неясно. А может быть, она в рабочее время гуляет? Другие, понимаете, работают, она разгуливает! Нехорошо! Как там у вас дальше?

— Товарищ Бердыев, — взмолился Джураев.

— Не перебивайте, — снова оборвал его Бердыев, — как там у вас дальше?

— Выходила на берег Катюша, на высокий берег на крутой, — удрученно процитировал Джураев.

— Ну, вот, — с укором продолжал инспектор. — Выходила на берег Катюша, да еще на высокий берег, да еще на крутой. Удивляюсь, как вы можете писать такие вещи. Думаете ли вы о том, что пишете? А если эта самая Катюша сорвется с крутого берега и... упадет вниз? Кто отвечать будет? Неужели вам неизвестно, что жизнь человека нам дороже всего... Как там у вас дальше?

— Выходила, песню заводила про степного сизого орла, — почти простонал Джураев.

— Стоп. Достаточно, — остановил его Бердыев, — разберемся. «Выходила, песню заводила». Сами подумайте, — как это можно заводить песню? Завести можно патефон или часы, а песню не заводят, песню запевают. Пора бы знать об этом. Далее: «Про степного сизого орла». Это уже безобразно. Сизым степным орлом называется орел-стервятник. Непонятно, почему вы заставляете хорошую советскую девушку распевать песни про злого хищника, который, как известно, питается в основном падалью? Почему бы ей не спеть про домашних птиц, имеющих большое

значение в нашем народном хозяйстве? Ну, например, про уток, гусей, кур, петухов и прочих. Как там у вас дальше?

— Разрешите я все объясню, — раздраженно сказал Джураев и на лице его выступили крупные капли пота.

— Объяснять потом будете, — махнул рукой Бердыев, — как там у вас дальше?

— «Про того, которого любила, про того, чьи письма берегла».

В тоне Джураева была откровенная ненависть.

— Так. Та-ак, — протянул Бердыев, укоризненно качая головой. — Разберемся. «Про того, которого любила». Про того, да про которого... Нельзя ли яснее, конкретнее? Что это, понимаете, за туманные намеки? Про кого это, про которого? Кто он? Где работает? Чем вообще занимается? А может быть, этот самый неизвестный тип, про которого она поет, является человеком, не заслуживающим доверия? Тогда что? Далее: «Про того, чьи письма берегла». Какие письма? Каково содержание этих писем? Откуда именно они получены? Сколько их? На все эти вопросы ваша песня ответа не дает. И вообще должен вам сказать, что вся песня в целом вызывает серьезные опасения. Какая-то девушка, выходит на какой-то берег, поет какни-то песни про какого-то стервятника, имеет с ним подозрительную переписку неизвестного содержания. Судя по намекам, дело происходит на границе нашей Родины, а девушка имеет связь с человеком с другого берега. Вы сами понимаете, что такой девушке не место в нашем коллективе, а потому и леть о ней незачем.

Джураев в замешательстве поднял руки вверх, а затем беспомощно опустил их. С его лица на рубашку градом катились крупные капли пота. Боясь, что Бердыев вновь оборвет его, он торопливо выпалил:

— Это не моя песня! Это не мои слова! Слова этой песни написал Михаил Исаковский!

— Ну и что ж? — невозмутимо пробасил Бердыев. — Я человек объективный! Мне все равно кто написал. Плохо — значит плохо!

— Михаил Исаковский крупнейший советский поэт! Эта песня народная! Она имеет мировую известность! Это одна из любимых песен воинов Советской Армии! — не помня себя от гнева, закричал Джураев и к своему большому удовольствию заметил, как Бердыев изменился в лице.

— Что-о? Народная? Крупнейший советский поэт?! Одна из любимых песен?.. — забормотал испуганно Бердыев, вскочил с места и с возмущением обрушился на Джураева:

— Что же вы мне, понимаете, голову морочите?! Почему сразу не сказали об этом?! Провокацией занимаетесь?!

— Я хотел... Я пытался... но вы сами...

— Хотел! Пытался! Вам никто не позволит, понимаете, ставить в неловкое положение руководящих работников, — окончательно разбушевался Бердыев. — Сначала надо было предупредить, чья песня, а потом уже петь! Я этого так не оставлю! — вопил он, бегая по кабинету. — Очень даже замечательная песня, а вы мне, понимаете, голову морочите!

— Это не я вам голову морочил... — начал было Джураев, но Бердыев визгливо оборвал его:

— Что-о? Может быть, вы хотите сказать, что я вам голову морочил? Я попрошу! Я вас могу, понимаете, привлечь к ответственности за обман руководства!

Голос у Бердыева, вдруг сорвался. Он замолчал и после небольшой паузы примирительно добавил:

— А вообще говоря, во всем виноват Ахмедов... — Зло сорвав трубку с аппарата, Бердыев набросился на телефонистку:

— Что вы, понимаете, спите во время работы! Районный отдел культуры!

Не вешая трубки, он мягко, почти заискивающе обратился к Джураеву:

— А вы, товарищ, не отчаивайтесь! У нас еще есть, к сожалению, люди, которые, понимаете, сидят не на своих местах...

Не закончив фразы, он крепко прижал к уху трубку:

— Алло! Ахмедов?! Привет! Как здоровье? Как жена? Мать? Отец? Братья? Теща? Сестра? Муж сестры? Всем привет! Слушай, Ахмедов, что же это ты, брат, бюрократизмом занимаешься? Товарищ капельмейстер Джураев предложил для исполнения замечательную народную песню под названием «Катюша», а ты ее, понимаешь, забраковал. Как же так получается? Какой же ты начальник райотдела культуры? Эта песня имеет, можно сказать, мировую известность, а ты ее, понимаешь, забраковал. Что? Без меня знаешь? Не ты браковал? Кто? Кто? Заведующий музыкальным отделом? Случайно? А кто у тебя там музыкой занимается? Шамсиев? Слушай, как же ты Шамсиева на эту должность назна-

чил? Он же в прошлом году оглох после купанья! Что? Всего на одно ухо? Ну ладно, пусть работает! Песню немедленно разрешить, а Шамсиеву выговор за то, что не тем ухом слушал. Привет!— Бердыев положил трубку и, весело потирая руки, подошел к Джураеву.

— Слышали как я его? Не люблю бюрократизма! Я решаю вопросы оперативно! Все в порядке! Можете возвращаться домой... Ошибка со всяким бывает! Не ошибается тот, кто не работает!

— Да, да, конечно, — не желая продолжать бесполезный разговор с Бердыевым, ответил Джураев и, торопливо пожав протянутую руку начальника, вышел из кабинета на свежий воздух.

Когда Бердыев остался один, его вдруг больно кольнула мысль: «А что, если Джураев обманул его? А вдруг окажется, что эта песня не Исаковского, а самого Джураева? Что тогда? Надо будет уточнить».

Мих. ПРУГЕР

КОНЬ И ЯЗЫК

Басня

Взобравшись на коня,
Седок намеревался в путь пуститься.
Он рассчитал, поводья опустив,
Мол, конь помчит его, как птица.
Расчет, однако,
Был не очень точен.
Все дело в том,
Что конь был норовист,
И, между прочим,
Он не любил, когда у седока
Слаба рука.
Конь закружил на месте, вздыбился...
И наш седок
Едва с земли подняться смог...

* * *

Язык, что конь:
Сдержи его — послужит,
А распусти — закружит.

Короткие Котрасказы...

ТВОРЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА

Долго, очень долго молчал писатель Ноздрев. Уже давно герои его малоизвестных творений бросили вдохновенно описанную им тачку и пересели в шагающий экскаватор, сменили талантливо воспетый кетмень на трактор, пересели с мастерски описанного ишака на воздушный лайнер. А писатель все молчал.

Посыпались недоуменные вопросы.

— Отсутствует творческая обстановка, — заявил инженер человеческих душ.

Потребовались уточнения.

— Тесно в коммунальной квартире, — сказал писатель Ноздрев, и ему возвели персональный коттедж.

— Устарела мебель, — пожаловался он, и комнаты писателя приняли вполне современный вид.

— Маловата усадьба, — обратился он к председателю горсовета, и в резиденции автора романа «Лопата, тачка и кетмень» разбили виноградник, соорудили площадку для вертолета.

— Итак, за письменный стол! — потирая руки, самопризывно изрек творец и направился в рабочий кабинет.

Воцарилась тишина. Семья писателя ходила на цыпочках. Мурлыкающий кот был выдворен на террасу. Выключены телефоны и приемники. Остановлены часы. К вечеру жена писателя услышала богатырский храп и осторожно прошла в кабинет.

Писатель безмятежно спал сном ночного сторожа, развалившись в мягком кресле. На столе лежало... два заявления: в Союз писателей с ходатайством о переиздании романа «Лопата, тачка и кетмень» и в Литфонд с требованием безвозвратной ссуды.

ДАЙТЕ МНЕ КВАРТИРУ

Письмо положительного героя автору романа „Долой личное!“

Уважаемый товарищ автор!

Я должен уведомить вас о печальном случае, происшедшем на днях в нашем местном комитете профсоюза. Меня принимал председатель.

— Слушаю! — любезно произнес он.

— Прошу квартиру в новом доме! — сказал решительно я.

— Что?! — негодуяюще воскликнул он, нажал кнопку звонка и попросил принести ваш роман. И тут началась пренеприятная беседа. Председатель, медленно смакуя каждое слово, повел речь:

— Роман «Долой личное!» охватывает период в 5 лет. За это время, имея в своем распоряжении площадь 871 страницу, вы ни разу не ели, ни одной ночи не спали, ни одного дня не провели в домашней обстановке, ни разу, простите, не поцеловали девушку. Все — цех, станок, обязатель-

ства, экономия материалов и т. д. и т. п. Спрашивается, зачем вам квартира да еще со всеми удобствами? Холостякам да еще с такими скромными запросами максимум — место в общежитии.

— Я — не холостой, — протестующе сказал я, — у меня жена, дети, мне надо кухню, спальню, ванную!

— Что за чепуха? — презрительно ответил предместкома, — здесь (он указал на роман) ничего об этом не сказано. Могу предоставить место в общежитии. Претензии предъявляйте автору.

И я ушел ни с чем. Неужели я виноват, что положительный?

Л. ШАБШАИ

Баран и ПРИКАЗ

Басня

Лет пять назад, по недоразумению, Баран назначен был на пост Вола. Он бесконечно рад был назначенью: Доверье льстит и должность не мала...

Немножко, правда, боязно с волами Под общей крышей... Но... На то приказ... «Я тоже, мол, с копытами, с рогами», — Баран себя подбадривал не раз.

Поскольку был к волам Баран
причислен,
Его в телегу с грузом запрягли.
Заблеял он, губа его отвисла —
Ни «бе», ни «ме» ему не помогли.

Баран споткнулся и упал под дышло —
Он надорвался, выбился из сил.
Вола, конечно, из него не вышло,
Но он об увольнении не просил...

Когда, однако, все ж он был уволен,
В овчарню возвращен, на прежний пост,
То заорал: «За что? Я недоволен!
И вообще Баран ли я — вопрос!»

...Волом поныне тот Баран зовется,
Хоть провалил работу он не раз...
Пусть так... Баран бараном остается...
Но кто же тот, кто подписал приказ?

В стакане

Ему и море было по колено,
Казалось, не утонет в океане,
Но... водку полюбил самозабвенно —
И утонул... в стакане.

Критикант

Кто что б ни делал — он критиковал,
На лица не взирая, беспощадно,
И на собраниях тон он задавал,
И речь его была на редкость складной.
Твердил, что критика — целительное
зелье,
И ею прикрывал свое безделье...

Тонкий подхалим

Начальнику в глаза не говорил похвал —
Его жене восторг свой изливал:
Он тонкий подхалим и дипломат
к тому же —
Ведь знал: жена все перескажет мужу.

Тунеядец

Пусть грубо,
но я бы сравнил
тунеядца
С клопом
и пиявкой,
с вьюном-повиликой...

Ему лишь забота:
к кому б присосаться,
Чтоб жить — не работать.
Он —
наглый,
двуликий.

Верзила,
а в справках он —
жертва болезни...
Транжирит бездумно
зарплату
папашину.
К чужому добру
незаметно пролезет —
Возьмет,
украдет,
если сам ты не дашь ему.
Похнычет — разжалобит:
«Я — неудачник,
Никак не могу
по призванию
устроиться» —
И добрые люди
подбросят подачку,
А в ней —
поощренье бездельника
кроется.
Жить трутнем беспечным —
плохое искусство,
Но этим искусством
владеет он с юности,
На вид —
человек,
а нутро его —
пусто.
Слизняк —
если встретит
малейшие трудности.
Иной,

хоть на службе
формально и значится —
Плевать,
что зарплата его
небольшая.
За ней,
как за ширмой,
искусно он прячется.
Любых махинаций
ничуть не гнушаясь.
Зато
оправдание есть:
«Я работаю —
И дом,
и машину
трудом своим нажил...»
Не верьте!
Зарплата
и долю сотую
Расходов его
не покроеет даже.
Пусть хнычет,
скулит,
пусть закатит истерику —
Заставьте,
заставьте
честно работать.
Быть может,
для общества
он не потерян,
От совести,
может,
осталось в нем что-то!

В. ДРОБИН

Товарищ и так...

Один читатель-книголюб
Отделал книжный шкаф под дуб.
В нем аккуратно и толково
Расставил — Пушкина, Толстого,
Гюго, Бальзака, Марка Твэна,
Трехтомник «Жизнь и гигиена»,
Роман «Любовь до эшафота»,
Случайный томик Вальтер Скотта.

От магазина жил он близко,
Менял подписку на подписку...
Хватал издания те и эти...
Не дал читать жене и детям,
И сам читать не собирался,
Чтоб томик новый не помялся...
Каким он был, таким остался.

Случилось это в первых числах сентября. Как раз когда была пора начинать уборку хлопка, колхозники потребовали немедленно созвать общее собрание. И какую бы вы думали они предложили повестку дня?—«О неудовлетворительной работе пред-

Рассказ

седателя артели». Акмаль Назиров понял, откуда ветер дует... Это все дело рук нового парторга... не срабаталось...

— Ну, что ж,—размышлял он,—пойду в исполком и скажу: вопрос обсуждать незачем... Все ясно — работа неудовлетворительная, чего еще надо? Сделайте оргвыводы и все...

В исполкоме с Акмалем не согласились, и собрание все же состоялось. Повестку дня утвердили, все было за... и вот начались прения. От этих прений, о которых говорили, вполне справедливых, председатель артели почувствовал себя плохо и, кажется, даже прихворнул. И в этом ничего удивительного. Человек не из железа, можно и прихворнуть. Нервы...

Акмаль Назиров возвратился домой поздно ночью и сразу почувствовал, что его лихорадит, хотя ночь была теплая.

— Что с тобой, Акмаль? Ты весь горящий,—с тревогой спросила жена.

— Еще бы, на такой работе, как у меня, и сгореть можно. Дай, пожалуйста, термометр.

Акмаль прилег на постель не раздеваясь... Через десять минут ртутный столбик показал 37,6.

К утру температура не понизилась, голова продолжала болеть и пришлось вызвать из районного центра врача. Врачи были и в колхозной больнице, но председатель больше доверял медикам из райцентра.

Врач приехал быстро. За ним была послана председательская «Волга».

— Ну что ж, давайте, Акмаль-ака, послушаю я вас. Что с вами стряслось?.. Так... С легкими у вас как будто бы все в порядке. Пульс нормальный.

— Так в чем же дело? Почему температура не падает?—допытывался председатель.

— Медицина не может установить точный диагноз за один день... Надо полежать, изучим вас, а там уж начнем лечить,—успокаивал больного врач.

— Как же я могу лежать и прохлаждаться после такого собрания, как вчера!—вспыхнул председатель.—Если бы знали, доктор, как мне досталось!

— Медицины, видите ли, это не касается. Надо полежать, а там посмотрим...—категорически потребовал врач.

Рядом с постелью больного стоял и внимательно прислушивался к разговорам младший сынишка Акмаля Фазыл. Неожиданно он подбежал к доктору и сказал:

— Вы не знаете чем папа болен, а я знаю!.. Он серьезно заболел...

Отец посмотрел на Фазыла с недоумением. Мать хотела увести его, но врач, улыбувшись, спросил у мальчика:

— А ты откуда знаешь, что папа серьезно болен?

— А я слышал, сам папа говорил... У него не одна болезнь, а даже много...

— Вот как! Даже много? Любопытно — сколько по-твоему?—спросил врач и усадил маленького Фазыла на стул.

Фазыл, не смущаясь, повторил: — Много... Печень болит — раз, ноги болят — два, уши больные — три... Вот!

Все смотрели на мальчика с любопытством и удивлением. Врач продолжал допытываться:

— Интересно, говори, говори...

— Папа сам говорил, что хлопкоуборочные машины у него лежат в печенках...

— Ну, ну, рассказывай,— подбадривал Фазыла врач.

— У папы ноги очень болят. Он не знает, а колхозники говорили, я сам слышал, что с механизацией папа хромает на обе ноги... И уши у него тоже больные...

Отец вскочил с постели:

— Замолчи, мальчишка! Мать, убери его сейчас же!..

Мать схватила Фазыла за руку, но он продолжал упираться.

— Да, да. Колхозники так и говорили, что папа не прислушивался к критике, что у него чем-то уши заложило...

Врач посмотрел на больного. Больной на врача. И никто из них не промолвил ни единого слова. Это и естественно — диагноз был установлен совершенно точный.

Со двора доносился плач ребенка. Очевидно, мать чинила расправу за критику...

ПЕСНИ И ОБЫЧАИ УЗБЕКСКИХ ЧАБАНОВ

(Заметки фольклориста)

Узбекский фольклор включает в себе большое многообразие жанров. Наиболее полно представлен и изучен монументальный жанр дастанов — героический эпос узбекского народа. Это вполне естественно, так как дастаны отличаются значительностью тематики, яркостью и своеобразием художественных образов.

Однако большой интерес представляют и почти не собиравшиеся до сих пор некоторые жанры узбекского фольклора, особенно мало известные сказки, песни, поверья, пословицы, а также обычаи узбекских животноводов.

Не все, разумеется, в этих жанрах представляет одинаковую идейную и художественную ценность.

Русские революционные демократы — Белинский, Чернышевский, Добролюбов, высоко ценя

устное народное творчество, видя в нем выражение миросозерцания народа, предостерегали против идеализации фольклора, указывали, что в нем есть не только светлые, но и темновые стороны, объясняемые действительностью, в которой жил народ. Нельзя забывать об отрицательном влиянии на идеологию народа вековых предрассудков, реликтов древних верований, религиозных культов. Добролюбов отмечал влияние церкви на русский фольклор и утверждал: «Не все в народе — народное».

В публикуемых ниже материалах пастушеского фольклора светлую сторону составляет проступающая в нехитрых песенках, сказках, поговорках душевная теплота, глубокая человечность, искренность, любовь к животным.

Следует сказать, что в фольклоре чарвадаров —

чабанов проявляются также суеверия и предрассудки, которые свидетельствуют о живучести древних магических представлений, основанных на вере в силу слова, заклинания.

Публикуя материалы, к сожалению, немногочисленные, которые удалось собрать в среде чабанов, автор преследовал цель выявить те крупницы подлинного золота народной поэзии, которые в них заложены. Обычаи же и поверья, в основе которых лежат религиозные предрассудки, постепенно изживаются под влиянием самой жизни и благодаря внедрению научных методов животноводства, благодаря применению техники, повышению общей культуры. И тем не менее изучение этих явлений в народном быту необходимо, ибо изучая эти явления, вскрывая их корни, мы тем са-

мым способствуем их отмиранию.

Хранителями и носителями фольклора в Узбекистане, как и всюду, чаще всего являются люди, живущие в тесном общении с природой. Много интересных поэтических присказок хранят в своей памяти чабаны, передавая их из поколения в поколение. Однако своеобразие фольклора чабанов заключается не только в его поэтичности. Песни, поверья, поговорки, присказки, помимо всего прочего, играют для чабана чисто служебную роль, они помогают ему в работе.

Узбекских чабанов отличает прекрасное знание нрава животных, их повадок, если можно так выразиться, — знание психики животного.

Большая, в 500—600 голов, отара овец у хорошего чабана представляет собой понятливое и послушное стадо, которое, заслышав протяжный крик чабана, мгновенно останавливается, как вкопаное.

Вожаки-козлы секунду прислушиваются, затем круто меняют направление, и все стадо послушно движется за ними. Чабан, быть может, не слышал о теории И. П. Павлова, об условном рефлексе, но испокон веку он в обращении с животными все свои действия направляет именно к тому, чтобы вызвать определенный рефлекс. Чабан действует в силу векового опыта, передаваемого из поколения в поколение.

Объяснение этому чабаны находили в наивном убеждении, что любое животное — овца, коза, верблюд имеют каждое свой язык и понимают язык человека, а некогда, якобы, и человек понимал язык животных. Об этом свидетельствуют и узбекские сказки, одну из которых — сказку о человеке, понимающем язык животных, — приводит известный узбекский писатель дрезности Рабтузи в сочинении «Кыс

аль анбия» — «Сказания о пророках».

В народе издавна было принято считать, что животное вполне понимает язык человека и поэтому его можно вразумить, успокоить, уговорить. И по-скольку среди народа считалось, что самый убедительный язык — это язык песни, чабаны по традиции «убеждают» животных специальными песенками.

Песни чарвадаров направлены к определенной практической цели: заставить животное поступать так, как это нужно для того, чтобы не допустить ущерба в хозяйстве. Чабан отвечает за каждую голову в стаде, отвечает за сохранение приплода. Но при окоте овец, коз, при ожереблении верблюдов неизбежно бывают случаи, когда либо мать (коза, овца или верблюдица) погибает, либо она ни с того ни с сего не принимает детеныша, отгоняет его, не хочет кормить. Обычно так бывает с первоокотными животными.

Явление это — отталкивание детеныша — особенно часто встречается среди каракульских овец, у которых ослабевает материнский инстинкт. «Етим» — сиротка, с состраданием говорят о брошенном ягненке суровые на вид старики-чабаны и спешат устроить сиротку, пристроить его к овце (или козе), у которой пал или отнят по чему-либо ягненок. Но мачеха не желает принять на свое попечение чужого, не желает дать ему свое молоко. Она испугана, сопротивляется, сердится, волнуется. Ее нужно успокоить. Чабан привлекает животное к себе, ласково уговаривает его, поглаживает и начинает напевать песенку. Известны песни, которые напевают овце, козе. Известна и песня, которую успокаивают верблюдицу. Напев этих песен медлителей, исполняются они монотонно, и благодаря этому песенки действуют на животное успокаивающе.

Текст и мелодия песен не представляют собою чего-либо застывшего, но, в основном, содержание песенок, обращенных к овце или козе и напеваемых чабанами в разных местах Узбекистана, — сходно. В создании таких песен, как всегда в фольклоре, большую роль играет импровизация.

В своей брошюре о козоводстве в Узбекистане проф. П. Ф. Княткин, указывая на обычай чабанов воздействовать на козу-мачеху песней, называет имя известного импровизатора — чабана из Чаркиссарского сельсовета Мирзаалима Мадалимова. Ученый отмечает, что Мадалимов умеет мастерски создавать тексты и мелодии к ним. Приведем по одному варианту песен, обращаемых к овце и козе.

Песня, обращаемая к овце:

Тпрей, тпрей, тпрей,
джаным, тпрей,
Тпрей, джаным, тпрей,
Тпрей, сама возьми ягненка,
Небитая, неруганная,
сама возьми,
Тпрей, тпрей, тпрей,
Возьми ягненка, тпрей тпрей.
Умная овца, возьми.
С овцами вместе приходи.
Тпрей, тпрей, тпрей,
тпрей.

Принявши ягненка, к овцам иди.
Ягненка вырасти овцой,
Никаких черных сил нет,
Над ягненком никаких черных сил нет.
Тпрей, тпрей, тпрей...
Взявши ягненка, к овцам иди.
С овцами вместе приходи,
Тпрей, тпрей, тпрей,
Ягненка вырасти овцой.
Милая овца, тпрей, тпрей,
С джабага¹ шерстью овца, тпрей.
Плохой чабан ухаживал за овцами...
Ягненок остался сиротой...
Возьми ягненка, тпрей, тпрей,
Подсади ягненка к своему вымени.

¹ Мясная, пушистая шерсть.

К ногам ягненка подсади.
Тирей, тпрей, тпрей,
Если ягненка не
возьмешь,
Свяжу ноги твои,
зарезу...

Песенка записана в
1957 году в колхозе им.
Энгельса, Джизакского
района от чабана Халбая
Шалматова, 55 лет, уро-
женца колхоза.

Напевая песню, чабан,
по мере того, как овца
успокаивается, подталки-
вает к ней ягненка, при-
страивает его к вымени
и все же считает нужным
попугать овцу угрозой,
что в случае непослуша-
ния она будет зарезана.
Такою же угрозой мы ви-
дим и в песне, обращен-
ной к козе:

Чурчу, чурчу, чурчу,
Возьми козленка,
уница-коза,
Придвинь его ближе к
себе,
Лучше убей его, если не
возьмешь.

Чурчу, чурчу, чурчу,
Возьми и прижми дитя к
себе.

Пусть твоя душа
радуется козленку.
Если не возьмешь его,
плохо будет,
И во сне ты камень
прижмешь вместо
козленка,
Чурчу, чурчу, чурчу.

Не отчуждай малое дитя.
Если козленка не
возьмешь,
На базар пойдешь,
Мясники тебя за ляжку
схватят.
Чурчу, чурчу, чурчу.

Песня записана в кол-
хозе «Янги-Чарва» Пап-
ского района, Наманган-
ской области зоотехником
А. Д. Куяновой.

Песню поют животному
не только, когда застав-
ляют его принять дете-
ныша, но и во избежание
толкотни, когда подго-
няют овец к водопою.
Отару при этом отгоня-
ют на горку. Чабан поет
песню и, несмотря на
жажду, истомленные ов-
цы не бросаются всем
стадом, а идут цепочкой.
Песня сдерживает стадо.

Животное бывает бес-
покойно и во время до-
ення. Его успокаивают
определенными возгласа-
ми, произносимыми тихо
и ласково. Так, овцу ус-
покаивают возгласами ко-
шок, кошок, кошок; ко-
зу — чирчей, чирчей,
чирчей; корову — ош,
ош, ош; кобылицу —
кру-кха, джаным, кру-
кха; верблюдицу — ха-
роу, хароу, хароу.

Овцу, которая не при-
нимает детеныша, иногда
привязывают к колышку,
подсаживают к ней яг-
ненка. Овца увертывается
от него, бодает его лбом —
не принимает. Тогда про-
тив нее вбивают кол, к
которому привязывают на
короткой веревке страш-
ную чабанскую собаку-
волкодава так, чтобы
достать овцу она не мог-
ла, но при малейшем дви-
жении овцы волкодав
рычит и кидается. Ягне-
нок, испуганный насмерть,
жмется к овце, и у той
под влиянием страха пер-
ед разъяренной собакой
на мгновение просыпает-
ся инстинкт материнства,
и первым движением овцы
является стремление огра-
дить, защитить маленькое
беспомощное существо.
Овца загоразивает ягне-
нка, подталкивает его под
себя, он находит вымя,
начинает сосать молоко.
Собаку убирают, но овца
уже приняла сироту и
больше его не отпустит.

Провождая всю жизнь сре-
ди овец и коз, чабан при-
вык наблюдать за их
нравом и повадками. Уз-
бекские чабаны знают
каждую овцу или козу,
как говорит, «в лицо».
Посторонний человек
(иногда даже зоотехник)
не отличает отдельных
животных друг от друга,
но чабан, если это нужно,
быстро найдет в целой
отаре определенное жи-
вотное. Сверяя номер се-
режки в его ухе со свои-
ми записями, зоотехник
убеждается, что чабан не
ошибся.

Чабан очень обидится,
если услышит широко
распространенное мнение,

что глупее овцы нет жи-
вотного. Чабан уверит
слушателя, что животные
имеют ярко выраженный
характер, определенные
положительные качества
и определенные недостат-
ки. Козы сильно отлича-
ются от овец. Баран и
овца, по его мнению,
кроткие животные, они
все понимают, они не
глупы, а добры, а вот
коза — животное злое,
лукавое, эгоистичное.

Как известно, по вос-
точному исчислению каж-
дый восьмой год — это год
барана и этот год являет-
ся самым счастливым и
плодородным. По широко
распространенному пре-
жде поверью, коза, а осо-
бенно козел, происходят
непосредственно от ша-
тана-дьявола. Представле-
ние о нравах тех или
других животных ярко от-
разилось в маленькой
сказке, записанной от ча-
бана Даурбая Хаджиму-
ратова, 36 лет, уроженца
Джизака.

«Однажды ночью зимой
был сильный ветер, бу-
ран. Как обычно, в
овечью отару вместе с
козлами-вожаками (саркэ)¹
пускают несколько коз.
Шерсть у коз прямая и
длинная, редкая. Ветер
размывает ее, и коза
мерзнет. У овец шуба теп-
лая, а одна очень хитрая
коза оказалась в отаре
овец. Она жалась к овцам
и, тихонько, подталкивая
их рогами, пробиралась
в глубь отары, чтоб по-
греться от тепла овец.
Когда она задевала овец,
они спрашивали ее: «Бу-
ким?» (Это кто?) — «Би-
ча-ра-а-а» (несчастная
бедняжка), — тихо и жа-
лобно, тоненьким голосо-
ком отвечала ички (коза).

Настала весна и овец
погнали в горы, на джай-
ляу, летнее пастбище.
Коза с ними. Она попра-
вилась, разжирела и,
завравшись на высокую
скалу, как это любят ко-

¹ Саркэ — вместо обыч-
ного сарка — местное
(джизакское) произноше-
ние.

зы, которые всегда карабаются по склонам гор, начала рогами сталкивать камни вниз, на овец. Овцы в ужасе закричали: «Бу ким?» — Это кто?

— «Шахмардонларман» — я шах над шахами, — гордо и заносчиво отвечает неблагодарная и зазнавшаяся коза.

— Адамлар шунака булади — так бывает и с людьми, — со вздохом закончил сказку чабан.

Некоторые обычаи, бытующие в наши дни, лишены практического значения, в основе их лежит суеверие. Правда, суеверное осмысление зачастую теряется и обычаи хранятся лишь в силу традиции. Таков обычай в период случайной кампании разбивать перед отарой овец или стадом коз большой спелый арбуз о лоб барана-производителя в курдючных отарах или об его рога — в каракульских. Арбуз разбивают сильным ударом так, чтобы семена его разлетались во все стороны по отаре овец. При этом чабан приговаривает:

Яхши тарвуз — яхши
тухум беради.
Ёмон тарвуз — ёмон
тухум беради.
Яхши қўчқор — яхши
қўзи беради.
Ёмон қўчқор — ёмон
қўзи беради.

Хороший арбуз —
хорошее семья будет.
Плохой арбуз —
плохое семья будет.
Хороший баран —
хорошие ягнята будут,
Плохой баран —
плохие ягнята будут.

Выделка овечьих, козьих шкур у чабанов считается искусством. Пустак — выделанная мехом вверх шкура. Пустак — необходимый предмет в доме чабана. Положительным качеством хорошей жены является ее умение хорошо выделать шкуру. Об этом говорит пословица:

Яхши хотин белгиси
биллари қилар терини.
Мирза қилар эрини.
Ёмон хотин белгиси
олдрақ қилар терини.
Тентак қилар эрини.

Хорошая жена хорошо
выделяет шкуры.
Мирзой (мудрым)

делает мужа.
Плохая жена плохо
выделяет шкуру,
Мужа превращает
в дурака.

Весну и лето до поздней осени стадо проводит на джайляу — высокогорных лугах, окруженных со всех сторон горами. Овцы или козы разбредаются по пастбищу, но всех их держит в поле своего зрения чабан, стоящий на пригорке и опирающийся на посох. Посох — таяк является неизменным другом чабана. Чабан вырезает его из крепких пород деревьев, растущих в горах (ургай, тик и др.). За время пребывания в руках чабана посох отшлифовывается и начинает блестеть, словно полированный.

Посох служит чабану не только тогда, когда чабан наблюдает за пасущейся отарой. В тех случаях, когда нужно поймать ягненка, чабан забегает

вперед и легким движением, едва касаясь посохом шеи животного, валит ягненка, затем быстро подбегает, не дав встать, и хватает ошеломленное животное.

Если нужно поймать пугливую овцу, чтобы проверить номер на сережке, протодетой в ее ухо, чабану снова помогает посох. Овца мечется из стороны в сторону, чабан гонится за нею и вдруг подбрасывает вверх посох (иногда шапку). Овца растерянно поднимает голову, на миг останавливается, а чабан, пользуясь этим, ловит животное.

Посохом чабан шевелит дрова в очаге или костре, когда готовит себе пищу или кипятит чай. Посох — помощник чабана. Идя за отарой, опираясь на посох, чабан любовно обращается к нему, как к живому существу и с большой теплотой в голосе говорит:

« — Бос, бос таёқ —
чўпоннинг аёк! »

— Шагай, шагай,
палка — ноги чабана!

Как свидетельствуют факты, многие обычаи, унаследованные от предков — чарвадаров, превратились в наше время в приемы и методы работы чабанов. Что касается обычаев, в основе которых лежат суеверия, то они требуют настоящей борьбы с ними, так как суеверия являются тормозом в повышении сознательности колхозников.

Л. Перепелицына.